КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII

1901 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе)*. **Ор. Левицкаго** . . . . . 149—182

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе)*. **В. Шенрока** . . . . . 183—213

III. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. *(Продолженіе)*. **И. Лучицкаго** . 214—226

IV. СЕРЕДЪ ТЕМНОИ НОЧИ. Част. I. Повисть. **В. Гринченка.** 227—281

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). *(Окончаніе)*. **А. Л.** . . . . . 282—300

VI. ЛЫХО. (Картынка зъ жыття голодныхъ). **М. Старицкаго** . . . . . 301—316

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Максимовичъ подъ фирмою Кулиша; б) Неудачное вѣнчаніе монаха. Сообщ. **В. Доманицкій**, в) Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго; г) Народная пѣсня о Шевченкѣ; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**; е) Стоимость похоронъ барышевской обывательки, въ 1756 году; ж) Для исторіи торговли въ Старой Малороссіи; з) Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ, въ нач. XVIII в.; и) Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. **Н Бѣляшевскаго**; і) Письмо въ редакцію. **Г. А. Кузьмина** . 73—92

Текущія извѣстія . . . . . 93—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины и Запорожья. Очеркъ В. П. Кранихфельда. **В. Д.**; б) Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. **Н. В.**; в) 1. Лыхо зъ горилкою! (Правдыве оповидання.—Пьяныця) и 2. М. О. Островскій. (Вирне средство одъ пьянства и запоя). **В Д.**; г) Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатьевъ. **В. Д.**; д) Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. Т. XVI; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 101—126

Археологическая лѣтопись . . . . . 127—137

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Ма[illegible] полкъ. **Ал. Лазаревскаго** [illegible] 25—240

Въ книжномъ магазинѣ редакціи

журнала

„Кіевская Старина“

поступили для продажи слѣдующія книги.

Альбомъ 26 укр. писателей, ц. 50 к. и 1 р.

Андріевскій. Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Ч. 1-я гл. I и III-я, ч. II гл. IV, ц. 1 р. за часть.

Ар—сз. Катерына. Опера в 3-х дiях, ц. 3 р. 50 к.

Аркасъ. Я не можу тоби розсказать про любовъ. Романсъ. Ноты. Спб., ц. 50 к.

Антоновичъ Б. Къ вопросу о галицко-русской литературѣ (оттискъ изъ журн. Кіевской Старины). Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Барвинокъ. Молодыча боротьба. С.-Пб. 1899 г., ц. 1 коп.

— Вирна пара С.-Пб. 1900 г., ц. 3 коп.

Бидай. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпуски 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й и 10-й Екатеринодаръ, 1898 г., ц. за вып. 1 р.

Бѣляшевскій, Археологическая Лѣтопись Южн. Россіи, Т. I-й и II-й. Кіевъ, 1899 г., ц. 2 руб. за томъ.

Болсуновскій. Свинцовыя пластинки (Муз. Скарж.), ц. 1 р.

Верзиловъ. Очерки торговли Южной Руси. Черниговъ 1898 г., ц. 50 коп.

Воронка. Коханци шкодныкы. Водев. 1900 г. ц. 20 к.

Вовчокъ. Выкупъ (на русскомъ азыкѣ). Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к.

— Даныло Гурчъ. Кіевъ 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. Грам.

— Максымъ Грымачъ. Выкупъ и др. оповидання. Кіевъ, 1900 г., ц. 4 коп. Изд. Ком. Грам.

— Свекруха, Отець Андрій. 1900 г., Кіевъ ц. 2 к.

Василевскій. Современная Галиція. Петерб., 1900 г., ц. 80 коп.

Гринченко. Ганна Барвинокъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 15 к.

Гринченко. Народные спектакли. Черн., 1900 г., ц. 25 коп.

Грабына. Тывуртіевы выгадкы. Жартъ. 1900 г., ц. 20 к.

— Дивоче серце. Кіевъ, 1899 г., ц. 25 к.

— Панъ Халявскій. Комедія фарсъ въ 4-хъ дiяхъ. 1900 г., ц. 50 к.

Демченко. Образованіе и сочетаніе словесныхъ звуковъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 25 коп.

Дашкевичъ. Описаніе Черноморья. Кіевъ, 1891 г., ц. 40 коп.

— Вопросъ о литературномъ источникѣ И. П. Котляревскаго. Кіевъ, 1893 г., ц. 40 коп.

— Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1884 г., ц. 40 коп.

— Еще разысканія и вопросы о Болоховѣ и Болоховцахъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 к.

— 25-лѣтіе историческ. общества Нестора Лѣтописца. Кіевъ, 1899 г., ц. 60 коп.

— Средневѣковая греко-славянская литература (преимущественно поэтическая) и ея отношеніе къ западноевропейской поэзіи. Кіевъ, 1887 г., ц. 30 к.

— Міровая скорбь, мрачное міровоззрѣніе и пессимизмъ. Кіевъ, 1895 г., ц. 40 к.

— Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы. 1886 г., ц. 30 к.

— Зезенгеймская идиллія. Эпизодъ изъ исторіи юношескихъ стремленій, увлеченій и творчества Гёте. Кіевъ, 1897 г., ц. 50 коп.

— Литература св. Граселя за послѣдніе годы (1876—1888 г.). Кіевъ, 1888 г., ц. 50 к.

— Романтика круглаго стола въ литературахъ и жизни запада. Кіевъ, 1890 г., ц. 50 к.

Дикаревъ. Малорусское слово «Паляныця» и греческое «πέλανος». Ц. 10 к.

Ефименко. На Украинѣ, в. I-й ц. 30 к., в. II-й ц. 30 к. и в. III-й ц. 35 к.

Житецкій. Энеида Котляревскаго и древній списокъ ея. Кіевъ, 1900 г., ц. 2 р.

— Описаніе Пересопницкой рукописи. К., 1876 г., ц. 1 р.

Зиневичъ. Панъ Штукаревичъ, або оказія якои не бувало. Каменецъ-Подол. 1900 г., ц. 50 к.

Землякъ. Отъ тоби й монополія! Сцена въ 1-мъ дѣйствіи. Одесса, 1899 г., ц. 15 к.

М. Загирня и Б. Гринченко. П. И. Глѣбовъ. Біогр. очеркъ. Черн. 1901 г., ц. 25 к.

Корифеи украинской сцены (съ 8 портр.). Кіевъ, 1901 г., ц. 65 к.

Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко — пѣвецъ Украины и Запорожья. (1814—1861). Спб. 1891 г., ц. 30 к.

Кулишъ. Оповиданія. Бахмутъ 1900 г. ц. 50 коп.

— Чорна рада. Выданія друге. Одесса, 1900 г., 50 коп.

— Драмована трилогія. Харьковъ, 1900 г., ц. 2 руб.

— Орыся (С.-Пб.) 1900 г., ц. 2 коп.

— Воспоминанія дѣтства. Повѣсть. Бахмутъ, 1899 г., ц. 1 р. 25 коп.

— Про злодія въ с. Гакивныци. Кіевъ, 1901, Ц. 3 к.

Конопницкая. Христа. Кіевъ, 1899 г., ц. 6 коп.

Комаровъ. Нова збирка прыказокъ. Одесса, 1900 г., ц. 50 коп.

— Къ біографіи Стороженка. Кіевъ, 1890 г., ц. 15 коп.

Комарь. Оповиданнія про Антона Головатаго. Спб. 1901 г., ц. 5 и 10 к.

Кропивницкій. Передъ волею. Драма въ 5 дінхъ. 1901 г., ц. 20 коп.

— По ревизіи. Харьк., ц. 5 к.

Конисскій. Млынъ. Оповид. 1901 г. ц. 3 к.

— Грошолюбка. Черкассы, 1900 г., ц. 5 коп. и на лучшей бумагѣ ц. 10 к.

— Творы, т. Ш-й. Ялта. 1900 г., ц. 1 руб. и на веленевой бумагѣ ц. 1 р. 50 коп.

Каниввцкій. Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ, 1900 г., ц. 1 руб.

Конощенко. Украинськи писни зъ нотамы. Одесса, 1900 г., ц. 30 к.

Кукулевсъкый. Оповиданнія про жыття Кобзаря. Кіевъ, 1901 г., ц. 2 к.

Левицькый. Бабы. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.

Левицкый М. Короста. 1901 г., ц. 1 к.

Лыхо зъ горилкою. Москва, 1901 г., ц. 3 к.

Мачтетъ. Смотрины. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотности.

— Два «міра». Кіевъ, 1899 г., ц. 10 к. Изд. Ком. грамотн.

— Въ святое утро. Кіевъ, 1899 г., ц. 3 к. Изд. Ком. грамотн.

— Пять тысячъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изд. Ком. грамотн.

Макаровсъкый. Наталя, Черн., 1899 г., ц. 5 коп.

Музыка Янко. Перекладъ. Кіевъ, 1901 г., ц. $1^1/_2$ к.

Немоловсъкый. Про бжильныцтво. С.-Пб. 1900 г., ц. 8 коп.

Науменко. Рѣшенъ-ли проф. Т. Д. Флоринскимъ вопросъ о книжной малорусской рѣчи? Кіевъ, 1900 г., ц. 15 к.

Николаевъ. Гигіена зубовъ. 1900 г., ц. 20 к.

Осадчій. Козацкій батько Палій. Кіевъ, 1900 г., ц. 8 к.

Пихно. Бесѣда сельского хозяина. Кіевъ, 1899 г., ц. 40 к.

Полищукъ. Прочанынъ. Москва, 1901 г., ц. 3 к.

Р. С. Братства въ юго-западной Руси. 1895 г., Харьк., ц. 4 к.

Степовыкъ. Про городыну. Спб. 1899 г., ц. 5 к.

Станюковичъ. Человѣкъ за бортомъ. Кіевъ, 1899 г., ц. 5 к. Изданіе Комитета грамотн.

Савченко. Порядокъ и ходъ сельско-хозяйст. работъ. 1900 г., ц. 30 к.

— Сравнительный учетъ доходности въ имѣніяхъ Ю.-Зап. края. 1900 г., ц. 75 к.

Тобилевичъ. По-надъ Днипромъ. Черк., 1900 г., ц. 10 к.

— Бурлака. Драма. 1901 г., ц. 7 к.

Толстой. Воскресеніе. Романъ, ч. I-я и II ч. С.-Пб. 1900 г., ц. 60 к. Ч. III 25 к.

Угадько. Харьк., 1900 г., ц. 5 к.

Фотографическіе портреты Т. Г. Шевченка. С.-Пб. ц. 65 к. и 80 коп.

Франко Иванъ. Лесынына челядь. — Малый Мыринъ. — Грыцёва шкильна наука. Кіевъ, 1901 г., ц. 4 к.

Хвыля за хвылею. Збирныкъ. Черн., 1900 г., ц. 1 руб.

Чикаленко. Розмова про сельське хазяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Кн. III. Одесса, 1900 г., ц. 8 коп.

Чалый. Любка или сватання въ с. Рихмахъ. 50 к.

Чулай. Оповиданнія. Москва, 1901 г., ц. 6 к.

Шабленко. Нова хатына. 1900 г. Кіевъ. 20 к.

Щыри слёзы надъ могылою П. О. Кулиша, 1900 г., Бахмутъ, ц. 15 к.

Эварницкій. Ив. Дм. Сирко, славный кош. атаманъ, ц. 1 р. 50 к.

Яновская. Смерть Макарыхы. Кіевъ, 1900 г., ц. 10 к. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

— На зеленый клынъ. Кіевъ, 1900 г., ц. 20 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

— Идеальный батько. Кіевъ, 1900 г., ц. 15 коп. (Оттискъ «Кіевск. Стар.»).

Ясинськый. Кара Божа. Луцкъ, 1899 г., ц. 6 к.

Якъ оберегаты себе видъ хоробъ. Харьк., 1901 г., ц. 3 коп.

—

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ фотографическіе портреты (кабинетн. и визитн.) слѣдующихъ украинскихъ писателей и дѣятелей: М. Заньковецкой, Н. Садовскаго, Н. Лысенка, М. Кропивницкаго, А. Саксаганскаго, Затыркевичъ, И. Карпенка-Карого, М. Старицкаго, группа 9 укр. писателей, П. Кулиша, Т. Г. Шевченка, П. Сагайдачнаго, П. Дорошенка, И. Брюховецкаго, Д. Многогрѣшнаго, П. Тетери, Ханенка, И. Выговскаго, группа укр. гетмановъ, Гонты въ двухъ видахъ, Полуботка и Мазепы. Цѣны на кабин. карт. 40 коп., визитн. 25 коп. и группы по 60—80 коп.

Адресъ: Книжная торговля «Кіевской Старины» (Безаковская улица, № 14).

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27 апрѣля 1901 г.

Типографія Императорскаго Унив. Св. Владимира Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIII.

1901 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 апрѣля 1901 года.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

18. Нехворощанскій сотникъ Ѳедоръ Сухомлинъ.

Двѣсти лѣтъ назадъ въ Нехворощѣ сотниковалъ панъ Ѳедоръ Сухомлинъ, о которомъ мѣстные козаки и мѣщане единодушно отзывались, что такого „благого“ сотника у нихъ и не было еще на урядѣ. Бывало, прійдутъ къ нему люди судиться, а онъ и жалобы до конца не дослушаетъ—и уже постановляетъ декретъ: „кыньте къ нечистому свары и годьтесь, а то обохъ звелю забыты въ колоду“. Истецъ и отвѣтчикъ потолкуютъ между собою, и смотри—идутъ къ писарю записать условія состоявшейся между ними „згоды“, а сотникъ велитъ еще положить и денежную „заруку на взрушителя угоды и мырного постановеня“. Доброй души человѣкъ былъ панъ сотникъ и не любилъ ни ссоръ, ни позвовъ, а любилъ, чтобъ всѣ вокругъ него были довольны и веселы. Никто не могъ попрекнуть его, чтобы онъ несправедливо присвоилъ чей-либо „грунтикъ“, или лѣсокъ, или „худобу“, какъ поступали тогда сплошь и рядомъ другіе старшины. Правда, Сухомлинъ былъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ: ему принадлежали прекрасныя водяныя мельницы на Орели о шести „колахъ“—четырехъ мукомольныхъ и двухъ „ступныхъ зъ фалюшами“, винокурня съ тремя „казанами“, „броваръ“ (пивоваренный заводъ), „шинковный

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 3.

дворъ и комора (лавка) въ рынку", а вокругъ Нехворощи были разсѣяны его хутора, „левады", лѣса, нивки и „сѣножати"; но всѣ эти „добра" панъ сотникъ купилъ у бывшаго полтавскаго полковника Павла Герцика послѣ того, какъ въ январѣ 1696 года татары дотла опустошили предмѣстья Нехворощи и сожгли новопостроенный монастырь. Герцикъ въ то время сложилъ съ себя, по старости, полковничій урядъ и былъ радъ хоть за дешевую цѣну сбыть опустошенныя „добра". Панъ сотникъ почти заново „рекуперовалъ зруйнованныя" мельницы, и „винницу", и „броваръ" и завелъ на своихъ хуторахъ большое хозяйство, которымъ, однако, больше завѣдывала его „господыня" (жена). Самъ же онъ мало занимался „господарствомъ" и дня не могъ провести безъ общества добрыхъ людей: то самъ у кого-либо въ гостяхъ, то къ себѣ гостей наведетъ. А бывало, гдѣ свадьба или „хрестыны"—тамъ уже панъ сотникъ непремѣнный гость. Смолоду былъ онъ мастеръ выпить, но подъ старость сталъ очень воздержанъ, а только любилъ видѣть, какъ люди веселятся. Да еще любилъ онъ церковныя службы, хорошее „кіевское" пѣніе и бесѣды съ духовными людьми о богословскихъ предметахъ. Бывало, войдетъ въ церковь, станетъ на переднемъ мѣстѣ, передъ намѣстнымъ образомъ, и чуть только собьется дьякъ на клиросѣ—не тотъ прокименъ споетъ или стихиру не на тотъ гласъ затянетъ,—ужъ панъ сотникъ непремѣнно его поправитъ и заставитъ „пекты раки" передъ всей „парахвіей". А священники какой почетъ ему оказывали! При переносѣ св. даровъ или на ектеніи помянетъ или нѣтъ „панотець" ясновельможнаго гетмана, а уже „благородного и боголюбивого пана сотника" такъ отчеканитъ, чтобъ и въ „опасани" каждое слово было слышно, и въ концѣ обѣдни непремѣнно самъ вынесетъ ему просфору.

Глядя на добродушное, всегда привѣтливое и довольное лицо пана сотника, чужой человѣкъ подумалъ бы, что онъ зналъ въ жизни однѣ лишь радости и удачи; а между тѣмъ вся Нехвороща помнила, какъ сотникъ убивался, когда хоронилъ одного за другимъ малыхъ дѣтей, а потомъ и единствен-

наго взрослаго сына, браваго козака, убитаго подъ Казикерменомъ. Подъ старость изъ всей семьи, кромѣ жены, осталась ему въ утѣшеніе лишь дочка-подростокъ, въ которой онъ души не чаялъ. И какъ же нянчился старый сотникъ съ своею „одынычкою“! Чтобы не разставаться съ нею, онъ и отъ походовъ сталъ уклоняться подъ предлогомъ недуговъ, отъ которыхъ Богъ хранилъ его всю жизнь, и дѣла по уряду запустилъ, а наконецъ сталъ поговаривать и о томъ, чтобы вовсе отказаться отъ сотничества.

— На що мени тіи турботы! твердилъ онъ всякому, кто его отговаривалъ отъ этого шага.—Ославъ бы Господь зятя, доброго чоловика, то я и господарство покыну, усе виддамъ дитимъ, та й буду на печи лежаты та унукивъ гойдаты.

И вотъ судьба, казалось, осуществила его пламенное желаніе. Въ Нехворощѣ проявился захожій козакъ, по имени Данило Дробязка. Кто онъ былъ, откуда и какъ зашелъ сюда—никто не зналъ; но когда въ ближайшій воскресный день онъ появился въ церкви, то своею статною фигурою, молодецкимъ видомъ и богатымъ нарядомъ привлекъ общее вниманіе. Замѣтилъ его и панъ сотникъ и зазвалъ къ себѣ, вмѣстѣ съ другимъ „значнымъ товарыствомъ“, на „бѣсиду“. Гость держалъ себя весьма прилично и въ каждомъ словѣ и обращеніи обнаруживалъ черты хорошаго тона и воспитанія. Былъ онъ будто бы шляхтичемъ изъ-за Днѣпра, учился въ Кіевѣ, бывалъ и въ Батуринѣ, при гетманскомъ дворѣ, и въ Сѣчи, а теперь направлялся въ Слободскую Украину, гдѣ у него была какая-то знатная родня. Многое онъ видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку, и его разсказы объ этомъ оказались столь увлекательными, что гости во время обѣда и ложки опустили, и чарки плохо опорожняли; когда же онъ, послѣ „варенухи“, снялъ со стѣны бандуру и выказалъ большое мастерство въ игрѣ и въ танцѣ, у молодой сотниковны глазки заискрились какъ звѣздочки и нѣжный румянецъ залилъ и щечки, и шейку. Словомъ сказать, къ концу „учты“ всѣ присутствовавшіе совершенно были очарованы интереснымъ пришельцемъ, а хлѣбосольный хозяинъ

прямо заявилъ, что не будетъ онъ сотникомъ, если не удержитъ у себя какъ можно дольше такого милаго гостя.

— Отъ, якъ бы мени отакый зять! простодушно высказывался онъ, и подвыпившіе гости въ одинъ голосъ вторили, что „кращого зятя“ не надо и искать пану сотнику.

Съ каждымъ днемъ гость все больше овладѣвалъ довѣріемъ и расположеніемъ хозяевъ и сердцемъ ихъ дочери. Онъ оказался толковымъ и „на все здатнымъ“ человѣкомъ, часто замѣнялъ сотника по хозяйству и даже по должностнымъ его дѣламъ, а черезъ мѣсяцъ-другой вся Нехвороща пировала на свадьбѣ панны сотниковны. Бенкетъ удался на славу и продолжался больше недѣли. Старый сотникъ былъ внѣ себя отъ радости и не могъ нахвалиться передъ гостями своимъ „богоданнымъ“ зятемъ. Послѣ свадьбы онъ немедленно вышелъ въ „абшидъ“ (отставку) и передалъ сотничество выбранному на его мѣсто Василію Ганджѣ. Было рѣшено, что молодые будутъ жить вмѣстѣ съ стариками; имъ было выдѣлено небольшое собственное хозяйство съ тѣмъ, что по смерти тестя и тещи имъ достанется все ихъ состояніе.

Но Данилу Дробязкѣ показалось скучнымъ столь неопредѣленное время ожидать наслѣдства, и онъ сталъ распоряжаться тестевымъ добромъ, какъ личною собственностью. На первыхъ порахъ Сухомлинъ молча сносилъ это, но скоро убѣдился, что его благодушное отношеніе къ поступкамъ зятя лишь поощряетъ жадность и своевольство послѣдняго, и рѣшился дать ему отпоръ. Тутъ Дробязка сразу сбросилъ съ себя маску смиренія и покорности и явилъ себя въ истинномъ свѣтѣ: онъ оказался человѣкомъ грубаго, дерзкаго нрава, упрямымъ, злопамятнымъ и безмѣрно жаднымъ. Съ тѣхъ поръ мирный доселѣ домъ бывшаго сотника сдѣлался адомъ; не проходило дня безъ ссоръ, попрековъ и даже дракъ, и наконецъ дѣло дошло до того, что однажды зять и тесть схватились за сабли, и послѣдній вышелъ изъ боевой схватки съ перерубленной рукой.

Въ половинѣ сентября 1701 года въ полтавскомъ полковомъ судѣ, въ присутствіи многочисленной мѣстной и пріѣзжей

(по случаю ярмарки) публики, бывшій нехворощанскій сотникъ такъ „плачливе ускаржался“ на своего зятя:

— Не видаю, панове, чого по мени Даныло, зять мій, хочетъ. Я жъ усе тое, що ёму обицявъ, выдаючы дочку мою ёму въ малженство, пры шлюби давъ, именно: камень млыновый на рици Орели, чотыри волы, коровъ дви зъ телятамы, овець десятокъ матокъ, свыней частку и всёго сёголитнёго засивку (посѣва) половыну и пидварокъ (подгородный хуторъ); але винъ, тымъ не будучы благодаренъ, ще въ мене усыловне (насильственно) двое коней взявшы, безпрестанне мя ганытъ и безчестытъ, ста талярей вина доправляется и зо всеи осидлости мене гонытъ. А прошлои недили, прыйшовшы я зъ церквы, зъ службы Божои, и еще не зажывъ (не скушалъ) просфоры, скоро прыйшовъ зять мій Даныло зъ миста (изъ города) и не видаю, для якыхъ прычынъ, безъ жаднои увагы порвавъ мене за груды, турмосовавъ и якъ хотивъ вексовавъ (мучилъ) мя. Любо жъ (хотя) тамъ обыдва-сьмо вадылы и я ёго подоливъ (одолѣлъ), але винъ, якъ молодшій, выручавшыся зъ-пидъ мене, скочывъ у хату и порвавшы шаблю, шырмовавъ (фехтовалъ) коло мене зъ шаблею. А же и я, тежъ добувшы въ прысинкахъ шабли, до нёго оказався, боронячы свого здоровья, тоди винъ, побигшы знову въ хату, выбигъ зъ ручныцею и, килька разивъ наводячы оную, хотивъ мене забыты. Я тоди, одважывшы свое здоровья, кынувся до нёго и ручныцю въ ёго выкрутывъ. Винъ, знову порвавшы шаблю, натиравъ (наступалъ) на мене, а колы я ручныцею на голови закладався, порубавъ и ручныцю, и руку мени, якъ бачыте, обтявъ. Я вже ёму и тіи сто таляривъ даты не стою (не отказываюсь), и двиръ бы ёму купыты не одмовывъ, колы бъ мени хочъ мало належытои почесты выражалося. Але мени тое барзо прыкро есть, що не тилко жаднои почесты не маю, але и на здоровью моимъ одъ ёго, небачного чоловика, шванкую (терплю уронъ), и зъ свита мене похваляется зогнаты. Въ тимъ себе остерегаючы, о справедлывость святую прошу“.

Выслушавъ эту жалобу, судьи спросили обвиняемаго:

— Для якыхъ ты прычынъ такъ неслушныи надъ добродіемъ своимъ чынышъ выкруты и безчестышъ оного неналежне, и бьешъ, и раны задаешъ кривавии?

Но Дробязка „и передъ судомъ оказалъ себе не упокоренныимъ“ и вмѣсто оправданій продолжалъ „неслушныи похвалки (угрозы) зъ запамяталости своеи строиты на тестя“. Судъ, въ виду небытности въ тотъ день [1]) полковника и судьи, отложилъ окончаніе этой „справы до прыйдучого пятка“, а „запамяталого“ Дробязку велѣлъ дать „до вязеня туремного“.

Когда въ назначенный день, 19 сентября, судъ приступилъ къ окончанію этого дѣла, п. Ѳедоръ Сухомлинъ «жалосне повторную злость зятя своего Данила объявилъ тыми словами“:

— Прыихавшы зъ Полтавы до дому, найшовъ саквы, повни натоптаного плаття билоголовского, у одрыни [2]) спрятаного, и плахотъ у жупанъ уверченыхъ и увязаныхъ, а що есть тому прычына—того не видаю, винъ самъ маетъ видаты“.

Привели „зъ секвестру“ (изъ заключенія) Данила Дробязку и спросили:

— Для якыхъ прычынъ въ саквы плаття поховавъ и у жупанъ плахты?

— Для того я—отвѣчалъ Данило—тое окроме отъ тестевого державъ, що то мое власное есть, бо то мени на весиллю надаровано, а я тестевого ничого не хочу, и въ двиръ ёго не буватыму“.

Приступили къ составленію декрета. „Видячи такую Дробязчыну неправость и противенство неупокоримое протывъ отца своего, который ёго, ни въ чимъ не видаючы якого винъ роду, и видкиль, и що за чоловикъ, а ни тежъ жадныхъ маетностій

---

[1]) Дѣло происходило 14 сент., въ праздникъ Воздвиженія, случившійся тогда въ воскресеніе. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что козацкіе суды функціонировали въ дни воскресные и даже въ большіе праздники.

[2]) *Одрына*—навѣсъ для сѣна. Слово это въ томъ же значеніи встрѣчается еще въ 2-мъ Лит. Статутѣ (розд. 10, арт. 3).

въ ёго не видячы, за сына дому своему и въ дожывотное прыятство прынявъ, поручывшы ёму власную свою дщерь милую въ малженство, а такіи одъ ёго укоризны и збытки утерпиваетъ, судъ, вглянувшы у право", остановился на 16 арт. 11-го разд. Статута, гдѣ сказано: кто умышленно „зъ гнѣву и зъ запамятталости сердца злого" убьетъ шляхтича, тотъ подлежитъ четвертованію, а если не убьетъ, а только ранитъ, то „будетъ ли шляхтичъ а шляхтичеви тое учинитъ, за шляхтичево ображеня" отсѣченіемъ руки долженъ быть каранъ. „А поневажъ (прибавили судьи) тая карность" назначена за пораненіе „общого (постороннаго) чоловика, а не за кревного, то Дробязка Даныло маетъ и найбарзѣй (тѣмъ болѣе) такъ скаранъ быти".

Когда объявили этотъ суровый декретъ, тутъ только строптивый Дробязка, „змякчывшися", попросилъ пощады, клятвенно увѣряя, что онъ „до жывота своего згодне зъ паномъ тестемъ жыты и вшелякую ему почтывость, яко добродіеви своему, выражаты маетъ". Всѣ ждали, что скажетъ п. Сухомлинъ, стоявшій въ раздумьѣ. Тутъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ начали уговаривать его оказать отеческое милосердіе надъ провинившимся зятемъ. Сухомлинъ не долго колебался и въ свою очередь сталъ просить судъ о помилованіи его безпутнаго зятя. Судъ, „спустившись на его волю", немедленно отмѣнилъ прежній декретъ и отпустилъ Дробязку „безъ карности", но помиловалъ его, такъ сказать, условно, съ предупрежденіемъ, что если бы онъ, Дробязка, впредь „важывся до якои невгоды противъ тестя своего прыйты, то не тилько подлугъ нынѣшнего декрету будетъ скаранъ, але и отъ права малженского, яко непрыятель, будетъ отчужденъ".

Для историка обычнаго права послѣднія слова декрета должны представлять большой интересъ. Если это не пустая угроза, въ родѣ тѣхъ, на какія обычно столь щедры родители, когда хотятъ вразумить или остеречь безпутныхъ дѣтей, то надо прійти къ интересному выводу, что свѣтскій судъ въ Малороссіи считалъ себя въ правѣ расторгать законные браки не только въ случаяхъ совершенія однимъ изъ супруговъ позорящаго про-

ступка (о чемъ выше было говорено), но даже и въ такомъ случаѣ, когда зять не хотѣлъ жить мирно съ родителями своей жены.

—

Какъ и слѣдовало ожидать, данныя Дробязкою на судѣ клятвенныя обѣщанія жить съ тестемъ въ доброй „згодѣ“ и оказывать ему должное почтеніе остались не исполненными. Не таковъ былъ этотъ упрямый характеръ, чтобы его могъ сломить страхъ судебной кары. Убѣдившись въ этомъ, Сухомлинъ рѣшилъ, по слову писанія, уклониться отъ зла и навсегда покинуть городъ и край, гдѣ онъ четверть вѣка прожилъ въ довольствѣ и почетѣ, но гдѣ теперь предстояли ему одни огорченія.

Надо помнить, что Нехвороща, какъ и всѣ остальные городки и села Орельскихъ сотенъ, была недавнимъ поселеніемъ въ тогдашней гетманщинѣ. Она возникла всего лишь въ 1674 году, когда населеніе правобережной Украины, разоряемое и истребляемое поляками, турками и татарами и силой сгоняемое полками гетмана Самойловича, принуждено было сняться съ своихъ мѣстъ и разомъ, громадными массами, перейти на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ для него была отведена пустынная степная полоса между рр. Ворсклой и Орелью и гдѣ сразу же возникло пять новыхъ сотенъ: Нехворощанская, Маячская, Царичанская, Китайгородская и Орлицкая. Когда затѣмъ турки разорили въ 1678 году послѣдніе города въ западной Украинѣ: Чигиринъ, Черкассы, Каневъ, и когда вся страна между Днѣпромъ и Днѣстромъ была обращена въ пустыню, уцѣлѣвшее отъ погрома населеніе также двинулось на востокъ и осѣло въ разныхъ полкахъ гетманщины, а преимущественно въ полтавскомъ, въ Орельскихъ сотняхъ. Какъ бы удобно ни устроились здѣсь невольные переселенцы, не могли они забыть своихъ старыхъ мѣстъ, гдѣ природа была богаче, земля плодороднѣе, угодья привольнѣе и гдѣ у нихъ остались прадѣдовскіе сады и пасѣки. Пока продолжалась военная гроза, многіе изъ нихъ лишь тайно, украдкой могли навѣдываться на родныя пепелища, но при первой возможности, при первой гарантіи спокойствія въ разо-

ренномъ краѣ, всѣ они готовы были вернуться на прежнюю родину.

Такой моментъ скоро наступилъ. Въ Польшѣ царствовалъ король-воинъ, знаменитый побѣдитель турокъ подъ стѣнами Вѣны, Янъ Собѣскій. Преданный одной идеѣ—борьбѣ съ мусульманами, этотъ воинственный король задумалъ во что бы то ни стало возстановить въ Украинѣ козацкое войско, боевыя качества котораго онъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ. Но для этого нужно было напередъ привлечь населеніе въ опустошенный край и гарантировать его права. Въ этихъ видахъ Собѣскій издалъ въ 1684 году особый манифестъ, по которому отдавалъ козакамъ для поселенія обширную территорію между Тясьминомъ, Тыкичемъ и границами кіевскаго Полѣсья и при этомъ подтверждалъ всѣ права и вольности, дарованныя имъ его предшественниками. Много явилось и шляхтичей, и простыхъ козаковъ, предложившихъ королю свои услуги и получившихъ отъ него особыя полномочія для формированія козачьихъ полковъ, но скоро между ними выдѣлилась талантливая и обаятельная личность, быстро овладѣвшая народнымъ довѣріемъ и проявившая необыкновенныя колонизаторскія способности: то былъ знаменитый бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Палій, борзенскій выходецъ, а за нимъ стояли ближайшіе его сотрудники, полковники вновь организуемаго козацкаго войска: Искра, Самусь, Семашко и Абазинъ. Благодаря ихъ умѣнью и энергіи, въ самое короткое время было положено основаніе успѣшной колонизаціи края и организовано пять козачьихъ полковъ: чигиринскій, корсунскій, богуславскій, бѣлоцерковскій и брацлавскій. Подъ ихъ защитой точно по мановенію волшебнаго жезла поднимались изъ развалинъ старые города и села и вновь наполнялись жителями. Непрерывною волною тянулись сюда новые поселенцы со всѣхъ окрестныхъ сторонъ: изъ Волыни, кіевскаго Полѣсья, даже изъ Молдавіи, но больше всего изъ лѣвобережной Малороссіи. Напрасно гетманъ Самойловичъ разсылалъ по всѣмъ полкамъ строгіе запретительные универсалы, разставлялъ даже вдоль Днѣпровскаго берега кордонную стражу съ приказаніемъ не допускать пере-

правы черезъ рѣку: бѣглецы или тайно пробирались черезъ кордонъ, или направлялись въ запорожскія степи, переправлялись черезъ Днѣпръ гдѣ-нибудь южнѣе устья Орели и съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ татарамъ тянулись въ обѣтованный край, къ берегамъ Тясьмина, Роси или Буга.

Какъ и слѣдовало ожидать, это эмиграціонное движеніе съ наибольшею силою сказалось среди жителей Орельскихъ сотенъ. Всего лишь десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они были поселены здѣсь, на самой границѣ гетманщины, гдѣ лучшія угодья уже были заняты козаками Ворсклянскихъ сотенъ и гдѣ имъ ежегодно приходилось принимать у себя злыхъ гостей—татаръ. Безлѣсная при-орельская равнина не могла и сравниться съ роскошными уголками Уманщины и Брацлавщины—ихъ прежней родины, и невольные поселенцы все еще продолжали считать своею собственностью оставшіяся тамъ прадѣдовскія земли, сады и пасѣки и каждое лѣто навѣдывались туда, какъ въ свои хутора. И вотъ теперь они узнали, что польскій король снова вернулъ козакамъ Украину, что „козацкій батько“ Палій созываетъ ея прежнихъ поселенцевъ, что на его кличъ валомъ валитъ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и легко можетъ статься, что чужіе люди займутъ ихъ предковскія займища. Подъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей многіе изъ козаковъ Орельскихъ сотень стали открыто эмигрировать на родину, забирая семьи и движимость, а мѣстные старшины, въ противность гетманскимъ приказамъ, и не думали удерживать ихъ и сквозь пальцы смотрѣли на то, какъ бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ гетманщины, минуя кордонъ, толпами проходили черезъ Орельскіе городки, направляясь окольнымъ путемъ туда же, въ Украину. Когда узналъ объ этомъ Самойловичъ, то въ гнѣвѣ за такое „своевольство“ приказалъ смѣнить всѣхъ Орельскихъ сотниковъ и на ихъ мѣста „зъ иншихъ городовъ добрыхъ и справныхъ молодцовъ понасылати“. Эта мѣра не только не успокоила, но еще болѣе раздражила мѣстное козачество: отъ Орельскихъ сотнянъ гетманъ получилъ „суплѣки“ съ предупрежденіемъ, что если присланные сотники не будутъ тотчасъ убраны, то всѣ они вознамѣрились сняться

разомъ и вернуться на прежнюю родину. Гетманъ видимо испугался этой угрозы и въ апрѣлѣ 1686 года приказалъ полтавскому полковнику новыхъ сотниковъ „познимати, а товариству сотень Орельскихъ“ позволить по давнимъ обычаямъ и „вольностямъ“ кого они хотятъ „зъ-межи себе сотниками починити“, только бы впредь они „неподвижно на мѣсцахъ своихъ при вѣрности и статечности мешкали“. Эта уступка успокоила орельчанъ, и они отказались отъ своего намѣренія, хотя частичная эмиграція и послѣ того продолжалась. [1])

Ѳедоръ Сухомлинъ былъ такимъ же невольнымъ выходцемъ изъ-за Днѣпра, какъ и остальное „товарищество“ Нехворощанской сотни. Кажется, онъ былъ родомъ изъ Жаботина, разореннаго турками одновременно съ Чигириномъ и другими приднѣпровскими городами. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ сотниковъ, которые въ 1685 г. подверглись гетманской опалѣ, а потомъ снова выбраны на тѣ же уряды, и ему вполнѣ было понятно чувство, побуждавшее его сотнянъ сниматься съ насиженнаго мѣста и съ рискомъ пробираться на Украину. Пока онъ былъ занятъ службой, хозяйственными и семейными интересами, ему и на мысль не приходило, что и онъ когда-нибудь станетъ томиться тою же тоской по родинѣ; но теперь, оставшись безъ дѣла и окончательно убѣдившись въ томъ, что совмѣстная жизнь съ зятемъ сулитъ ему одни огорченія, Сухомлинъ вдругъ почувствовалъ, что его ничто уже не связываетъ съ Нехворощей, что онъ здѣсь лишній и никому ненужный человѣкъ. И захотѣлось ему дожить вѣкъ на родинѣ, въ Жаботинѣ, гдѣ прошла его молодость и куда, слышно, вернулись теперь изъ разсѣянія многіе изъ его родичей и старыхъ товарищей. Достаточно было незначительнаго повода въ видѣ обычной „суперечки“ съ зятемъ, чтобы это желаніе быстро приняло форму непреклоннаго рѣшенія,—и въ октябрѣ того же 1701 года п. Сухомлинъ продавалъ уже свои маетности.

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. II, стр. 554—557.

За покупщиками дѣло не стало. Жила въ Полтавѣ богатая мѣщанка Павлыха Выдричка, занимавшаяся тѣмъ, что выкармливала большіе гурты рогатаго скота и затѣмъ сбывала ихъ заграницу, въ Польшу и Шленскъ (Силезію). Случилось ей быть въ Нехворощѣ на ярмаркѣ какъ разъ въ ту пору, когда Сухомлинъ искалъ покупателя, и она съ двухъ словъ приторговала всю его „осѣлность", именно: домъ, гдѣ онъ жилъ, дворы шинковые, броваръ, винокурню, солодовню, хутора, поля, лѣса, сѣножати и „греблю" на Орели съ мельницами—и все это за недорогую цѣну, 1200 золотыхъ. Вручивъ ему въ задатокъ десять коп, Выдричка немедленно согнала на его земли купленный ею на ярмаркѣ скотъ, а сама поѣхала въ Полтаву, чтобы запастись деньгами и тогда уже заключить съ Сухомлиномъ формальный актъ о продажѣ. Все это произошло въ отсутствіи п. Дробязки, куда-то уѣзжавшаго изъ Нехворощи. Когда онъ вернулся и узналъ, что тесть запродалъ свою маетность, и притомъ всю безъ остатка, онъ пришелъ въ неистовство, поносилъ и укорялъ тестя, грозилъ, что не допуститъ этой продажи, наконецъ заявилъ, что онъ самъ желаетъ купить тестеву маетность за ту же цѣну, и предлагалъ въ видѣ задатка пятьсотъ золотыхъ. Сухомлинъ соглашался на послѣднюю сдѣлку, но „доправлялся разомъ" уплаты всей суммы, а такихъ денегъ у Дробязки не было. Тогда Дробязка поѣхалъ въ Полтаву и предложилъ сыну бывшаго полковника Григорію Павловичу Герцику, не хочетъ ли онъ за недорогую цѣну откупить отцевскую маетность. Тотъ съ радостью принялъ это предложеніе и немедленно сдѣлалъ въ полковомъ урядѣ формальное заявленіе, что онъ намѣренъ воспользоваться принадлежащимъ ему по Статуту преимущественнымъ правомъ на выкупъ отцевскаго имѣнія, затѣмъ пріѣхалъ въ Нехворощу и положилъ передъ Сухомлиномъ наличными 1300 золотыхъ, заявивъ еще при этомъ, что онъ отказывается въ пользу п. Дробязки отъ усадьбы съ домомъ, въ которомъ жилъ Сухомлинъ. Послѣдній ничего не могъ возразить противъ этой сдѣлки, принялъ отъ Герцика деньги, возвратилъ ему подлинную продажную запись его отца и дозволилъ ему немедленно,

не ожидая заключенія формальнаго акта о продажѣ, вступить во владѣніе купленнымъ имѣніемъ.

Между тѣмъ прибыла съ деньгами Павлыха Выдричка и попала въ домъ Сухомлина какъ разъ въ ту пору, когда тамъ пили могорычъ по случаю окончанія дѣла съ Герцикомъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она подняла неистовый крикъ, не хотѣла брать отъ Сухомлина своего задатка, грозила ему судомъ за нарушеніе договора, рѣзко упрекала и пана Герцика за то, что онъ тайно перекупилъ запроданное ей имѣніе, и надѣлавъ не мало „галасу“, ушла съ угрозами. Сухомлинъ и не радъ уже былъ, что впутался въ такое непріятное дѣло. Послѣ ухода крикливой гостьи, онъ случайно замѣтилъ, что въ его „хоромахъ“ насыпаны въ разныхъ мѣстахъ „купкы“ чистаго песку. Это удивило его. По розыску среди домашнихъ оказалось, что никто изъ нихъ этого песку не сыпалъ и его не было до прихода Выдрички. Тогда Сухомлину пришло на мысль, что этотъ песокъ посыпанъ съ какимъ-то злымъ умысломъ, и онъ, какъ то требовалось судебными обычаями, тотчасъ формально „обвивъ тое“ бывшими у него въ домѣ „добрыми людьми“, обративъ при этомъ ихъ вниманіе и на то, что не только въ его дворѣ „и въ иншыхъ дворахъ, але и по всимъ гóроди—чорнóземля“, а чистый песокъ развѣ „при рѣчномъ берегу могъ бы ся где оказати“.

— Це жъ вража Выдрычка якіись волшбы мени почынила“! откровенно высказалъ онъ свое подозрѣніе.

Объ этомъ тотчасъ было донесено Выдричкѣ, и она немедленно отправилась въ мѣстный сотенный урядъ и занесла „протестацію“ о томъ, что п. Сухомлинъ „наволикаетъ“ на нее безчестье, ложно обвиняя ее въ „волшбѣ“, но что она, „хотячи зъ того мниманья (подозрѣнія) вывестися“, намѣрена позвать его въ судъ.

На другой день Выдричка, имѣвшая въ Нехворощѣ „госпóду“ (квартиру) въ домѣ монастырскаго шинкаря Алексѣя, послала его въ домъ Сухомлина съ письмомъ къ п. Григорію Герцику, „просячи его, щобъ позволывъ товару (скоту) еи до

якого часу на отавахъ здержатысь". Посланный вернулся и донесъ:

— Грыгорія вже не заставъ, бо одъихавъ до Полтавы, а Сухомлынъ не тилко и малого времени не велыть тамъ статку (скоту) буты, але ще й тебе лярвою и волшебныцею называетъ, не знаты про що.

Этого не могла уже снести покорно не только богатая мѣщанка, но и послѣдняя „наймычка", и потому Павлыха Выдричка, прибывъ въ Полтаву, позвала Сухомлина въ полковый судъ.

На судѣ единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвинительницы былъ упомянутый шинкарь Алексѣй. Онъ упорно стоялъ на своемъ и „у очи" уличалъ Сухомлина: „Звалесь Павлыху лярвою и волшебныцею",—но „болшъ на тое жадного другого на доводъ свидка не поставилъ". А Сухомлинъ, въ виду бездоказательности обвиненія, потребовалъ, чтобы ему позволено было, согласно Статуту, „присягою одвестыся", и когда судъ это дозволилъ, онъ здѣсь же „сумненнемъ своимъ передъ животворящимъ крестомъ Христовымъ одвѣлся", что не называлъ Выдричку никакими поносными словами; хотя же Алексѣй шинкарь утверждаетъ противное, но онъ это дѣлаетъ по злобѣ, имѣя съ нимъ тяжбу, въ доказательство чего Сухомлинъ представилъ суду посвидѣтельствованную копію своей „протестаціи", занесенной въ урядѣ Нехворощанскомъ на Алексѣя, что онъ его поносилъ „передъ людьми злымъ и недобрымъ чоловикомъ".

— Съ того своего ренкору на мене оный запамяталый чоловикъ ще й зъ зацною невистою своимъ ябедныцтвомъ мене звивъ",—заключилъ отвѣтчикъ.

Судьи спросили Алексѣя: правда ли, что онъ поносилъ пана Сухомлина?

— А що жъ, панове—признался онъ—не могу того запритыся (отречься): стоячы я у службы Божій недильного дня на крыласи, говорывъ тое и назвавъ Сухомлына недобрымъ, бо винъ зацную невисту звивъ своею продажею".

При этихъ словахъ Сухомлинъ схватился съ мѣста и волнуясь сказалъ:

— Панове! Яко годный и никóлы на чести своій ненарушоный чоловикъ, неотступне и жалосне прошу судовои въ тимъ увагы: нехай Олексій мени такои прымовкы доводыть скутечне!

— Якъ же я маю тое доводыты, що есть всимъ видомо? отвѣтилъ равнодушно Алексѣй. Нехай уже я буду выпный".

Судьи признали, что дѣло достаточно выяснено, и приступили къ составленію приговора. Сухомлинъ былъ оправданъ, а шинкарь Алексѣй признанъ виновнымъ въ томъ, что ложно опорочилъ „зацную персону", и согласно Статуту (разд. 3, арт. 28) долженъ былъ „во всемъ перепросити зелженого" имъ п. Сухомлина, заплатить ему „правные наклады и навязку" (плату за безчестье) въ суммѣ сорока копъ грошей, „а тую прымовку заразъ передъ судомъ отмовити тымы словамы: „Що я на тебе говорывъ, якобысь ты бувъ недобрый чоловикъ, то я на тебе брехавъ, якъ песъ". Когда Алексѣй выполнилъ эту позорную церемонію, ему объявили, что онъ, сверхъ того, долженъ еще подвергнуться „туремному вязеню за тое, що такъ годныхъ людей звивъ". А п. Сухомлину „на защитъ" его неопороченной чести постановлено выдать посвидѣтельствованную копію настоящаго декрета.

Спустя мѣсяцъ Сухомлинъ совершилъ въ полтавскомъ полковомъ судѣ формальный актъ о продажѣ Герцику своего имѣнія и тотчасъ переселился съ женою за Днѣпръ. Осенью 1705 г. онъ пріѣзжалъ въ Нехворощу, чтобы собрать долги съ своихъ бывшихъ шинкарей, и на одномъ документѣ подписался такъ: „Хведоръ Сухомлинъ, бывшій житель Нехворощанский, а теперешний Жаботинский".

Неизвѣстно, дожилъ ли онъ до той злосчастной поры, когда, согласно условіямъ Прутскаго договора, козачество правобережной Украины было окончательно уничтожено, жители ея насильственно переселены за Днѣпръ, и этотъ роскошный, но многострадальный край былъ снова обреченъ запустѣнію.

19. Хозяинъ и работница.

Въ Новомъ-Савжаровѣ проживалъ „славетный“ мѣщанинъ Сенько (Семенъ) Шапочникъ. Онъ былъ женатъ на дочери богатаго полтавскаго „купца“ Куща, имѣлъ хорошій достатокъ, водилъ компанію съ мѣстною старшиною и духовенствомъ и считался въ своемъ городѣ „зацною персоною“. Можетъ быть, поэтому онъ былъ гордъ, заносчивъ и самонадѣянъ, а такъ какъ въ рынкѣ у него была „комора“ съ продажей пива, меду и горѣлки, то трудно ему было остаться и трезвымъ человѣкомъ. А какъ напьется, бывало, Сенько Шапочникъ, то ему и гетманъ не страшенъ, не то сотникъ, его кумъ и сотрапезникъ. И впалъ Сенько съ пьянства и съ озорства въ превеликій грѣхъ.

Дѣло происходило въ праздникъ, зимою 1687 года. Вернулся Сенько отъ обѣдни не домой, а въ „комору“, гдѣ его жена шинковала, и привелъ съ собой пріятелей изъ числа тѣхъ, которые, какъ и онъ, выстоявъ продолжительную праздничную службу, больше томились жаждою, чѣмъ голодомъ. Утоливъ эту жажду медами да оковитою, пріятели разошлись по домамъ ѣсть пироги. Захотѣлъ ѣсть и Сенько и сталъ звать домой жену; но у той, по случаю праздника, такъ бойко шла торговля, что она не рѣшилась оставить „комору“ на „челядниковъ“ и посовѣтовала мужу одному отправиться домой, гдѣ наймичка Паська [1]) должна его хорошенько накормить. Сенько не сталъ спорить. Добрелъ онъ не совсѣмъ твердыми ногами „до господы“ и засталъ на столѣ горячіе пироги и любимую „запиканку“. Кромѣ Пазьки, въ домѣ никого не было, потому что вся „челядь“ осталась на рынкѣ для помощи „господыни“. Скучно показалось Сеньку одному сидѣть за столомъ, и онъ вздумалъ потчевать прислуживавшую ему Пазьку; но та стыдливо отказывалась пить. Онъ схватилъ ее за руку,—Пазька вырвалась и

---

[1]) *Паська* или *Пазька*—Пелагея.

убѣжала изъ „свѣтлицы". „Роздратованый" и охмелѣвшій хозяинъ погнался за нею въ „пекарню", и дѣло окончилось грубымъ насиліемъ.

Пазька была простая дѣвушка, сирота, но и ей было вѣдомо требованіе „права посполитаго", что въ такихъ случаяхъ потерпѣвшая была обязана немедленно „оповѣдать свой гвалтъ" постороннимъ людямъ, которые на судѣ удостовѣрили бы справедливость ея жалобы. Но къ кому ей было обратиться, когда усадьба Сенька находилась вдали отъ сосѣдей и ей нельзя было никуда отлучиться? Лишь вечеромъ, когда проспавшійся хозяинъ послалъ ее за пивомъ, она забѣжала къ теткѣ и дѣду и съ плачемъ „оповѣстила" имъ о постигшемъ ее несчастіи, „оказавши и знакъ на кошулѣ" (рубашкѣ). Тѣ немедленно пригласили сосѣда, почтеннаго человѣка, Якима Бирлютенка, и онъ, по ихъ просьбѣ, въ тотъ же вечеръ отправился къ Сеньку и открыто уличилъ его въ гнусномъ преступленіи. Можно представить, что здѣсь произошло, когда жена Сенька узнала эту новость. Но Сенько нимало не смутился: онъ обозвалъ Бирлютенка „дурнемъ", легковѣрно слушающимъ бабскія сплетни, а Пазькѣ пригрозилъ, что она не уйдетъ „катовскихъ" рукъ за то, что осмѣлилась взвести столь позорное обвиненіе на такого „зацного" человѣка, какъ онъ.

И точно, предупреждая жалобу со стороны Пазьки, Сенько на другой же день позвалъ къ себѣ на обѣдъ пана сотника и другую старшину, а равно отца протопопа и всѣхъ мѣстныхъ іереевъ, угостилъ ихъ на славу и тутъ же, съ видомъ угнетенной невинности, пожаловался гостямъ, какое онъ терпитъ безславіе и поношеніе отъ „нависнои наймычки", которую онъ, по долгу человѣколюбія, призрѣлъ, какъ сироту, въ своемъ домѣ, и которая теперь, не иначе какъ по подговору его „ворогивъ", такъ дерзко и безстыдно позоритъ его доброе имя. Гости въ одинъ голосъ отозвались, что нужно быть совершеннымъ „дурнемъ", чтобы дать вѣру оговорамъ глупой наймички, а отецъ протопопъ, въ утѣшеніе хозяину, привелъ на память Іосифа Прекраснаго и другихъ благочестивыхъ мужей, невинно оклеве-

танныхъ. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось, что нельзя же допустить, чтобы безумная Пазька безнаказанно порочила столь почтенную и добродѣтельную особу, иначе, глядя на нее, и другія наймички вздумаютъ „ка-зна що“ взводить на своихъ хозяевъ. Было рѣшено подвергнуть ее сначала духовнымъ увѣщаніямъ, чтобы она „опамятовалась“, вспомнила Бога и сознала, что невинно оклеветала хозяина.

Но Пазька оказалась очень упорной: сколько ни мучились съ нею—сначала приходскій священникъ, а потомъ и самъ протопопъ,—она стояла на своемъ. Тогда она была передана въ распоряженіе сотеннаго уряда. Что ни день, то и собираются бывало сотникъ, старшина и духовные отцы, открываютъ что-то въ родѣ соединеннаго присутствія духовнаго и свѣтскаго суда и принимаются за Пазьку, а Сенько Шапочникъ беретъ на себя заботу о томъ, чтобы судьи были сыты и пьяны. Здѣсь были пущены въ дѣло не одни увѣщанія, но и угрозы, сажаніе въ холодную и даже побои. Но Пазька и здѣсь проявила удивительную для ея лѣтъ непреклонность: сколько ни истязали ее, она твердила неизмѣнно, что „панъ господарь“ точно „збавилъ ее панянства“ путемъ грубаго насилія.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль. Наконецъ Пазька какъ-то убѣжала отъ своихъ мучителей въ Полтаву и занесла жалобу на хозяина въ полковый судъ. 7 декабря того же 1687 года назначенъ былъ разборъ ея дѣла и къ этому дню былъ вызванъ въ Полтаву обвиняемый и свидѣтели.

Представляло ли дѣло само по себѣ большой интересъ, или же здѣсь имѣло значеніе то обстоятельство, что обвиняемымъ являлся богатый мѣщанинъ, имѣвшій много родни среди знатнаго полтавскаго мѣщанства и купечества,—только къ разбору дѣла прибыло столько народа, что зданіе ратуши далеко не могло вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать. Самый составъ судей былъ полнѣе обыкновеннаго. На предсѣдательскомъ мѣстѣ находился полковникъ Ѳедоръ Жученко, рядомъ съ нимъ сидѣлъ присланный въ то время въ Полтаву гетманскій ревизоръ п. Захарій Шійкевичъ, далѣе—полковой судья

Петръ Буцкій и городовой атаманъ Иванъ Красноперичъ; „въ уряду же мѣйского“ присутствовали: войтъ Максимъ Петровичъ Попенко и бурмистры Процыкъ Дмитровичъ и Гаврило Прокоповичъ. Сверхъ того, въ ратушѣ находилось „много зацныхъ персонъ такъ значного товарыства (козаковъ), яко тежъ и пановъ мищанъ полтавскихъ и посполитыхъ людей“.

Слѣдуя обычному процессуальному порядку, судьи прежде всего предложили потерпѣвшей изложить предъ всѣми свою жалобу. Смущаясь и заливаясь слезами, Пазька начала:

— „Панове! Господаръ мій, міючы соби жону,—а я въ нёго служыла-мъ цнотливо,—Бога не боячысь, згвалтывъ мя, панянства позбавывшы, усыловне, по своій воли“.

— Якого жъ часу и на якимъ мистцю Сенько той грихъ пополнывъ?—спросили судьи.

— Теперешнёго фылыпового посту, на день празныка Воведенія, выйшовшы зъ церквы, зъ службы Божои, господаръ подпывавъ на комори горилкою, бо и господыня моя на комори була, горилкою шынкуючы, а за тымъ самъ прыйшовъ до дому, а въ свитлыци никого не було. Винъ, порвавшы мене пидъ пичью, усыловне грихъ той тилесный пополнывъ. Трудно мени було заразъ втикаты або кымъ кгвалтъ мій оповидаты, бо домъ ёго оподаль отъ людей зостаетъ; терпила-мъ черезъ килька годынъ; ажъ колы у вечиръ послалы мене по пыво, тоди заразъ и оповистыла-мъ той мій кгвалтъ титци моій Матвіиси Ткачыси и дидусеви моему и знакъ на кошули имъ оказала“.

Затѣмъ выступили дѣдъ и тетка потерпѣвшей и предъявили суду „*лице*“, то есть вещественную улику преступленія, именно рубашку своей родственницы со знаками „позбулого панянства“, а сами сказали:

— Панове! Готови-сьмо сумленямъ нашымъ пидняты (т. е. присягнуть), що того жъ дня, у вечиръ, прыбигла до насъ Пазька, прыятелька (родственница) наша, и кгвалтъ свій намъ ознаймыла. И заразъ послалы-сьмо до Сенька Шапочныка зяцного чоловика Якыма Бирлютенка, абы той грихъ и кгвалтъ въ позбытю панянства передъ очи ёму предложыты. Винъ, те легце

соби поважаючы надъ бидною сыротою, а хотячы грихъ свій покрыты, запобигъ соби духовенства, щобъ ёму помощными булы въ тій справи. А мы у мылостей вашыхъ просымо скутечнои справедлывосты".

Наконецъ судьи обратились къ обвиняемому:

— Якъ то ты, незбожныку, міючы соби жону, важывся, оставывшы боязнь Божую, грихъ той вшетечный пополныты?

Но Семенъ Шапочникъ „того таився", то есть не хотѣлъ сознаться.

Въ это время закончена была судебная экспертиза: „зацныя" женщины, изъ числа, можетъ быть, присутствовавшихъ среди публики, или же нарочито приглашенныя, осмотрѣли внимательно „лице", т. е. рубашку потерпѣвшей, и заявили суду, что имѣющіеся на ней знаки суть точно „знаки позбытя панянства".

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе. Судъ призналъ, что Семенъ Шапочникъ „жадного выводу о соби не давъ, а тилко таився", и потому „ставъ переконаный правомъ"; а его бывшая „служебныця" Пазька и „кгвалтъ" своевременно „оповидала", и „лице" на судъ „презентовала", и въ особенности тѣмъ еще доказала правоту своей жалобы, что ее, „бидную сыроту, въ Новому-Санджарови передъ духовенствомъ и передъ старшыною тамошною нещадно быто, а вона все волала, же (что) паненства позбула кгвалтовне отъ своего господара". Справившись за тѣмъ съ Статутомъ (разд. 11, артыкулъ 12) и съ Правомъ Майдебурскимъ (книга „Порядокъ", листъ 8) и „прихиляючись до рады товарыськои и до суду приналежныхъ персонъ", судъ произнесъ приговоръ: Семенъ Шапочникъ за свой „незбожный" проступокъ долженъ быть „скаранъ на горли".

Но едва это рѣшеніе было объявлено, какъ отовсюду послышался плачъ, стенаніе и мольбы. Прежде всѣхъ разрыдался осужденный и сталъ горячо просить „надъ собою змылованя, чы не могъ бы онъ буты волнымъ отъ смертельнои карности". За нимъ выступили съ тою же просьбою „многіе зацные персоны, мещане и купцѣ полтавские": Леонтій Григоріевичъ, кти-

торъ Пречистскій, Ярема Краснокутскій, купецъ, Грыцько Кущъ, тесть осужденнаго, и многіе другіе. Наконецъ и жена Сенька стала съ плачемъ просить о помилованіи ея безпутнаго мужа. Судъ не могъ остаться безучастнымъ ко всѣмъ этимъ слезнымъ мольбамъ и „уволнилъ“ осужденнаго отъ „смертелной карности“, но приказалъ ему уплатить Пазькѣ „навязку ведле еи стану“ въ суммѣ 20 копъ грошей и вознаградить ее скотомъ, платьемъ и другими „рупесками“ (мелкими вещами).

—

Такой же точно грѣхъ случился въ іюнѣ 1684 года и съ другимъ новосанжаровскимъ обывателемъ, козакомъ Иваномъ Божкомъ, на котораго такъ жаловалась его „служебница“ Марья Луциковна полковому суду:

— Мои ласкавыи панове! Несподивано позбуламъ панянства отъ господаря мого Божка, который, міючы челядныка Яцка, и мени веливъ за собою иты задля ульевъ двохъ въ пасику. По росказаню ёго, принесла-мъ тыи ульи въ пасику, за Ворскло, и положывшы въ катрази, пошла-мъ була до дому. Господаръ мій спытавъ: „куды ты йдешъ“? Я-мъ отповидала: „къ дому йду“. На то господаръ сказавъ: „позгоды, обручивъ первій врубаю“. А Яцко, наймытъ, подали рувни рубавъ. Обручивъ же нарубавшы тилко, килко бъ могла-мъ къ дому прынесты, и лыкъ зодравшы и звязавшы тыи обручи, положывъ доли на землю. Заразъ же мени, бидній сыроти, усыльне гвалтъ справывшы, панянства мене позбавывъ. Я тыи обручи, по росказаню его, понесла-мъ до дому и, не міючы, кымъ освидчыты, мусила-мъ терпиты, ажъ напотимъ сказала-мъ господыни моій“.

Судъ немедленно приказалъ „содомчика оного Ивана Божка до вязеня дати“, а дѣло отложилъ до производства слѣдствія, порученнаго мѣстной сотенной старшинѣ. Черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ новосанжаровскій сотникъ донесъ полковому уряду, что онъ посылалъ своего хорунжаго и двухъ человѣкъ изъ „товарыства“ за Ворскло, на Божкову пасѣку, гдѣ они, по указанію потерпѣвшей Марьи, видѣли въ травѣ „пото-

локу“ и слѣды, гдѣ Божко обручи рубилъ и липу дралъ, и пришли къ заключенію, что „самая истота въ нецнотливыхъ поступкахъ на Ивану Божку слушне ся показала“. Да и самъ обвиняемый не отрицалъ своей вины; онъ молилъ лишь о милосердіи:

— „Панове, змылуйтеся надо мною! Я уже и сповиды святои выслухалемъ. Грихъ то мене споткавъ, що я, міючы жону, того-мъ ся гриху смертелного допустывъ“.

Судъ, „вглянувши въ право Майдебурское“, именно въ книгу „Порядокъ“, призналъ, что „той збродень Иванъ Божко, по сповѣди, мѣетъ на горлѣ скаранъ быти зтятьемъ шыи; а поневажъ (продолжаетъ декретъ) усиловне просилъ насъ Божко надъ собою змилованья, даровавши его смертельною карностью, приказуемъ, абы Марьи нагородилъ слушне за збавенье панянства еи, зъ нагороженемъ вины панскои и намъ, врядови, належнои“.

Къ декрету приложенъ точный реестръ „заплаты“, какую должна была получить „дивчина Марья“ отъ Ивана Божка: „корова една, якую сама сподобаетъ; овець пятеро; курта шиптуховая, барашками подшитая; ложникъ (перина) и подушка; плахта една, сорочокъ жоночихъ три, намѣтокъ двѣ; чоботи чирвоныи; поясъ штучковый; хлѣба на Божковыхъ нивахъ сама собѣ нажнетъ; а що рокъ служила, за тое особливо платити повиненъ“.

Такъ сравнительно недорого поплатился Божко за свой „смертельный“ грѣхъ.

Еще болѣе дешевою цѣною „вызволивъ“ изъ бѣды козакъ м. Соколки Процыкъ Гончаренко своего сына, впавшаго въ тотъ же грѣхъ „вшетеченства“ съ его „служебкою“ Вовдотьею Сѣдаковною. Эта бойкая и энергичная, но недостаточно строгихъ правилъ молодая вдовица, ставши въ 1683 г. предъ сотеннымъ Сокольскимъ судомъ, занесла такую „скаргу“:

— Мои ласкавіи панове! Мешкала-мъ въ Процыка Гончаренка робою въ дому ёго,—жона ёго взяла мене прясты въ

домъ; мешкала-мъ часъ немалый и робыла-мъ, до чого ся умовыла. Аже чого ткнулось! Процыкъ Гончаренко съ самою (т. е. съ женою) къ Петру святому до Голтвы на ярмарокъ поихавъ, а насъ зъ Семеномъ и зъ малымы дитьмы на господарстви покынулы. Теды Семенъ, сынъ Процыкивъ, ставъ зо мною гратыся и жартоваты, а далій мене такъ пидвивъ, що и грихъ изо мною, якъ изъ жоною, до прыизду старыхъ строивъ. Уже й стари прыихалы, а винъ того не переставъ: стари ся попьютъ и не чуютъ, а винъ до мене въ ночи прыйдетъ и зо мною, такъ якъ изъ жоною, блудъ чынячы, мешкаетъ,—прави мене южъ за жону полецаетъ. Я ёму во всемъ до сыхъ часъ повольна була, та уже стари постереглы и мене одъ себе отогналы. А я уже и непорожня зостаю: чую, що и дытына зачала, уже и ручкамы и нижкамы ся въ жывоти шамотаетъ; а винъ мене, сыроту, зъ ума звывшы, ничымъ одбуваетъ. Я тилько Богу и вамъ оповищаю, а якъ дытыну прыведу, Процыкови въ хату хочъ викномъ вкыну."

Сотенный судъ м. Соколки на первый разъ ограничился лишь тѣмъ, что велѣлъ записать жалобу потерпѣвшей „до снаднѣйшои уваги, нѣмъ (пока) слушный доводъ станетъ." Въ чемъ состоялъ этотъ доводъ—не извѣстно. Въ концѣ концовъ дѣло поступило на рѣшеніе полковника Герцика, о приговорѣ котораго узнаемъ изъ слѣдующей лаконической замѣтки въ актовой книгѣ: „За тое чужеложство самъ Процыкъ Гончаренко, вызволяючы сына своего Семена, привѣлъ коня и отдалъ до двору полковничого." О вознагражденіи потерпѣвшей не говорится ни слова. Весьма вѣроятно, что Вовдя и совсѣмъ не была признана потерпѣвшей стороной; но въ такомъ случаѣ она, какъ соучастница въ преступленіи, должна была подвергнуться наказанію наравнѣ съ ея соблазнителемъ.

—

Вообще можно замѣтить, что случаи насильственнаго сожительства „господарей" съ ихъ „челядницами" были въ то время такъ часты, что болѣе корыстолюбивые изъ полковниковъ не находили даже нужнымъ подвергать ихъ формальному разбору

въ полковомъ судѣ, а прямо приказывали составлять опись имуществу виновныхъ и затѣмъ львиную часть изъ этого имущества брали себѣ въ видѣ судебной „вины“, а остальную часть распредѣляли между старшиной и дѣтьми виновнаго. Такъ поступалъ чаще другихъ полтавскій полковникъ Павелъ Герцикъ. Въ 1684 г. къ нему было прислано слѣдующее донесеніе изъ Кереберды, отъ тамошняго сотеннаго уряда:

„Мосци пане полковныку, нашъ мылостывый пане и добродію! Прыточылась справа Богу мерзкая въ тій мири: жытель нашъ именемъ Дмытро, невисту (женщину) нанявшы на рикъ, яко своій челядныци изъ собою по пашню казавъ йихаты; въ которій дорози, запомнившы боязни Божои и встыду людского, міючы жону свою, зъ челядныцею въ полю усыловне грихъ тилесный пополнывъ. Тоди тая невиста, ставшы передъ насъ, мовыла, що того жъ часу хотила свою зневагу оповисты, але Дмытро ій мовывъ: „якъ оповистышъ, я худобою одбуду, а ты собою одбудешъ“, и такъ не отпускаючы тіеи невисты, три мисяци зъ нею чужоложывъ и такымы словы тую невисту потишавъ: „мила бъ есы въ соби одъ мене зачаты, надарывшы тебе, въ иншій городъ отвезу, або самъ зъ дому одъиду.“ Зачымъ мы, чуючы ихъ Богу мерзкое дило, казалысьмо ихъ до вязеня даты, и того чужоложныка переписавшы всю худобу, реестръ до вашои панскои мылости посылаемъ и о науку вашмости, нашого пана и добродія, просымъ: що міемъ зъ тымъ чужоложныкомъ поступыты?“

Герцикъ далъ такую „науку“: „за проступство помененого Дмытра, зъ реестру худобы оного, за выну, маетъ буты прыслано до двору полковничого: воловъ пять, лошакъ и ручныця зъ рогомъ (пороховницей); сотныкови Керебердянскому зо всимъ тамошнимъ врядомъ позволяемъ взяты: быковъ два, овець двадцять и дви и жупанъ сыній, а остатокъ худобы оного проступци зоставляемъ ёго дитямъ.“ О вознагражденіи потерпѣвшей челядницы въ этой резолюціи ничего не упоминается.

—

Изрѣдка случалось, что „наймычки“, изъ корыстныхъ или иныхъ побужденій, взводили на своихъ хозяевъ и ложные извѣты. Тогдашнее законодательство, карая смертью за изнасилованіе дѣвушки или женщины, вмѣняло однако судьямъ въ обязанность точно удостовѣриться въ фактѣ преступленія. По Лит. Статуту, подвергшаяся изнасилованію была обязана непремѣнно „волать“, т. е. громко звать на помощь, и когда бы люди сбѣжались на ея крикъ, она должна была „оказати предъ ними знаки гвалту“ и затѣмъ, на судѣ, въ присутствіи этихъ свидѣтелей присягой удостовѣрить истинность своего обвиненія; если же потерпѣвшая не „волала“, между тѣмъ преступленіе происходило въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди могли бы слышать ея крики, то ея жалоба должна была почитаться голословной [1]). Магдебургское право, повидимому, еще съ большимъ недовѣріемъ относилось къ жалобамъ объ изнасилованіи. Оно также требовало „воланія“ и свидѣтелей преступленія; но хотя бы потерпѣвшая „съ распущенными волосами и въ разорванномъ платьѣ“ пришла на урядъ, жалуясь объ изнасилованіи и обязуясь доказать это показаніями свидѣтелей, слышавшихъ ея „воланіе“, а обвиняемый явился бы на урядъ раньше ея, и притомъ явился добровольно, не связанный и не пойманный, желая доказать свою невинность, то въ виду такого добровольнаго прихода ему предоставлялось преимущественное право „отвестить“ присягою, при шести свидѣтеляхъ, отъ взводимаго на него обвиненія [2]). Козацкіе суды не были столь педантичны въ оцѣнкѣ доказательствъ въ такихъ дѣлахъ, но и они принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдиться, точно ли было совершено изнасилованіе, и въ случаѣ какого-либо сомнѣнія признавали жалобу ложной, клеветнической и самихъ клеветницъ нерѣдко подвергали наказанію.

---

[1]) Лит. Статутъ 1588 г., разд. 11, арт. 12.

[2]) Jus Municipale, переводъ П. Щербичъ, арт. 38, глосса. Porządek, изд. 1760 г., стр. 150.

Такой клеветѣ подвергся въ 1700 году нѣкій Кузьма, полтавскій житель, со стороны своей „служебки“ Орышки. Явилась она въ судъ въ сопровожденіи своей тетки, предъявила „знаки гвалту на кошулѣ“ и занесла жалобу, будто Кузьма ночью перенесъ ее сонную на свою постель и насильно „позбавилъ панянства“. На другой день вечеромъ она сообщила объ этомъ своей „господынѣ“, но Кузьмиха пообѣщала денежно вознаградить ее, лишь бы она „того никому не ясыла“. Прождавши нѣсколько дней обѣщанной „нагорбды“ и убѣдившись, что хозяева ее „ничымъ одбуваютъ“, Орышка рѣшилась обратиться къ судебной защитѣ.

Противъ этой жалобы обвиняемый Кузьма такъ „вимѣрявся“ (оправдывался).

— Панове, невынныи на мене ричи Орышка наносытъ. А то такъ було. Прыйшовшы я зъ поля пизно до господы, не заставъ господыни (жены) въ дому, тылько дивку та хлопцивъ два, и повечерявшы, веливъ Орышци постиль послаты на полу [1]). Орышка зась, пославшы а ходячы по хати, говорыть: „Отъ бида, нигде мени лягты спаты“! Я жъ пишовъ у сины тютюну тягты, а хлопци въ хати, пидъ прывалкомъ къ печи, на земли полягалы спаты. А я, потягшы тютюну, увійшовъ у хату, и лигши на своій постели на полу, мацнувъ къ стини, ажно дивка лежыть; и я, тилко за жывитъ еи пощупавшы, сказавъ: „Чого ты тутъ лягла? Колы бъ такъ кому молодому пидлизла пидъ бикъ, то не здорова бысь пишла“! и такъ еи въ полу зигнавъ, и вона, вставшы, пишла и лягла на лави. А щобъ я ій що чынывъ, неправду вона говорытъ. Богъ бы мене скаравъ! Невыненъ я, панове, тому учынку, що вона на мене складаетъ.

Для экспертизы были приглашены „старыи невисты (женщины), добре на томъ знаючіися“, которыя, внимательно осмо-

---

[1]) Разумѣется извѣстная настилка изъ досокъ въ малороссійской избѣ, которая и нынѣ называется «поломъ» и служитъ постелью для семьи.

трѣвъ предъявленную жалобщицею „кошулю“, единогласно заявили:

— Не есть то, панове, слушныи знакы гвалту, бо и не на тимъ мистци, де бъ належало, и крови немае.

Послѣ этого судъ объявилъ декретъ: „поневажъ Орышка гвалту не волала, и жадныхъ знаковъ певныхъ не показала, и свидкивъ не поставыла, и передъ людьмы таилась, и вже по трёхъ дняхъ, колы ій нагороды не дано, тогди до суду зъ злосты объявыла за побудкою титкы своеи“, то, руководствуясь 12 арт. 11 разд. Статута, судъ въ данномъ дѣлѣ не призналъ никакого „гвалту“ и за ложное обвиненіе „тую дивку Орышку скарати канчуками“ велѣлъ. „А помовленный (оговоренный) Кузьма отъ гвалту любо (хотя) и воленъ составъ, однакъ не згола (не совсѣмъ), але маетъ за тое, якъ самъ прызнався, що тую дивку за животъ пощупавъ, виною звыклою скаранъ буты“, т. е. уплатить обычный судейскій доходъ.

Бѣдному Кузьмѣ оставалось лишь пенять на себя за излишнюю откровенность.

---

20. Легкомысленная Любка.

Козакъ и житель сотеннаго города Кереберды Павло Набоченко отправился въ іюнѣ 1698 г. въ Голтву на ярмарку, а дома осталась молодая его жена Любка съ его сестрой подросткомъ. Долго Павло ярмарковалъ, а когда возвратился домой, то сразу замѣтилъ, что съ Любкой случилось что-то неладное: не встрѣтила она его съ обычнымъ привѣтомъ, не смотритъ ему въ глаза, съ смущеніемъ принимаетъ его ласки и безпричинно плачетъ. Долго Павло безуспѣшно разспрашивалъ жену, не обидѣлъ ли кто ее, не случилось ли съ ней какой бѣды; она плакала и волновалась, но увѣряла, что ничего съ ней не случилось. Наконецъ Павло услышалъ отъ жены такое ужасное признаніе, что лучше бы и не слышать: оказалось, что въ его

отсутствіе злой человѣкъ проникъ къ нему въ домъ и опозорилъ его на вѣки. По словамъ Любки, приходилъ къ ней Алексѣй Яковенко и, воспользовавшись тѣмъ, что она оставалась одна въ домѣ, насильно овладѣлъ ею.

Алексѣй Яковенко былъ извѣстный на всю Кереберду повѣса и «джигунъ», типъ того «вдовыченка», о которомъ и въ пѣснѣ поется:

Нема вшыну вдовыному сыну,
Що звивъ зъ ума дивку сыротыну.

Онъ и въ дѣйствительности былъ сыномъ вдовы «значного» козака, имѣвшей значительный достатокъ и не чаявшей души въ своемъ «одынчикѣ». Ему уже перевалило за тридцать, а онъ все еще «паробкувавъ», не желая разставаться съ привольемъ и беззаботностью молодецкой жизни.

Пошелъ Павло Набоченко къ своему тестю Прокопу Дзыкгавому, разсказалъ о постигшемъ ихъ горѣ и сталъ «радытысь», какъ ему поступить съ обидчикомъ.

— А що жъ, сыну, будемъ позываты вражого сына до права: може жъ такы Богъ намъ поможе довесты, що сей шыбеныкъ побувае и въ кативскыхъ рукахъ.

Несмотря на то, что былъ праздникъ Петра и Павла, сотенный судъ открылъ присутствіе. Изъ урядниковъ въ немъ участвовали только сотникъ и городовой атаманъ, и то оба наказные, за то много было «товарыства» и мѣщанъ, все людей «зацныхъ и вѣры годныхъ». Между ними «згодывся» и мѣщанинъ кіевскій Грыцько Гапоненко, пріѣхавшій за осетрами, которыми и въ то время славилась Кереберда, и приглашенный въ судебное засѣданіе, какъ членъ славнаго магистрата Кіевскаго. Сюда же явился Прокопъ Дзыкгавый съ своимъ зятемъ и занесъ жалобу на Яковенка, «мовячы въ такіи слова»:

— Наши ласкавыи панове вряде! Трапылося буты зятеви моему зъ своею маткою на ярмарку въ Говтви, а Олексій Яковенко дочку мою зкгвалтывъ.

Какъ услышали «урядъ и товарыство» такое «неужытое слово», то и въ ужасъ пришли. Кереберда былъ городокъ малый, и нравы въ немъ были патріархальные. Случалось, что молодежь пошаливала съ «удовыцями» да съ «покрыткамы»; но чтобы кто изъ «молодыковъ» «зкгвалтывъ мужнюю жону»—о такомъ возмутительномъ проступкѣ еще не было слышно.

Немедленно приступили судьи къ производству «инквизиціи». Прежде всего позвали потерпѣвшую Любку Павлыху и спросили:

— Повидай намъ, небого, якъ тое Богу мерзкое дило учынылось?

Любка немного замялась и стала разсказывать:

— А тое було такъ, панове. Трапылося буты мужови моему изъ маткою въ Говтви, на ярмарку, а дивчына, моя зовыця, одійшла по червець [1]), ажъ тутъ Олексій Яковенко рано въ недилю, передъ Божою службою, прыйшовъ зъ Мыкытою Клыменкомъ и запыталы мене, чы есть дома Павло. Я имъ одказала: «нема дома, на ярмарку». А воны, наклавшы люльку, тяглы (курили) обыдва. Клыменко жъ Мыкыта скоро пишовъ исъ хаты, а Яковенко заразъ взявъ мене пидъ плечи, понисъ у хыжу и на кровать кынувъ. Въ той же часъ я изійшла памяты (т. е. впала въ обморочное состояніе), а Олексій Яковенко вчынывъ мени кгвалтомъ грихъ тилесный. Маючы такую жалость, пишла я до свого отця и плакала вельмы. Пыталы мене панотець: «для чого ты плачешъ»? а я для такого встыду не прызнавалася до прыизду мужевого. По обиди прыйшла я додому, тилко подала курятамъ йисты и заразъ выйшла зъ хаты и на двори на колодкахъ лягла спаты, бо вже въ синяхъ боялася, щобъ мене ище тее не нагабало. И заразъ той же Яковенко зъ дякомъ одъ миста, черезъ тынъ перелизшы, прыйшлы

---

[1]) *Червець*—особаго рода насѣкомое (coccus polonicus), изъ котораго добывали кармазиновую краску для окрашиванія матерій. Въ старину сборъ и обработка червеца составляли широко распространенный въ Малороссіи промыселъ.

до хаты,—а я не спала,—и такъ говорытъ дякъ: «Чы справды жъ Павла нема»? а Яковенко каже: «нема, мы напывшысь, мовытъ, и пидемо заразъ». И війшлы у хату. Клыкавъ Яковенко мене килька разъ по йменю, а я будто и не чую, а потимъ выйшовъ съ хаты, знайшовъ мене на колодкахъ и мовыть такъ: «иды въ сины». А я ёму одмовыла: «Якои ты чортовои матери сюда ходышъ, або то до удовыци»? А винъ мени мовыть: «одже гирше тоби буде, колы я сылою тебе визьму», и пишовъ у сины. Дяка вже справды не було. А я, що постылала мишокъ, покынула и лаючы зъ двору пишла; и винъ незабаромъ пишовъ. Третимъ разомъ того жъ дня, у вечиръ, доила я корову, а Мыкыта Клыменко прыйшовъ до воритъ и пытается дивчыны; «чы ще нема Павла зъ ярмарку»? а вона одказала: «нема». И якъ прысмеркло гараздъ, прызвала я на ничъ дивчыну, сестру Лукъянову, и обляглы спаты. И заразъ почула я, що коло хаты и коло синей и хыжи щось тупае, а далій прыйшовъ до синныхъ дверей, торгавъ вельмы, и що мы булы пидперлы двери лопатою, то винъ поламавъ, и вшедшы въ хату, говорывъ зъ дивчатамы пбночи, мовячы: «добрывечиръ». Одказано ему: «здоровъ». А винъ пытае: «Чы дома Павло»? Одказано: «Нема».—«Я жъ, мовытъ, возьму на люльку вогню и пійду». Ажъ дивчата кажутъ: «Ни, не для вогню ты, але для Любкы ходышъ». А винъ: «Пійду жъ я одъ васъ». И якъ выйшовъ зъ хаты, то не йшовъ зъ двору, але ставъ пидъ синьмы, и пождавшы, нимъ (пока) поснутъ дивчата, продравъ стриху и друкомъ колотывъ у хыжу, а я ёму лаяла. Винъ похвалывся: «Ну постій же! тилько тоби на свити жыты»!—Поты моеи мовы. Прошу васъ, панове вряде, въ тимъ святои справедлывосты».

Спросили и «дивчыну», Лукьянову сестру, ночевавшую у Павлыхи, при чемъ почему-то не позвали ее въ присутствіе, а посылали къ ней «зъ уряду людей зацныхъ»: Ивана Вареныка и Ивана Зозулышыного брата, для допроса на дому. Свидѣтельница показала:

— Перше, завыдна, прыходывъ на вывидкы Мыкыта Клыменко, пытався: чы дома Павло? А мы одказалы: «нема». По-

тимъ прыйшовъ Олексій Яковенко, одбывъ двери и поламавъ пидпоры; а мы, полаявшы ёго, выгналы. Тоди винъ, выйшовшы съ хаты, пидъ хыжою прытаився, и скоро мы поснулы, продравъ стриху и колотывъ въ хыжу друкомъ. И впять одогналы ёго зъ двора ласкою. Поты мого прызнатя».

Тогда судьи обратились къ обвиняемому Яковенку и сказали ему:

— Скажы, чоловиче, по истынній самій правди: що тамъ було межъ вамы?

Яковенко отвѣтилъ:

— Що жъ, панове уряде, якъ перше духовному отцеви росказавъ, такъ и вамъ мовлю. Рано, въ недилю, прыйшовъ я зъ Клыменкомъ до Павловои хаты тютюну тягты, и потягнувшы Клыменко выйшовъ съ хаты и стоявъ на воротахъ, а я Любку до того прыводывъ, и вона мени повынылась, вчынывъ ій на постели грихъ тилесный, тилько жъ не кгвалтомъ: сама вона пишла до хыжи. А Клыменко того не видае. По истынній самій правди мовлю. А що въ день и въ ночи прыходывъ, и тому есть правда, бо сама мени прыходыты казала».

Судьи въ недоумѣніи переглянулись и затѣмъ спросили вновь Павлыху:

— Чому жъ ты по тимъ кгвалти людимъ не оповидала?

— Що жъ, панове,—отвѣтила Любка: по истынній самій правди, въ той часъ не стямылася—едно изъ страху, вдруге—що береминна, а втретье за встыдъ; ажъ, за прыиздомъ, мужови своему сказала».

Этимъ и ограничилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ судьи постановили: «Не маючы мы способу такый судыты судъ, тилко испытаніе одъ обохъ сторонъ запысалысьмо и одсылаемъ справу до высокого панского (т. е. полковничьяго) суду».

А въ полковомъ судѣ это дѣло рѣшено было очень быстро. «По вычытаню всимъ въ слухъ инквизиціи, на уряди Керебердянскомъ выведеной», и внимательномъ ея «вырозуминю», судъ не усмотрѣлъ въ дѣлѣ и признаковъ какого-либо «кгвалту», такъ какъ Любка «кгвалтомъ не волала, и сталося ей тое въ

день, а не въ ночи», и притомъ въ городѣ, «межи людьми», которые могли бы слышать ея «воланье»,—а призналъ лишь «самое ихъ обохъ порубство (прелюбодѣяніе) и самоволное призволенеся», а потому постановилъ: «абы оные вшетечники Яковенко и Павлыха булы выною пиняжною (денежною) скарани и вязенямъ долгимъ прынужени,—що ся и стало», прибавляетъ писарь, вписавшій декретъ въ актовую книгу.

Такъ была сравнительно мягко, вѣроятно изъ снисхожденія къ ея молодости, покарана «необачная» Любка, легкомысленно затѣявшая сыграть роль оскорбленной невинности.

---

21. „Нестатечная" жена.

Полтавскій житель Яковъ Семененко женился на молодой вдовѣ съ дѣтьми Ганнѣ Горбанивнѣ, соблазнившись тѣмъ, что у нея было порядочное состояніе: и „грунты", и скотина, и „господарство" немалое. Бракъ оказался весьма неудачнымъ. Вѣроятно, часть вины за это лежала и на мужѣ; по крайней мѣрѣ Ганна имѣла какіе-то поводы неоднократно жаловаться на него полтавскому протопопу о. Лукѣ Симеоновичу, и тотъ дважды подвергалъ Якова карѣ—запиралъ его въ „коморку" церковную, куда попадали большею частью чужеложники и прелюбодѣи, если на нихъ жаловались не свѣтскому, а духовному или братскому суду. Но затѣмъ и сама Ганна перестала „статковаты" (вести себя благоразумно), совсѣмъ отбилась отъ рукъ и стала открыто рвать супружескій союзъ съ мужемъ. Она неоднократно бросала семью, подолгу шаталась гдѣ-то „на Водолагахъ," т. е. въ южной части Слободской Украины, и распродавала свою „худобу." Яковъ Семененко, повидимому, примирился уже съ тою мыслью, что Ганна—не жена ему больше; но то обстоятельство, что она легкомысленно растрачивала оставшееся послѣ перваго мужа состояніе, сильно его озабочивало: выростутъ ея дѣти и отъ него же, какъ отъ мужа

ихъ матери и естественнаго ихъ опекуна, потребуютъ отчета, куда дѣвалась ихъ „батьківщына.“ Чтобы обезпечить себя отъ этой отвѣтственности, Семененко въ октябрѣ 1693 года позвалъ свою жену въ полковый судъ и такъ „скаржился“ на нее:

— Панове! Понявъ я соби въ станъ малженскій Ганну Горбанивну Процыху, невистку Сорокового, и що було ей внесення (приданаго), тое въ опатрности мил-емъ. Аже теперъ, зъ якогось наущенія бисовского, подвакротне оная жона моя, уступуючы закону, стану малженского, тулялася одъ мене по Водолагахъ и не вимъ де, а тіи свои добра міючы за внесеня, розным людимъ попродавала, и товару рогатого коровъ дви, и кгрунта розныи, яко то и Пархоменкови Исаеви за пятьдесятъ золотыхъ продала, о чимъ я не видаю. А що билше, терпивъ я, за ей опачнымъ вданямъ (по ложному доносу) отъ ёго мылосты отца протопопа полтавского, отъ отца Луки Семеновича вязеня подвакротне въ коморци, а то ей власне нерядъ (ея распутство). Прошу въ тимъ, панове, рачте (благоволите) мылость ваша, моихъ скаргъ выслухавшы, абы я не бувъ турбованый одъ потомкивъ жоны моеи Ганны.

Не извѣстно, что говорила въ оправданіе своей „нестатечности“ присутствовавшая здѣсь Ганна, но она „не таилася“, что „добра свои сама на свій пожытокъ обернула“.

Хотя стороны не просили о расторженіи ихъ брачнаго союза, но судьямъ невольно пришло на мысль, что этой парѣ всего приличнѣе было бы разойтись подобру, поздорову. Но именно потому, что просьба о разводѣ ни одной изъ сторонъ не была заявлена, безъ чего свѣтскій судъ не могъ расторгать законныхъ браковъ, судьи постановили декретъ: „Не міючы власти на роспустъ свицкій (т. е. учинить разводъ помимо духовнаго суда), велилысьмо Якову и Ганни статечне въ стани малженскимъ похристіанску жыты; а выдячы, що Якивъ внесенямъ жоны своеи абынамній (нимало) не завладивъ и не стерявъ ничого, тилко сама реченая Ганна Горбанивна на свій пожытокъ обернула и потомкамъ своимъ утратыла, оного Якова отъ внесеня Ганнынного въ тимъ вольного чынымо и въ потомные часы, ижъ (что) не міетъ

узнаты отъ потомкивъ Ганныныхъ, Проценкивъ, жадныхъ турбацій, подъ уложенямъ выны суду духовному таляривъ сорокъ, на пана полковныка полтавского таляривъ сорокъ, а на врядъ миській полтавскій таляривъ двадцать.“

Не совсѣмъ понятно, почему денежная „зарука“ за нарушеніе даннаго декрета была положена, между прочимъ, и въ пользу суда духовнаго. Обыкновенно такъ дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, котораго это могло касаться, или самое дѣло подлежало компетенціи духовнаго суда; но иски о наслѣдствѣ къ компетенціи этого суда не относились.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XIX.

Получивъ снова полныя гражданскія права, Кулишъ немедленно поспѣшилъ, конечно, оставить Тулу и перебраться въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность. При первомъ свиданіи съ родными послѣ Тулы, Кулишъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ; старая бабушка жены Кулиша, нѣкогда при слухѣ объ арестѣ простоявшая весь молебенъ на колѣняхъ, горько рыдая, теперь при радостной встрѣчѣ бросилась цѣловать руки Александры Михайловны. Какъ выздоровленіе послѣ тяжкой болѣзни бываетъ источникомъ величайшихъ наслажденій, такъ точно необычайное счастье охватило Кулиша послѣ освобожденія отъ ссылки, что̀ было вполнѣ естественно при его энергіи, жаждѣ дѣятельности и скромныхъ требованіяхъ отъ жизни. Въ Тулѣ онъ трудился по цѣлымъ днямъ, и если не предавался любимымъ литературнымъ трудамъ, то работалъ на верстакѣ, занимался рисованьемъ и гальванопластикой. И всѣмъ этимъ Кулишъ занимался съ увлеченіемъ, а жена его исполняла домашнія работы, помогала мужу, въ чемъ могла, и

[1]) См. Кіев. Ст. № 4

переписывала его рукописи. При такомъ необычайномъ трудолюбіи и самоограниченіи, а особенно при сознаніи еще богатыхъ „свѣжихъ силъ“, оба супруга бодро смотрѣли въ будущее; къ тому же, самыя требованія ихъ отъ жизни были легко осуществимы, при условіи только устраненія внѣшнихъ стѣсненій.

Еще въ концѣ своей жизни въ Тулѣ, лишь-только на горизонтѣ загорѣлась заря близкаго освобожденія, Кулишъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи привлекательныя перспективы, хотя и старался принимать на себя видъ равнодушія: „я теперь сдѣлался великимъ философомъ, такъ что равнодушно ожидаю перемѣны обстоятельствъ“, писалъ онъ женѣ: „Они не могутъ не перемѣниться, но когда—это меня мало занимаетъ. Малочисленность нашей семьи заставляетъ меня безпечно думать о будущемъ: много ли надобно двоимъ? Жизнь коротка; надобно въ ней какъ можно больше уловить счастливыхъ ощущеній. Кто умѣлъ наслаждаться въ душѣ чаще и больше другихъ, тотъ и мудрецъ, тотъ понялъ цѣну жизни. Всѣ другіе—жалкіе люди. Мнѣ теперь представляется чудная перспектива въ будущности, потому что я въ уединеніи и въ удаленіи отъ людей успѣлъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предубѣжденій и желаній. Именно: если мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по службѣ, буду служить, но не карьера къ возвышенію, почестямъ и богатству будетъ моею цѣлью. Оставлю всѣ лишніе труды, сброшу съ плечъ всѣ чиновническія обязанности въ отношеніи къ начальству, удалюсь отъ всѣхъ безполезныхъ знакомствъ и все свое время отдамъ однимъ искусствамъ; постараюсь въ живописи сдѣлать шагъ, котораго не достаетъ мнѣ, чтобы быть художникомъ, займусь скульптурою, займусь музыкою; стану читать только такія книги, которыя будутъ услаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя разсудка; стану учиться кротости и умѣнію ни на кого ни за что не сердиться. Право, мнѣ кажется, что я буду съ такимъ порядкомъ жизни и образомъ мысли счастливѣйшимъ изъ смертныхъ“. Сколько въ этихъ словахъ юношеской бодрости! сколько волшебной заманчивости въ самой неопредѣленности

судьбы въ молодые годы, когда будущность представляется какой-то несмѣтной сокровищницей и грудь дышить вольно и радостно!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Кулишъ какъ бы возродился къ новой жизни; все рисовалось жизнерадостному взору въ самомъ лучезарномъ свѣтѣ, и онъ не могъ нахвалиться ни самой столицей, ни даже нанятой квартирой и всей вновь заведенной обстановкой. Еще въ прежніе годы Пантелеймонъ Александровичъ сильно любилъ Петербургъ, но теперь къ этому присоединилось еще благодатное чувство нравственнаго удовлетворенія, которое окрашивая все въ розовый цвѣтъ, еще болѣе возвышало въ его глазахъ достоинства столицы. „Викторко разскажетъ вамъ“— писалъ Кулишъ тещѣ,—„какая теперь у насъ прекрасная квартира, хотя мы платимъ только 206 рублей серебромъ въ годъ (съ водою, но безъ дровъ); мебель у насъ, могу сказать, такая, что вы не найдете ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ домовъ въ борзенскомъ уѣздѣ; но все это куплено не вдругъ и не по самому старательному выбору. Многое нужно было привести въ надлежащій видъ послѣ покупки, и это мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, но зато мало-по-малу устраиваемъ себѣ комфортъ, какого только можетъ пожелать цивилизованный человѣкъ... Сторы вышли образцовыя. Комнаты хотя меблированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но далеко не доведены еще до того совершенства, въ какомъ они будутъ со временемъ. Такъ, напримѣръ, плющъ обвиваетъ у насъ только одно окно, а надобно, чтобы по всѣмъ стѣнамъ, гдѣ окна, была раскинута кудрявая зелень... Въ Петербургѣ можно достать богатѣйшія вещи, имѣя постоянно запасныя деньги и пользуясь разными представляющимися неожиданно случаями. Этой системы я рѣшился держаться, и увѣренъ, что у насъ со временемъ все, относящееся къ удобству и пріятностямъ жизни, будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ.“ Въ эту минуту Кулишъ до такой степени былъ счастливо настроенъ, что душевное довольство его ярко отражается почти въ каждомъ письмѣ. Онъ готовъ прославлять не только удобства интеллектуальной жизни въ столицѣ, но

даже погоду и удачныя мелкія покупки. Однажды онъ съ восторгомъ писалъ В. М. Бѣлозерскому: „Мы благоденствуемъ! Какое солнце свѣтитъ въ наши окна и играетъ по полу, по книгамъ и по стѣнамъ тѣнью плющей! Эта осень будетъ достопамятна для Петербурга... Въ книжномъ царствѣ я нашелъ и купилъ нѣсколько очень нужныхъ книгъ и притомъ очень дешево". Заботы о внѣшнемъ комфортѣ были теперь пріятны уже потому, что дѣло касалось постояннаго устройства на опредѣленномъ мѣстѣ. [1])

Недостатокъ въ книгахъ и въ живой бесѣдѣ съ людьми, интересующимися наукой и особенно прошлымъ Украйны, сильно чуствовался во время пребыванія въ Тулѣ, и это неудобство, разумѣется, также совершенно исчезло въ Петербургѣ, когда Кулишъ снова получилъ доступъ во всѣ архивы и библіотеки. Прежде ему приходилось съ трудомъ выписывать самыя необходимыя книги черезъ В. М. Бѣлозерскаго и Бодянскаго [2]). До какой степени Кулишъ могъ себя чувствовать и въ этомъ отношеніи удовлетвореннымъ по переѣздѣ въ Петербургъ и какъ онъ этимъ воспользовался, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ составленной для насъ записки о знакомствѣ съ нимъ одного изъ близкихъ пріятелей, художника Л. М. Жемчужникова. [3]) Вотъ что́ пишетъ г. Жемчужниковъ: „Познакомился я съ нимъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, какъ и черезъ кого—не помню. Въ то время онъ былъ въ загонѣ у правительства и не имѣлъ права писать статьи, и помѣщалъ свои замѣтки, статьи и повѣсти не подъ своимъ именемъ, но подъ именемъ Николай М.

---

[1]) Уже въ Тулѣ у Кулиша явилась мысль о пріобрѣтеніи домика и фортепіано.

[2]) И даже журналы, издаваемые его друзьями, какъ напр. „Современникъ" и „Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей" доставлялись ему неаккуратно; по самому незначительному поводу надо было кого-нибудь просить, давать порученія.

[3]) См. также въ письмахъ И. С. Аксакова. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III, стр. 40 42.

(Это былъ Николай Яковлевичъ Макаровъ, человѣкъ чрезвычайно хорошій, добрый и благородный, принимавшій въ Кулишѣ горячее участіе, а такъ какъ онъ былъ близокъ къ старикамъ Кочубеямъ, Демьяну и Александру Васильевичамъ,[1]) то пользовался ихъ вліяніемъ, чтобы облегчить судьбу Кулиша.) Я познакомился съ Пантелеймономъ Александровичемъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ скромно, и я нашелъ въ немъ то, чего искала моя душа, горячо полюбившая Малороссію со всею ея исторіей, пѣснями, обычаями, одеждой,—словомъ, полюбилъ въ ней все, все безъ исключенія. Кулишъ посѣщалъ меня рѣдко въ моей уединенной, такъ сказать секретной, мастерской, въ саду на Васильевскомъ Острову. Тамъ онъ мнѣ читалъ свои произведенія, думы народныя, и мы вдвоемъ засиживались нерѣдко за полночь. Въ это время онъ подарилъ мнѣ „Исторію Малороссіи“ (имъ написанную маленькую книжку), и думы, собранныя имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. То и другое предназначалось пустить въ народъ и публику, но то и другое цензурой не было до этого допущено. Экземпляры же, къ сожалѣнію, у меня сгорѣли въ числѣ многихъ, составляющихъ теперь рѣдкость.

XX.

Изъ предыдущаго видно, насколько Кулишъ былъ удовлетворенъ новой обстановкой и измѣнившимися условіями жизни. Это внутреннее удовлетвореніе оказало самое благотворное вліяніе на его дѣятельность, и въ томъ числѣ служебную; по протекціи А. В. Кочубея и П. А. Плетнева, онъ получилъ вскорѣ должность редактора статистическаго отдѣленія [2]), которой по

[1]) Черезъ мать своей жены.

[2]) По оффиціальнымъ даннымъ, Кулишъ былъ перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства 24 іюня 1851 года, а должность редактора статистическаго отдѣленія занималъ съ 1 іюля 1851 года по 22 октября 1852 года и уволенъ отъ службы по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, 11 февраля 1854 года.

своей натурѣ отдавался съ увлеченіемъ. Служба казалась ему нетрудной, но въ Отдѣленіи, при его вступленіи, дѣла оказались сильно запущенными, такъ что явилась необходимость „привести дѣла его въ порядокъ и наблюдать за трудами подвѣдомственныхъ чиновниковъ". Новость эта была не особенно пріятной для его жены, привыкшей постоянно дѣлить съ нимъ все свое время, живя общими съ нимъ интересами. Но здѣсь на помощь явилось искусство: было куплено давно страстно желаемое фортепьяно, и она могла вполнѣ предаваться своей любви къ музыкѣ. И долго не могъ Кулишъ привыкнуть къ выгодамъ своего новаго положенія, восхищаясь имъ. Жажда дѣятельности заговорила въ немъ съ необыкновенной силой: мало того, что онъ занимается службой, совмѣстнымъ съ женой чтеніемъ классическихъ произведеній всемірной литературы, гальванопластикой, живописью,—онъ постоянно находится въ движеніи и не забываетъ мелочей окружающей обстановки, посвящая крохи свободнаго времени улучшенію своего скромнаго домашняго комфорта, устраивая все вокругъ по своему вкусу. Въ каждой строкѣ писемъ чувствуется, что человѣкъ ожилъ и природная энергія вновь забила въ немъ ключемъ, сообщаясь невольно и окружающимъ. Подъ вліяніемъ Кулиша жена его много читаетъ, изучаетъ французскій языкъ, а самъ Кулишъ, уже въ Тулѣ энергично предавшійся изученію итальянскаго и нѣмецкаго языковъ, находитъ еще время изучать англійскій языкъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ какъ собственному влеченію, такъ и доброжелательнымъ совѣтамъ Костомарова, который также склонялъ его къ изученію древнихъ языковъ. Въ одномъ письмѣ Костомарова къ Виктору Бѣлозерскому еще въ 1848 г. находимъ между прочимъ слѣдующія строки: „Если будете писать Кулишу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулишу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ: Пантелеймонъ Александровичъ, безспорно, созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить вре-

мени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античнаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслуживающихъ справедливое удивленіе народовъ“ [1]). Что Костомаровъ хорошо понималъ и цѣнилъ дарованія своего друга и умѣлъ правильно опредѣлить его призваніе, это несомнѣнно, но относительно греческаго языка совѣтъ Костомарова не былъ имъ выполненъ въ той степени, въ какой это представлялось необходимымъ послѣднему. Кулишъ, превосходно изучившій, кромѣ русскаго и малороссійскаго языка, также польскій, нѣмецкій, французскій и знавшій языки латинскій, итальянскій, англійскій, еврейскій и испанскій, значительно меньше былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы видѣли, что Кулишъ вновь нашелъ смыслъ и радость существованія и наслаждался дѣятельной жизнью, какъ необыкновеннымъ райскимъ счастьемъ. Заботясь о покупкѣ фортепіано, выписывая интересующія его книги, штудируя англійскій языкъ, онъ убѣжденъ былъ, что все это дѣла, не терпящія отлагательства, и что „хорошо бы было выиграть даже недѣлю при наступившей чудной погодѣ и при такомъ расположеніи жены къ музыкѣ, а меня къ джонбулизму“. Весной слѣдующаго (1852) года, поздравляя тещу съ праздникомъ Пасхи, Кулишъ пишетъ: „у насъ, слава Богу, всегда весело. Погода началась весенняя, и мы помышляемъ о дачѣ. Дача имѣетъ въ Петербургѣ особенную прелесть. Несмотря на сѣверный климатъ, нигдѣ вы въ Малороссіи не увидите, какъ здѣсь, столько цвѣтовъ на дачахъ. Люди здѣсь болѣе умѣютъ дорожить благотворною теплотою солнца и самыми лучшими цвѣтами. Здѣсь стоитъ только заплатить деньги— такъ и принесутъ и приберутъ такъ, какъ самому не придетъ и въ голову. Мы же, слава Богу, въ деньгахъ не нуждаемся и имѣемъ ихъ довольно не только на необходимое, но и на разныя удовольствія“. Вскорѣ, однако, Кулишъ долженъ былъ отка-

[1]) „Кіевская Старина“, 1897, X, 133.

заться отъ такого безусловнаго прославленія Петербурга: „Благословенный Петербургъ, если-бъ только онъ не стоялъ въ болотѣ!“—говоритъ онъ: „но жалкое мѣсто здѣшнее просто мучительно: невозможно описать томленіе, которое овладѣваетъ моею душою, когда я вижу первые пожелтѣвшіе листья, тогда какъ лѣто только обѣщало наступить, но не наступило. Деревья остаются жидкими до самой осени, какъ у насъ бываетъ раннею весною. Вотъ что всего убійственнѣе для человѣка, который работалъ всю зиму и желаетъ лѣтомъ освѣжить силы въ прохладѣ садовъ и рощъ. Здѣсь есть только сырость, а прохлады нѣтъ“.

XXI.

Въ своемъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи Кулишъ съ особеннымъ участіемъ помнилъ о томившихся въ ссылкѣ друзьяхъ и съ обычной теплой отзывчивостью относился къ нуждамъ тѣхъ, кому случалось обратиться къ нему съ какой-нибудь просьбой, въ особенности если дѣло касалось историко-литературныхъ интересовъ или лицъ, имъ служившихъ.—Въ этомъ отношеніи у Кулиша рано выработался принципъ, постоянно высказываемый имъ, когда что-либо подавало къ тому поводъ,—что въ интеллектуальномъ трудѣ эгоистическіе интересы личной выгоды и репутаціи должны уступать мѣсто безкорыстному служенію общему дѣлу, служенію идеѣ.[1]) У него были любимыя изреченія, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ этому принципу, какъ напр. „жатва многа, а дѣлателей мало“, „magna est veritas et praevalebit“ [2]) и проч. Въ силу этого принципа онъ употребилъ

---

[1]) Впрочемъ, случалось Кулишу волноваться по поводу недоразумѣнія съ Срезневскимъ, изъ-за украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ первымъ и будто-бы присвоенныхъ послѣднимъ.

[2]) Однажды Кулишъ такъ высказался въ этомъ отношеніи: «будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете разными воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit». См. Кіев. Стар. 1897 г., X, 396, а также XII, 437.

въ продолженіе своей жизни массу времени на труды безъименные, совершенно безкорыстные во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый развитой и не чуждый высшихъ интересовъ начинающій писатель, ученый, интересующійся дѣломъ студентъ—свободно могли найти благосклоннаго и доброжелательнаго брата. Это часто чувствуется въ самомъ тонѣ упоминаній о Кулишѣ разныхъ лицъ. [1])

XXII.

Лѣтомъ 1852 года удалось Кулишу осуществить свое давнее завѣтное желаніе погостить съ женой у тещи въ Малороссіи. Въ это время у него и у жены мелькала даже мысль совершенно оставить Петербургъ и переселиться навсегда въ Малороссію. Въ объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Кулиша къ Петербургу и Малороссіи всегда отличались замѣчательной перемѣнчивостью. Такъ, 9 марта 1853 года онъ извѣщалъ Бодянскаго о своемъ намѣреніи переѣхать навсегда въ Малороссію, а 23 октября того же года *ему же* писалъ, что онъ никогда не будетъ въ состояніи оставить Петербургъ. Точно также и теперь (въ 1852 г.) онъ рѣшилъ покинуть Петербургъ, причемъ сборы его были такъ энергичны и поспѣшны, что жена Кулиша писала: „Половина мебели уже уложена, ожидаемъ погоды. Плетневы завидуютъ намъ,

[1]) Такъ, въ письмѣ одного студента петербургскаго университета, Алексѣя Тихменева, напечатанномъ въ «Кіевской Старинѣ», читаемъ слѣдующія строки, мимоходомъ рисующія отношенія Кулиша къ этому юношѣ: «Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пантелеймона Александровича, ободряли меня и заставили рѣшиться написать вамъ это письмо, увѣривъ меня, что вы благосклонно примете его и почтите меня вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Ивановичу и Татьянѣ Петровнѣ Костомаровой». (См. «Кіевскую Старину», 1897, X, 140).

что мы уѣзжаемъ, и удивляются искусству Пантелеймона Александровича укладывать мебель“ [1]) и проч. Поѣздка въ Малороссію была для Кулиша источникомъ давно неиспытанныхъ любимыхъ наслажденій, которымъ онъ предавался теперь отъ всей души. Съ необыкновенной живостью и съ поэтическимъ воодушевленіемъ описываетъ онъ прелесть своей горячо любимой родины въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому: „Что за чудный климатъ въ этой сторонѣ! Здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то подобное Пушкинскому „ключу забвенія“, который... „слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ“. Ѣдешь степью, по дорогѣ, ровной какъ столъ, дышешь полной грудью, довѣрчиво дышишь... и ничего не желаешь. Вѣдь это чудное состояніе души—не желать ничего!... Ничего не помнишь, ни о чемъ не жалѣешь, чувствуешь только, что жизнь, т. е. простое ощущеніе бытія—драгоцѣннѣйшій даръ Провидѣнія, источникъ всѣхъ радостей, всѣхъ поэтическихъ движеній сердца. Это сознаешь постоянно, подъ вліяніемъ живительнаго движенія степного воздуха и полнаго произвола въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, гдѣ люди оспариваютъ другъ у друга каждый шагъ и на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ строятъ тысячи своихъ затѣй, отрекшись отъ простой природы, вытѣснивъ ее совершенно душною цивилизаціей,—человѣкъ никогда не добудетъ этого чувства изъ-подъ груды разныхъ ощущеній, бременящихъ его сердце... Петербургъ опротивѣлъ мнѣ, наконецъ, смертельно. Не умѣю вамъ разсказать, какъ я тосковалъ по своимъ густымъ широкошумнымъ деревьямъ, глядя на жидкія березы и липы, на печальныя ели петербургской природы. Зато теперь я упоенъ до пресыщенія шумомъ украинскихъ дубровъ. И нигдѣ, кажется, онѣ такъ

---

[1]) Въ слѣдующемъ году были такіе же сборы. 13 апрѣля 1853 г. Кулишъ опять писалъ Бодянскому: «Мы собираемся въ путь-дорогу съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую мебель, книги и разныя вещи.» («Кіевск. Стар.», 1897, XI, стр. 270).

не хороши, какъ въ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. Собственно городъ, т. е. главная улица въ Лубнахъ, съ базаромъ, аптекою и проч. имѣетъ пошлую наружность, но лишь своротите въ сторону, въ тѣ улицы или, лучше сказать, захолустья, съ которыми *порядокъ* не въ силахъ справиться, вамъ представляется множество самыхъ романическихъ скатовъ, съ живописными мазанками, съ природными рощами и, кажется, также природными садами, съ разнообразными тропинками, плетнями, перелазами, и все это подѣлено на такіе картинные планы, которыхъ никогда не выдумать воображенію художника. Для меня всего утѣшительнѣе здѣсь этотъ дикій безпорядокъ линіи, эта безпечная неправильная жизнь на распашку, это странное смѣшеніе грязнаго и убогаго съ роскошнымъ и блистающимъ. Кажется, эти мягкіе клены не горѣли бы такъ ярко на солнцѣ вдоль стѣны богатаго дома, какъ надъ ветхимъ корытомъ, у котораго толпятся коровы и босые, въ лохмотьяхъ, пастухи"...

Такъ живо отражается художественная натура Кулиша въ его письмахъ. Читая ихъ, не только живо и ясно представляешь себѣ описываемое, но переживаешь и впечатлѣнія, и чувства автора-художника,—до такой степени прозрачно и отрадно свѣтится въ каждомъ словѣ чистое, счастливое настроеніе его души, такъ все это согрѣто любовью и свѣтлымъ, задушевнымъ сочувствіемъ. И ко многому, что, можетъ быть, не обратило бы на себя ни малѣйшаго вниманія заурядная и болѣе равнодушнаго наблюдателя, поэтически настроенный Кулишъ относится съ живымъ участіемъ, умѣя мыслящимъ взоромъ находить достопримѣчательное въ предметахъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. По поводу какой-нибудь незначительной встрѣчи съ слѣпцомъ-нищимъ онъ въ частномъ, случайно сохранившемся письмѣ, даетъ цѣлый художественно-этнографическій очеркъ, который мы позволимъ себѣ здѣсь привести. „Устроивъ кое-какія дѣла въ Лубнахъ, пустились мы далѣе въ степи. Первый предметъ, привлекшій къ себѣ мое вниманіе на пути нашемъ, былъ нищій—слѣпецъ, просившій милостыни, сидя надъ дорогой. Здѣсь нищіе поютъ, а не говорятъ свою просьбу, и Лубенскій уѣздъ славится

трогательностью этого рода напѣвовъ. Слѣпецъ сидѣлъ подъ горою, и я, поднимаясь медленно вверхъ, долго слушалъ его стихи, направленные на чувствительность прохожихъ. Будучи горожаниномъ и человѣкомъ, что называется, цивилизованнымъ, я не вдругъ поддался его просьбѣ. Мы, жители Петербурга, нищихъ не терпимъ, и не терпимъ подѣломъ, но напѣвъ лубенскаго старца до того проникнулъ въ мое сердце, что я остановилъ лошадей на горѣ и сбѣжалъ внизъ, чтобы подать ему милостыню. Случилось, что вслѣдъ за нами ѣхали съ ярмарки нѣсколько телѣгъ. Нищій, слыша стукъ колесъ, не переставалъ напѣвать свое воззваніе къ состраданію ближнихъ, и я записалъ его вопль въ своей книжкѣ. Меня плѣнила эта естественная поэзія чувства, не прибѣгающая ни къ какимъ украшеніямъ. [1]) Нищій объясняется съ вами здѣсь благородно и убѣждаетъ васъ удѣлить ему отъ своего избытка съ такимъ достоинствомъ, какъ и тѣ люди, которые сдѣлались нищими для спасенія міра отъ пагубнаго эгоизма. По крайней мѣрѣ, я былъ пораженъ человѣчностью его плача".

Наконецъ, Кулишъ съ любовью сына Украйны описываетъ приднѣпровскую равнину: „Кругомъ пустыня и безмолвіе. Здѣсь можно задуматься глубоко—ничто не помѣшаетъ. Ѣдемъ десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ—только небо да земля. Небольшія удолья, могилы, хутора и скирды сѣна въ степи исчезаютъ въ огромныхъ размѣрахъ площади, со всѣхъ сторонъ замкнутой небосклономъ. Наконецъ, на краю горизонта, вырѣзывается разорванная гряда синихъ холмовъ. Это заднѣпровскія горы—отдаленный предѣлъ нашей поѣздки. Онѣ кажутся берегами острова, омываемаго золотисто-зеленымъ океаномъ. Съ минуты ихъ появленія перестаешь вглядываться въ пастушьи хижины, съ двумя-

---

[1]) Ср. съ этимъ впечатлѣніемъ отъ малороссійскихъ нищихъ у И. С. Аксакова («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III стр. 80: «Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непремѣнно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ и довольно пріятное»).

тремя деревьями вокругъ, въ стада овецъ, рогатаго скота и лошадей, которыя кажутся брызгами другихъ красокъ, случайно упавшими на широкіе мазки великанской кисти. Тутъ еще миніатюрнѣе дѣлаются слѣды человѣческой дѣятельности въ этомъ, можно сказать, необитаемомъ краю. Для путника, незнакомаго съ нимъ, синяя кайма горъ, выглядывающихъ изъ-за обрѣза степи, кажется великанскимъ лѣсомъ, поднявшимся внезапно на безлѣсной равнинѣ; а бывалому они напоминаютъ роскошную панораму низменной днѣпровской равнины, извивающейся вдоль огромнаго ряда горныхъ пейзажей, нежели какой существуетъ гдѣ-либо въ картинныхъ галлереяхъ. Днѣпръ для меня здѣсь кажется чѣмъ-то священнымъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство, близкое къ фетишизму".

XXIII.

Красота малороссійской природы снова пробудила въ Кулишѣ стремленіе пріобрѣсти себѣ уютный уголокъ на родинѣ. Въ бытность свою въ Тулѣ, не будучи въ состояніи слѣдить лично за ходомъ дѣлъ въ деревнѣ и опасаясь злоупотребленій, о которыхъ не разъ доносились до него слухи, Кулишъ задумалъ, такъ сказать фиктивно, продать свое имѣніе отцу своего школьнаго товарища Чуйкевича съ тѣмъ, чтобы онъ не отказался перепродать его, когда, наконецъ, будутъ возвращены изгнанникамъ ихъ гражданскія права. Подъ впечатлѣніемъ малороссійской поѣздки Кулишъ, какъ мы видѣли, уже не одобряетъ петербургской весны, похожей развѣ на малороссійскую осень; теперь онъ хвалитъ уже преимущественно тамошнюю зиму. Ему очень понравилось изящное помѣстье на Михайловой горѣ, [1]) но о покупкѣ его нечего было и думать, и пришлось, спрятавъ въ карманъ свои эстетическія увлеченія, помириться на чемъ-нибудь болѣе

---

[1]) Хуторъ М. А. Максимовича на берегу Днѣпра, въ Полт. губ., Золотонош. у.

доступномъ и скромномъ. „Жаль мнѣ Михайловой горы!“—писалъ онъ,—„но она только брала бы съ насъ деньги, а намъ ничего, кромѣ эстетическихъ впечатлѣній, не доставляла. Здѣсь же мы будемъ имѣть независимый кусокъ хлѣба. Такъ-то я, при всей привязанности ко всему изящному и поэтическому, долженъ иногда отдавать преимущество холодной разсчетливости, и хорошій черноземъ съ сѣнокосами и лѣсомъ предпочесть живописнымъ, но голоднымъ мѣстамъ. Будь у меня сто тысячъ въ карманѣ, я бы половину положилъ въ банкъ, а на другую построилъ бы себѣ на Михайловой горѣ итальянскую виллу; но, какъ такового количества денегъ, волею судебъ, въ моемъ карманѣ не обрѣтается, то я долженъ спуститься до смиреннаго пахарскаго хутора и радоваться, что могу ѣсть собственные вареники и пить собственныя наливки. Изящное же отъ насъ не уйдетъ: мы его отыщемъ и за тридевять земель и возьмемъ съ него свою взятку, какъ пчела съ цвѣтка“.

За покупкой земли послѣдовали заботы о покупкѣ домика и о возможности зимою дѣлать наѣзды въ Мотроновку. Впрочемъ и Мотроновкой Кулишъ былъ уже доволенъ: „оставивъ Мотроновку, я какъ будто оставилъ какой-то рай. Она полна блаженствомъ беззаботности, и окрестности ея не имѣютъ ничего себѣ подобнаго“. Здѣсь съ тѣхъ поръ Кулишъ считалъ свою главную осѣдлость, а пока оставались тамъ теща Кулиша и Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, недавно переселившійся туда изъ Петербурга.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кулишъ, «безъ всякихъ контраверсій раздѣлался передъ начальствомъ за свою просрочку» и снова погрузился въ дѣятельную жизнь.

Изъ поѣздки на родину Кулишъ возвратился раньше жены, которая осталась у матери до зимы, и по обыкновенію вскорѣ сильно соскучился по ней, а къ концу своей разлуки съ ней сталъ ждать ее съ такимъ нетерпѣніемъ, что рѣшилъ никогда съ ней больше не разставаться. «Но вотъ»—писалъ онъ тещѣ, „не сегодня—такъ завтра она засіяетъ въ моей квартирѣ, которая безъ нея кажется тюрьмою. А убралъ я наше новое жи-

лище очаровательно. Каждая вещь уже на своемъ мѣстѣ. Разные хозяйственные запасы, какъ-то: сахаръ, рисъ, пряные коренья, а также и дамскія бездѣлушки закуплены, такъ что кажется, будто хозяйка отлучалась только на одинъ часъ изъ дому и вотъ-вотъ позвонитъ на лѣстницѣ въ колокольчикъ. Но проходятъ часы за часами и дни за днями, она до сихъ поръ не звонитъ, моя милая барышня" (такъ любилъ Кулишъ называть свою жену въ воспоминаніе перваго знакомства съ ней). „Я сижу безвыходно дома въ надеждѣ, что съ каждымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ прилетитъ и она на огненной кобылицѣ, а ея нѣтъ и нѣтъ! Сколько экипажей, сколько санокъ проѣзжаетъ мимо моихъ оконъ по Большой Морской, и ни одни глаза не устремляются съ любящимъ нетерпѣніемъ въ домъ Елисеева! Кому какая надобность, что здѣсь человѣкъ по цѣлымъ часамъ смотритъ въ окна и подъ каждою шляпой старается еще узнать черты Мотроновской барышни"!

Кулишъ попрежнему продолжалъ свою службу въ комитетѣ и сверхъ того предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежали разныя компиляціи изъ книгъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и польскихъ, при чемъ самою замѣчательною нельзя не считать его „Исторію Испанской литературы". Испанскимъ языкомъ онъ занимался особенно въ Петербургѣ уже въ 1851 г. и тогда же сталъ изучать испанскую литературу, начавъ съ „Донъ-Кихота", и читать испанскія историческія сочиненія. „Но практическаго приложенія изъ своего язычества",—писалъ онъ въ 1852 г. Бодянскому, „я еще не сдѣлалъ... При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ". [1]) Но не одно это практическое соображеніе руководило здѣсь Кулишемъ, какъ видно изъ того, что непосредственно послѣ этихъ строкъ Кулишъ просилъ Бодянскаго отрекомендовать его въ ученики

[1]) «Кіевск. Стар.» 1897, XI, стр. 263.

по древнимъ языкамъ возвращавшемуся тогда въ Петербургъ изъ временной отлучки профессору Коссовичу и извѣщалъ уже о сдѣланныхъ имъ успѣхахъ въ изученіи классическаго міра.

Кромѣ того, онъ много переводилъ съ тѣхъ же названныхъ иностранныхъ языковъ. Будучи доволенъ своими дѣлами и пріисканіемъ новой удачной квартиры, Кулишъ сообщаетъ одному изъ родственниковъ: „Слава Богу, все идетъ покамѣстъ успѣшно. Что касается до кабинетной части, то здѣсь я самъ и ѣздокъ, и станціонный смотритель; остановки у меня не бываетъ, и я пробѣгаю въ сутки такое пространство, какое самъ себѣ предначертаю. Дѣло идетъ у меня живо, и вы скоро будете имѣть вѣсти о моихъ новыхъ трудахъ". Къ этимъ трудамъ, какъ потомъ оказалось, принадлежали дѣйствительно капитальныя работы Кулиша: „Записки о южной Руси" и „Опытъ біографіи Гоголя". „Очаровательный Петербургъ"!—продолжаетъ Кулишъ—„сколько здѣсь для всего находишь времени! какою чудною силою наэлектризованъ здѣсь человѣкъ! Какъ вѣрно исполняются разсчеты на возможное въ нашихъ обстоятельствахъ! Если-бы мнѣ какъ-нибудь поладить съ его климатомъ, то я бы никогда не разстался съ нимъ навѣки. Даже мои сдѣлали слѣдующее весьма справедливое замѣчаніе,—что здѣсь трудишься изо всѣхъ силъ и чувствуешь себя совершенно спокойнымъ и довольнымъ; а въ Малороссіи сидишь сложа руки, лѣнишься, сколько душѣ угодно, не заботишься ни о чемъ, и часто мучишься или досадою, или скукою, или недовольствомъ и собой, и людьми. Мы рѣшились ограничить кругъ своихъ знакомыхъ, но бывать регулярно у нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы не отставать отъ свѣта и его требованій".

12 марта 1853 года Кулишъ писалъ тещѣ изъ Петербурга, что по пріѣздѣ въ Малороссію онъ непремѣнно отправится на берегъ Днѣпра и устроитъ тамъ себѣ помѣщеніе, а потомъ заѣдетъ за женой и вмѣстѣ будутъ наблюдать за постройкой домика. Для этой цѣли онъ досталъ у знакомыхъ прекрасный планъ дома, но вмѣсто фантастическаго домика на Днѣпрѣ пришлось

строиться въ Баивщинѣ у М. Т. Симонова, гдѣ потомъ онъ нерѣдко проводилъ лѣто. [1])

XXIV.

Въ это время Кулишъ усиленно трудился надъ разыскиваніемъ и собираніемъ писемъ Гоголя для составленія его біографіи. Ему нетрудно было получить ихъ отъ Плетнева, Н. Д. Бѣлозерскаго [2]) и нѣкоторыхъ другихъ своихъ друзей, но затѣмъ предстояло завязывать новыя знакомства и отношенія, добиваться рекомендацій, вступать въ переписку со многими незнакомыми лицами. Здѣсь, разумѣется, его ожидало также немало трудностей и разочарованій: надо было преодолѣть недовѣрчивость или просто нежеланіе дѣлиться драгоцѣнными матеріалами. Между прочимъ Кулишъ употреблялъ для достиженія своей цѣли слѣдующій пріемъ, имѣвшій обыкновенно большой успѣхъ. Заручившись коллекціею въ количествѣ трехъ или четырехъ десятковъ писемъ, онъ охотно сообщалъ ихъ въ копіяхъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ Гоголя, а равно передавалъ и свои разнообразныя, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ данныя и взамѣнъ получалъ подлинники или копіи писемъ Гоголя къ этимъ именно лицамъ. „У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя,“ писалъ онъ Бодянскому,—„которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копіи онаго господамъ Аксаковымъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ моей рукописи дополнятъ и исправятъ“. [3]) Кулишъ ожидалъ при этомъ дружескаго содѣйствія въ сношеніяхъ съ Аксаковыми отъ Бодян-

[1]) По словамъ галицкаго журнала «Правда», на эту покупку Кулишу далъ денегъ П. А. Плетневъ (1868, стр. 311).

[2]) Н. Д. Бѣлозерскій зналъ Гоголя, когда послѣдній еще учился въ Нѣжинѣ.

[3]) „Кіевская Старина“, 1897, XII, 450.

скаго. Но Бодянскій, почему-то съ нѣкотораго времени начавшій тяготиться порученіями и просьбами Кулиша, кажется, и на этотъ разъ пробовалъ отговориться, ссылаясь на свое несогласіе съ проектомъ, выраженнымъ въ письмѣ Кулиша. Можетъ быть, онъ потому относился теперь холодно къ желаніямъ Кулиша, что послѣдній, строго сохраняя свое литературное инкогнито, хлопоталъ не за себя лично, а за другое, неизвѣстное Бодянскому, лицо, именно за Николая Як. Макарова. [1]) Кулишъ, однако, слишкомъ большую цѣну придавалъ занимавшему его литературному дѣлу и рѣшился парировать возраженія: „Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ!—буду бесѣдовать съ вами о томъ, что̀ важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ онымъ копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза можетъ быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу у нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви". [2]) Въ концѣ концовъ, Кулишу удалось устроиться помимо Бодянскаго, и тогда онъ извѣщалъ его объ успѣхѣ своего дѣла. [3]) Въ дѣйствительности, Аксаковы отнеслись къ Кулишу съ самымъ теплымъ доброжелательствомъ и осыпали похвалами его трудъ. Мрачныя предсказанія Бодянскаго оказались не имѣющими ни малѣйшаго основанія. При личномъ свиданіи Кулишъ вынесъ такое отрадное впечатлѣніе отъ личности С. Т.

---

[1]) Именемъ послѣдняго Кулишъ пользовался для того, чтобы въ случаѣ какихъ-нибудь оффиціальныхъ запросовъ, Макаровъ могъ принять на себя номинальное авторство.

[2]) Тамъ же, стр. 450—451.

[3]) Въ подобныхъ случаяхъ Кулишъ умѣлъ тонко дать почувствовать свое недовольство. Однажды онъ писалъ Бодянскому: „Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается, подобно эѳирному маслу, а съ вашими существенными выгодами". („Кіевская Старина", 1897, XII, 449).

Аксакова и его сыновей, что всегда потомъ вспоминалъ съ удовольствіемъ о немъ и его семействѣ; о первомъ же, въ одномъ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому онъ сказалъ впослѣдствіи, что онъ былъ „чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предпріимчивости". [1]) Кромѣ своей общей симпатичности, С. Т. Аксаковъ привлекъ къ себѣ сердце Кулиша еще особенно тѣмъ, что онъ былъ прекраснымъ знатокомъ украинскихъ пѣсенъ и часто просилъ мадамъ Кулишъ пѣть пѣсни „по дивочому", а потомъ „по старушечьи." Въ большомъ восторгѣ былъ также Кулишъ и отъ сыновей Аксакова, особенно отъ „Консты", т. е. Константина Сергѣевича.

Кулишъ горячо сочувствовалъ литературнымъ успѣхамъ всѣхъ Аксаковыхъ, но особенно наиболѣе любимаго имъ Сергѣя Тимофѣевича. „А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть!"—писалъ Кулишъ о „Семейной Хроникѣ" и „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука": „Это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительнѣе всякихъ диссертацій. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю, но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія". [2]) Впрочемъ, Аксаковъ еще въ рукописи читалъ Кулишу отрывки изъ „Семейной Хроники". Въ одномъ письмѣ Кулишъ такъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ чтеніемъ: „Чытавъ намъ винъ дальше свою хронику. Славно, дуже гарно! Нарошне для мене чытавъ, и зибралось людей чымало: Хомяковъ и вся братія. Тамъ така дытына, що и выдно вже, що буде Богомъ! [3]) Гарно, дуже гарно". Также Галагану Кулишъ писалъ: „Ста-

[1]) „Русское Обозрѣніе", 1897, III, стр. 202.

[2]) Кіевская Старина, 1898, IV, стр. 112.

[3]) Въ письмахъ Кулишъ очень часто величаетъ С. Аксакова *богомъ*.

рикъ Аксаковъ читалъ намъ новую свою хронику, почавшы одъ самого малечку. Дуже гарна и проч. [1]).

Въ большой дружбѣ былъ также Кулишъ въ началѣ и съ И. С. Аксаковымъ, который, впрочемъ, громилъ его впослѣдствіи въ своей газетѣ не хуже Каткова. Напротивъ, въ болѣе ранніе годы, во времена ихъ взаимнаго расположенія и согласія, они во многомъ сходились и особенно въ общей имъ обоимъ симпатіи къ Малороссіи. „Прыйшовъ Иванъ Аксаковъ"—разсказывалъ однажды Кулишъ—„и розмовлявъ зо мною розумно про Малороссію. Винъ же самъ ін изйиздывъ, то й дывуется теперъ, якъ тамъ, чы панокъ, чы мищанынъ, чы козакъ тамошній чуе себе ривно чоловикомъ. Не выдно такъ, якъ у Россіи, що се купець, а се мищанынъ. Comme il faut прыстало въ насъ до всякои шляхетноурожденноі людыны; и купецькіи комедіи Островського трудно зрозумиты украинцеви; бо нашъ купець не одособывсь такъ одъ нашыхъ панивъ, якъ великоруськый. И багато де-чого говорылы мы до своеи любосты про Малороссію. Шкода, що тебе тутъ не було. Иванъ не завсигда розговорытся".

XXV.

„Опытъ біографіи Н. В. Гоголя" вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими работами, какъ напр., повѣстью „Лѣто въ Малороссіи", Кулишъ передалъ въ „Современникъ", [2]) можетъ быть, въ виду своихъ прежнихъ отношеній къ этой редакціи [3]), но потомъ онъ

---

[1]) Кіевск. Стар., 1899, IX, стр. 350.

[2]) Въ пятидесятыхъ годахъ Кулишъ пользовался большимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ; его труды (подъ псевдонимомъ Н. М.) охотно печатались тогда въ журналахъ. О повѣсти «Лѣто въ Малороссіи» въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому см. «Кіевская Старина», 1898, XII, 350.

[3]) Рукопись труда Кулиша о Гоголѣ была потребована имъ для передачи въ «Сынъ Отечества», но его упросили оставить ее въ ре-

рѣзко разошелся съ „Современникомъ“ и питалъ сильное предубѣжденіе къ журналу до самой смерти, какъ это видно изъ напечатанной незадолго до его кончины въ „Русскомъ Обозрѣніи“ повѣсти „Омутъ“, гдѣ въ самомъ нелестномъ свѣтѣ выставлены руководители „Современника“ въ 60-хъ годахъ, Панаевъ и Некрасовъ. Но досада на „Современникъ“ начинается уже съ первой половины пятидесятыхъ годовъ, когда Кулишъ заправилъ редакціей называлъ „повѣсами“—еще до того, какъ прервалъ съ ними сношенія.

Продолжая свои хлопоты по собиранію писемъ Гоголя, Кулишъ нашелъ дорогу къ семейству великаго писателя, съ которымъ потомъ дружески сошелся. „Высоцкій сообщилъ живыя воспоминанія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Кулиша. „Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границей, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи“.[1]) Въ опечатанномъ въ Москвѣ по смерти Гоголя шкапу нашлись клочки изорванной рукописи, оказавшіеся уничтоженнымъ отвѣтнымъ письмомъ Гоголя Бѣлинскому, выдержки аттестацій Гоголя въ школьное время, сдѣланныхъ въ классныхъ журналахъ его наставниками. Мать Гоголя прислала нѣкоторые рукописные отрывки изъ повѣстей Гоголя и познакомила съ комедіями отца писателя. Кромѣ того, имъ была получена масса писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю и „26 большихъ писемъ въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою

дакціи «Современника», предложивъ ему 1000 руб. См. также враждебный отзывъ Кулиша о Некрасовѣ въ «Кіевск. Стар.» 1899, IX, стр. 342 и 1899,—стр. 97.

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ говоритъ: «Я, кажется, просилъ васъ послать копію записокъ Гоголихи къ старику Аксакову». Когда онѣ были получены Аксаковымъ, онѣ привели его въ такой восторгъ, что онъ сказалъ по словамъ Кулиша: «Ни одинъ изъ великихъ писателей не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти простыя, безыскусственныя, даже иногда неправильно написанныя задушевныя записки».

имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца". [1]) Дама эта была А. О. Смирнова.

Послѣ каждаго успѣха значительно облегчались хлопоты по собиранію писемъ Гоголя. Такъ, однажды Кулишъ сообщалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Погодинъ сообщилъ мнѣ часть писемъ къ нему Гоголя, а остальныя, по мѣрѣ переписки, обѣщалъ прислать. Вызывается даже написать записки. Я особенно расположилъ его къ себѣ (но это послѣ сообщенія первыхъ писемъ, чего я не ожидалъ, несмотря на его обѣщанія), подаривъ ему памятникъ плутовства Панаева: „Дѣтство и первые годы юности Вальтеръ-Скота, представленныя по отношенію ихъ къ литературной его дѣятельности".

Надо прибавить, что всѣ эти занятія не исключали также заботъ надъ лѣтописью Грабянки и вообще другими, всегда интересовавшими Кулиша предметами.

XXVI.

Лѣтомъ 1854 года Кулишъ ѣздилъ въ Малороссію, жилъ въ Зарогѣ, Мотроновкѣ, Баивщинѣ, при чемъ много времени провелъ съ своимъ другомъ Ник. Даниловичемъ Бѣлозерскимъ, которому онъ потомъ въ память совмѣстнаго пребыванія въ Малороссіи подарилъ экземпляръ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя", когда онъ вышелъ отдѣльной книгой по отпечатаніи въ „Современникѣ." [2]) Такимъ образомъ, мы имѣемъ ясное доказательство,

---

[1]) «Кіевск. Стар.», 1897, XII, 459.

[2]) Въ этотъ экземпляръ во многихъ мѣстахъ были вклеены исписанныя краснымъ почеркомъ Кулиша листки почтовой бумаги, на которыхъ были новыя замѣтки и выписки изъ новыхъ добытыхъ писемъ. Такъ поступалъ обыкновенно Кулишъ при передѣлкахъ и расширеніи своихъ литературныхъ работъ, и одинъ совершенно сходный экземпляръ, какъ намъ извѣстно, сохраняется въ библіотекѣ Духовной академіи въ Сергіевскомъ посадѣ.

что въ эту пору Кулишъ исправно продолжалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, собираніе документовъ, относящихся къ жизни Гоголя.

Лѣтомъ въ Малороссіи Кулишъ попробовалъ заняться хозяйствомъ и, несмотря на разносторонность своихъ дарованій, съ трудомъ справлялся съ непривычными заботами, хотя не только пріостановилъ для нихъ всякую литературную работу, но даже не находилъ времени приняться за корреспонденцію. „Хуторская жизнь"—жаловался онъ—„своею грубою простотою, своими нестройными явленіями, своими безконечными заботами располагаетъ къ письменному бездѣйствію. Иногда я отдыхаю лежа отъ ходьбы или физическихъ трудовъ и мечтаю, какъ я сяду за письма, какъ я разложу передъ собой бумагу, какъ открою чернильницу,—самое содержаніе писемъ снуется въ моемъ умѣ; а наступитъ время исполнить мечту на дѣлѣ, такъ и норовишь заняться чѣмъ-нибудь другимъ, лукавишь предъ самимъ собой и съ наслажденіемъ откладываешь письма на неопредѣленный срокъ. „Будетъ еще время! еще успѣю!—напишу послѣ", это любимыя фразы въ головѣ хуторянина. Не знаю, такъ ли оно будетъ, когда дѣла мои придутъ въ порядокъ и когда у меня будетъ кабинетъ; но теперь я никуда не гожусь по литературной части. Зато какой изъ меня вышелъ хозяинъ—такъ мое почтеніе! Но какъ самому себя хвалить не пристало, то я скажу только одно: мнѣ казалось, что стоитъ только повелѣть—создастся; а на дѣлѣ я вижу, что создать хозяйство съ маленькими средствами есть дѣло однихъ хозяйственныхъ геніевъ. Тутъ, сударь мой, нужны всѣ способности человѣческія а выше всѣхъ ихъ поставлены терпѣніе и постоянство."

Но въ то же самое лѣто Кулишъ прогостилъ нѣкоторое время у родныхъ Гоголя въ Яновщинѣ или Васильевкѣ. [1]) Здѣсь

---

[1]) «Стара Гоголиха» —говоритъ Кулишъ «и ii дочкы—прелюбезни люде» („Кіевск. Стар.", 1898, II, стр. 307). Въ Васильевкѣ Кулишъ бывалъ и позднѣе и живалъ по нѣскольку мѣсяцевъ; такъ, онъ былъ тамъ въ 1860 г. (см. „Кіевск. Стар.", 1898, II, 239).

онъ получилъ много новыхъ матеріаловъ, а равно и писемъ отъ разныхъ близкихъ къ Гоголю лицъ изъ обѣихъ столицъ, и въ силу сдѣланной жатвы, ему вновь предстояло много спѣшнаго и напряженнаго труда.[1] „Матеріалы, собранные мною въ Яновщинѣ“—писалъ онъ Л. М. Жемчужникову—„и полученные мною изъ Петербурга и Москвы здѣсь, такъ объемисты, что если я не посижу на мѣстѣ за работой цѣлаго мѣсяца, то у меня не будетъ въ эту зиму сдѣлано дѣло“. А между тѣмъ около того же самаго времени, какъ онъ писалъ Бодянскому, судьба послала ему Новгородсѣверскую лѣтопись, исторію о Варлаамѣ и Іосафѣ, „Мессію“ Галятовскаго, „Дѣянія и посланія Апостоловъ“ и 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣщалъ того же Бодянскаго, что „Николай М. приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей.[2] Чтобы понять такую необыкновенно оживленную и плодотворную дѣятельность, слѣдуетъ имѣть въ виду относительную свободу Кулиша, не обремененнаго, подобно Бодянскому, университетской каѳедрой, по необходимости налагающей множество сложныхъ, многотрудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Между тѣмъ Кулишъ, довольный своимъ успѣхомъ, подшучиваетъ надъ медлительностью Бодянскаго,[3] занятаго своей каѳедрой и редактированіемъ

[1] Впослѣдствіи всѣ эти матеріалы и состоявшійся на основаніи ихъ біографическій трудъ были Кулишемъ прочитаны какъ Аксаковымъ, такъ и Плетневу.

[2] „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 462—463.

[3] Тамъ же, 484. Надо замѣтить при этомъ, что Кулишъ, ободренный достигнутыми имъ въ короткое время успѣшными результатами, возлагалъ, кромѣ того, вообще широкія надежды на будущее. Такъ, „Этнографическія Записки о южной Руси“, переименованныя потомъ просто въ „Записки о южной Руси“, онъ предполагалъ выпустить въ гораздо большемъ числѣ томовъ, при чемъ думалъ помѣстить здѣсь также матеріалы, собранные Костомаровымъ и В. В. Тарновскимъ. (См. Кіевская Стар. 1898, XII, 357).

„Чтеній“. Кулишъ писалъ ему по поводу Николая М, что давно бы слѣдовало ему заняться изданіемъ сборника, „чтобы оживить и расшевелить изслѣдователей Малороссіи; но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуетъ еще одиннадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло, дѣйствительно, на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано,—разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и вы пожалуйста не покивайте головою, что человѣкъ, не подождавши васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ“. А въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: „Напишите, не думаете ли вы соперничать въ быстротѣ своихъ намѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертіе мѣшкотностью. Однимъ словомъ, я хочу знать, что вы думаете объ изданіи своихъ писемъ, и есть ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или уже прочитаемъ на томъ“.[1])

Все это было очень неловко въ отношеніи къ Бодянскому и возбудило въ немъ чувство недовольства. Тонъ его писемъ рѣзко и внезапно перемѣнился. Бодянскій не вытерпѣлъ, между прочимъ, чтобы не сказать Кулишу, что ему „везетъ“, на что Кулишъ, въ свою очередь, имѣлъ полное право отвѣтить ему такъ: „*Я* долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“;[2]) и наконецъ Бодянскій самымъ откровеннѣйшимъ образомъ заявилъ Кулишу, что онъ его „задираетъ“, и „осыпалъ его самыми грубыми насмѣшками“.[3]) Кулишъ, въ свою очередь, отвѣтилъ ему: „Если бы безкорыстныя побужденія и показались вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности вы не

---

[1]) См. «Кіевск. Стар.», 1897, XII, стр. 462—463.

[2]) См. „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 464.

[3]) Тамъ же, стр. 465.

должны были такъ грубо надо мной смѣяться", и далѣе: „вы для меня, во первыхъ, Осипъ Максимовичъ, а во вторыхъ— Бодянскій: видя ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и ваши заслуги литературныя и ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить васъ: я знаю вамъ цѣну, независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у васъ явились такія фразы: „И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо!—сознайтесь хоть передъ самимъ собой". [1])

Но хуже было то, что Бодянскій, раздосадованный Кулишемъ, заслужилъ со стороны послѣдняго слѣдующій упрекъ: „Я подарилъ вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣну; одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и вы имѣете безстыдство отвѣчать мнѣ: „что съ возу упало, то пропало". Покажите эти строки кому угодно изъ нашихъ общихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали, искренно: имѣю ли я право назвать вашъ отвѣтъ безстыднымъ?" Кулишъ предложилъ Бодянскому даже уступить ему свое право на изданіе пѣсенъ, такъ, чтобы его собственное имя стояло только въ числѣ сотрудниковъ и собирателей, ничѣмъ не выдѣляясь, а заканчивался бы списокъ словами: „изданныя О. Бодянскимъ", и даже хотѣлъ достать деньги для этого предпріятія, „но вы"—говорилъ онъ—„не дадите мнѣ и понюхать вашего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть въ рукахъ сперва все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ, и потомъ печатай и пишись издателемъ кто угодно. Деньги для изданія Кулишъ надѣялся получить отъ Галагана, но, на бѣду, Бодянскому сдѣлалось какъ-то извѣстно, что Галаганъ назвалъ его въ письмѣ къ Кулишу „крутенькимъ", [2]) и Кулишъ послѣ даже вынужденъ былъ

[1]) Тамъ же.

[2]) Съ самимъ Галаганомъ добрыя отношенія потомъ также пошатнулись у Кулиша. (См. Кіевск. Стар. 1899, Ш, 319).

прислать касавшуюся его выдержку въ письмѣ Галагана, заключавшую въ себѣ буквально лишь слѣдующія слова: „Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете, трошки крутенький, то Богъ знае, чи погодится винъ на яке-небудь дило". Результатъ былъ тотъ, что Бодянскій отказался отъ участія въ изданіи сборника. Кулишъ возражалъ ему: „вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ! Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для нашего изданія ищутъ другіе, то вы не въ правѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то вы тутъ нисколько не будете мнѣ обязаны". [1]) Въ числѣ предлагавшихъ деньги на изданіе пѣсенъ былъ, кромѣ Галагана, В. В. Тарновскій (бывшій нѣкогда товарищемъ Гоголя и извѣстный своей почтенной дѣятельностью въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ), и нѣкоторые другіе.

XXVII.

Между тѣмъ по дѣлу о сборникѣ украинскихъ пѣсенъ Кулишъ постоянно продолжалъ свои сношенія съ малорусскими этнографами: братомъ своей жены Н. М. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ; съ послѣднимъ онъ даже дѣлилъ трудъ самаго собиранія и записыванія ихъ. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ Кулиша подталкивать и подогрѣвать энергію своихъ сотрудниковъ, было между прочимъ то обстоятельство, что ему хотѣлось выпустить свой сборникъ раньше сборника пѣсенъ давно уже нелюбимаго имъ Срезневскаго, хотя это личное предубѣжденіе вскорѣ уступило мѣсто желанію видѣть пѣсни, не попавшія въ

---

[1]) Тамъ же 1899, XII, стр. 467.

особый сборникъ, напечатанными подъ вѣдѣніемъ хотя бы Срезневскаго въ „Академическихъ извѣстіяхъ“, но въ исправномъ и вполнѣ приличномъ видѣ. Впрочемъ, и самое мнѣніе Кулиша о Срезневскомъ, по извѣстнымъ намъ, но во всякомъ случаѣ, надо полагать, въ виду крупныхъ научныхъ заслугъ послѣдняго, не особенно уважительнымъ причинамъ, поколебалось, такъ что уже Кулишъ уговаривалъ Н. М. Бѣлозерскаго не быть опрометчивымъ въ сужденіяхъ: „Надобно узнать сперва всѣ обстоятельства, а потомъ уже судить, да и то оглядываясь. У меня много горестныхъ замѣтокъ въ душѣ по случаю скораго осужденія ближнаго. Я думаю, что онъ [1]) не только правъ, но чуть не святъ. Соберите всѣ факты, и тогда увидите, кто изъ насъ ближе къ истинѣ“. Это было именно нетерпѣніе видѣть въ печати пѣсни никакъ не ради личнаго интереса, а ради науки, что̀ доказывается между прочимъ сообщеніемъ Н. М. Бѣлозерскому въ томъ же письѣ, что „думы, напечатанныя у Метлинскаго, были уже доставляемы ему Кулишемъ“. Послѣдній былъ нѣсколько недоволенъ передачей ихъ Метлинскому, „но я“—говорилъ онъ—„съ досады, что никто не издаетъ, готовъ былъ отдать ихъ для напечатанія чорту или, что̀ все равно, Срезневскому“. Кулишъ лично трудился совмѣстно съ Н. М. Бѣлозерскимъ, но относился къ нему, какъ руководитель, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Указывая на свою страсть къ чтенію и къ ручнымъ механическимъ работамъ, онъ рекомендовалъ тѣ или другія своему пріятелю: онъ совѣтовалъ ему ради его будущности заниматься изученіемъ иностранныхъ языковъ, чему, какъ извѣстно, самъ всегда придавалъ большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ; ему же онъ хотѣлъ, хотя и безуспѣшно, передать оставленную еще въ 1858 г. должность редактора статистическаго комитета, наконецъ поощрялъ его къ составленію записокъ, даже совѣтовалъ для этого̀ ему

---

[1]) Срезневскій. Объ отношеніяхъ Кулиша къ Срезневскому см. также «Кіевск. Стар.», 1899, II, 287, 281, 293; 1897, X, 45 и проч.

извѣстный планъ и пріемы, стараясь вообще пробудить его литературныя наклонности, тогда какъ Н. М. Бѣлозерскій тратилъ свои умственныя силы на неблагодарное дѣло редактированія губернскихъ вѣдомостей. Ему же онъ хвалилъ свои столярныя работы: „Сдѣлалъ я для Саши шкатулку изъ кусковъ краснаго дерева, которое оставалось еще отъ тульскихъ работъ. Жаль, что вы безъ руки: механическіе труды заостряютъ аппетитъ къ умственнымъ, и тотъ еще не вполнѣ человѣкъ, кто годится только для грамотнаго общества. Надобно умѣть что-нибудь такое, что было бы интересно и для самаго темнаго люда. Вообразите, напримѣръ, что вы очутились между такимъ народомъ, которому нѣтъ никакой надобности до вашихъ свѣдѣній. Чѣмъ вы купите у него независимость положенія? Вы поневолѣ будете тунеядцемъ, а я не буду“. Но выхлопотать для Ник. Мих. оставляемое мѣсто ему не удалось, и вотъ по какимъ причинамъ: „Знакомства мои вовсе не таковы, чтобъ могли доставить кому-нибудь мѣсто: со мной знаются люди ученые или артисты, которые на службѣ такъ-же мало значатъ, какъ я и самъ; если же я и принятъ гдѣ-нибудь въ высокопревосходительномъ или сіятельномъ домѣ, то это еще не значитъ, что я могу протежировать другихъ въ этихъ домахъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что мнѣ самому не даютъ до сихъ поръ такое мѣсто, которое бы привязало меня къ Петербургу; ласковое слово и пожатіе руки не приносятъ намъ въ столицѣ никакой пользы и могутъ обманывать надеждою только самыхъ неопытныхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Кулишу давно пришлось убѣдиться, что и собственное его положеніе было крайне непрочно. Когда онъ былъ представленъ къ чину, то, по донесеніямъ Третьяго Отдѣленія, императоръ Николай собственноручно начерталъ: „Не производить“. При тогдашнемъ значеніи чиновъ, Кулишъ не хотѣлъ помириться съ отказомъ и рѣшилъ просить директора статистическаго отдѣленія заступиться за него. „Вамъ навредило Третье Отдѣленіе“—отвѣчалъ директоръ,—„его и просите поправить дѣло“.— Въ Третьемъ отдѣленіи затребовали одобрительнаго

отзыва о службѣ, который и былъ безпрепятственно данъ, но все-таки изъ этого дѣла, конечно, ничего не вышло, кромѣ того, что въ Третьемъ Отдѣленіи начальнику Кулиша сказали: „мы не знали, что онъ вашъ protegé".

Эту независимость Кулиша, какъ человѣка свободной профессіи уже по самой натурѣ, необходимо имѣть въ виду, для того, чтобы понять и его быстрое охлажденіе къ Петербургу, гнѣзду чиновничества, и его практическую неспособность пристраиваться къ теплымъ мѣстечкамъ и административнымъ пирогамъ. Теперь, сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ, онъ стремится въ Кіевъ и снова погружается въ интересы украинскаго міра. До какой степени неудержимо влекло тогда Кулиша въ Малороссію, мы видимъ изъ одного письма его къ И. С. Аксакову, который вмѣстѣ съ остальными членами своей семьи настойчиво приглашалъ его въ свою подмосковную. Несмотря на сильную любовь къ Аксаковымъ, Кулишъ отговаривался самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на то, что „съ того времени, какъ его опредѣлили въ уѣздное училище для вытверживанія учебниковъ, изданныхъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, „а было мнѣ тогда"—продолжаетъ Кулишъ—„лѣтъ яко же седмь"—я не видѣлъ ни одинъ разъ малороссійской весны... О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда что-нибудь мѣшало. Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые разсчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если-бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и земли".

Одно время въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ Кулишъ говорилъ, что онъ предполагалъ чередовать хуторскую жизнь съ столичною. „Зачѣмъ это мнѣ нужно?" спрашивалъ онъ самъ себя: „Мудрено объяснить. Можетъ быть потому, что хочется видѣть свѣтъ послѣ уединенныхъ трудовъ; можетъ быть потому,

что я не могу удовлетвориться скромною деревенскою жизнью и желаю хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ году раздѣлять удовольствія, въ родѣ литературныхъ и ученыхъ новостей; а, можетъ быть, просто потому, что отъ поѣздокъ я ничего не теряю въ денежномъ отношеніи, а пожалуй, еще выигрываю".

Отсутствіе опредѣленныхъ обязательныхъ и служебныхъ занятій даетъ ему эту возможность, а наступленіе новой политической эры съ воцареніемъ императора Александра II, открывъ широкій горизонтъ всѣмъ мыслящимъ людямъ, какъ бы сразу придала крылья тѣмъ, кому природа даровала силы для орлинаго полета.

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Крестьяне и крестьянская реформа въ восточной Австріи.

(*Продолженіе* [1]).

I.

Крестьянская реформа въ Буковинѣ.

Мы разсмотрѣли только одну сторону отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, лишь одни личныя отношенія между ними, выражавшіяся въ платежахъ и повинностяхъ. Намъ остается ознакомиться еще и съ поземельными порядками, какъ они выработались въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, съ отношеніями крестьянъ къ землѣ.

Въ какихъ отношеніяхъ находились крестьяне Буковины къ той землѣ, на которой они сидѣли, существовала ли или нѣтъ какія либо права ихъ на владѣніе этой землей? Вопросы эти, какъ мы видѣли, рѣшались и авторомъ брошюры 1848 г., и затѣмъ Kaindl'емъ въ томъ смыслѣ, что буковинскіе крестьяне

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 3.

не имѣли никакихъ правъ на свои надѣлы, что въ Буковинѣ вовсе и не существовало права крестьянскаго владѣнія, что крестьяне были не болѣе, какъ временными съемщиками, простыми арендаторами владѣльческихъ земель. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такая ихъ точка зрѣнія на земельные буковинскіе порядки вполнѣ справедлива. Она подтверждается, повидимому, нѣкоторыми изъ австрійскихъ коммиссаровъ, посланныхъ въ Буковину въ первое время ея присоединенія къ Австріи, такъ и извѣстнымъ намъ Бальшемъ. Буквально тѣже выраженія, какія приходится читать въ почти современныхъ буковинскимъ донесеніяхъ 1767—1768 гг., представленныхъ генералъ-губернатору Малороссіи, графу Румянцеву, по поводу землевладѣнія козаковъ цѣлаго ряда селеній Переяславскаго полка, повторяются и въ донесеніяхъ австрійскихъ коммиссаровъ. „У козаковъ нѣякой собственной, имъ лично принадлежащей земли не имѣется“,—гласятъ рапорты Румянцеву. И тоже говоритъ и коммиссаръ Сплени въ 1775 г.: „у крестьянина Буковины нѣтъ никакой собственности“. [1]) „Во всей Буковинѣ нѣтъ ни одного крестьянина, который могъ бы считать пядь земли своей собственностью“, повторяетъ вслѣдъ за Сплени Енценбергъ въ 1779 г. [2]) А Бальшъ съ полнымъ апломбомъ завѣряетъ австрійское правительство, что все имущество крестьянина „заключается въ скотѣ и только въ одномъ скотѣ, я хочу сказать, въ одной движимости“.

Но все это и многое другое въ томъ же родѣ является аргументами для теоріи Кайндля только повидимому. Въ тѣхъ же донесеніяхъ, какъ, въ особенности, въ донесеніяхъ австрійскихъ коммиссаровъ и конца XVIII, и начала XIX в., мы наталкиваемся на рядъ такихъ чертъ землевладѣнія буковинскихъ крестьянъ, которыя совершенно противорѣчатъ теоріи временно-арендаго характера крестьянскихъ держаній въ Буковинѣ. Уже Сплени, напр., въ своемъ донесеніи 1775 года отмѣчаетъ такой

---

[1]) Донесеніе Splény, у Polek, 65.

[2]) Донесеніе Enzenberg'a, у Zieglauer'a, Bilder, 1, 17.

фактъ, какъ тотъ, что „владѣльцы *обязаны отводить крестьянамъ столько земли, сколько то необходимо* и для содержанія крестьянскаго скота, и для нуждъ ихъ земледѣлія“ [1]). А Енценбергъ пишетъ, что въ молдавскій періодъ князья (господари), для поддержки земледѣлія, разрѣшали крестьянамъ владѣть вѣчно „разробленными“ ими участками земли. [2]) Если мы прибавимъ то, что сообщаютъ намъ нѣкоторые изъ австрійскихъ коммиссаровъ о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, то увидимъ и новыя еще черты. „Обыкновенно,—такъ пишутъ австрійскіе коммиссары, посѣщавшіе Буковину въ періодъ времени съ 1787 и 1830 годъ, землевладѣлецъ отрѣзываетъ всей общинѣ in concreto кусокъ земли, и на немъ крестьяне вправѣ распоряжаться на всей своей волѣ“. [3]) Отсюда, и объясненіе той разбросанности полосокъ то пахати, то луга, которая не была свойственна одной Буковинѣ, но и въ древнія времена и Галичинѣ. [4]) Во многихъ деревняхъ Буковины, той части ея, которая состояла изъ равнинъ и низменностей, „и помѣщикъ, и подданные пользуются угодьями сообща, а на поляхъ подлежащихъ обработкѣ, ежегодно мѣняются участки“. [5]) И ко всему этому

---

[1]) «Der Herr denen Bauern so viel Gr zuund geben *schuldig* ist, als sie zur Unterhaltung ihres Viehes und etwann zum Ackerbau benötigen». Bericht Splény's 1775, цит. у Grünberg, стр. 268.

[2]) «Die Fürsten, um den Ackerbau aufleben zu machen, gestattet (haben) jene Gründe, die sie exterpiren und urbar machen, auf immer zu besitzen». Bericht Enzenberg'a 1783, цит. ib. 268—269.

[3]) «Gemeiniglich der Grundherr der ganzen Gemeinde in concreto ein Stück Feld ausschneidet, in welchem sie nach Belieben, schalten und walten». Отсюда: «allerorten Acker und Wiesen kreuz und quer untereinander (man) findet». Bericht Splény's, ib., 269.

[4]) См. Acta grodzkie, Lwow, т. 3-ій, 52—53, актъ 1378 г., гдѣ указывается какъ на «consuetudo ruthenorum» на расположеніе полей и полосокъ земли «sparsim et particulatim». Ср. мою статью о формахъ заимочнаго владѣнія, Юридич. Вѣстникъ, Москва, 1891 г.

[5]) «Der Herr und Unterthan die Gründe gemeinschaftlich benutzen und mit dem Feldbau fast alljährich gewechsslet wird». Bericht Enzenberg's, Grünberg, 269.

коммиссары добавляютъ, что „полученную землю община распредѣляетъ между хозяевами путемъ періодическихъ передѣловъ“ и что, отсюда, „создается и постоянный переходъ участковъ изъ рукъ однихъ въ руки другихъ, и перемѣняемость полосъ“ или то, что коммиссары называютъ словомъ: Wechselwirtschaft.

Очевидно, отсюда, что порядки крестьянскаго землепользованія въ Буковинѣ далеко не исчерпывалась лишь фактами простого арендnаго, временнаго держанія земли у помѣщика, что они были порядками иного рода, выросшими на почвѣ долговременной практики, выработавшихся обычаевъ. А обычаи эти держались до подчиненія Буковины Австріи, да и долгое время и позже, такъ какъ условія и соціальныя, и экономическія оставались почти неизмѣнными. Мало того, что занятія скотоводствомъ преобладали въ Буковинѣ надъ занятіемъ земледѣліемъ, на что постоянно указывали не только первые посланные въ Буковину австрійскіе коммиссары, но и, напр., въ 1810 и послѣд. года окружной начальникъ Платцеръ (Platzer) и др. [1]) и что являлось препятствіемъ для развитія болѣе или менѣе интенсивной земледѣльческой культуры. Въ средѣ владѣльцевъ, какъ мы видѣли, и до подчиненія Австріи, и долгое время потомъ, сельско-хозяйственная дѣятельность была крайне слабой. Она едва начала развиваться,—да и то въ ограниченныхъ размѣрахъ,—лишь со второй половины XVIII в. Главнымъ доходомъ помѣщика были оброки. Барщина для сельско-хозяйственныхъ нуждъ едва начала практиковаться, и спросъ на ея увеличеніе сколько-нибудь рѣшительно сталъ проявляться, какъ увидимъ, лишь съ конца XVIII в., уже при австрійскомъ владычествѣ. Между тѣмъ, и цѣнность земли была сравнительно ничтожной въ Буковинѣ, и масса земель лежала впустѣ или служила пастбищемъ, и большого значенія землѣ владѣльцы не

---

[1]) Въ своемъ проектѣ реформы Платцеръ отзывается о крестьянахъ Буковины, какъ все еще отчасти номадахъ, у которыхъ нѣтъ даже сараевъ, ибо скотъ цѣлый годъ, денно и нощно, находится на открытомъ воздухѣ. Докладъ Плацера, цит. у Kaindl'я, стр. 639.

придавали: попытки сноса дворовъ, захвата крестьянской земли почти не существовали въ молдавскій періодъ и развились лишь къ концу XVIII и XIX в. Естественнымъ являлся отсюда и обычай, подтверждаемый не разъ въ законодательныхъ актахъ тогдашнихъ господарей, обычай, по которому считалось обязательнымъ отдавать и отводить данной и цѣлой группѣ крестьянъ то или иное количество земли и для пахати, и для пастбища, количество, въ большей части случаевъ составлявшее около $^3/_4$ всей земли и болѣе земли, принадлежавшей помѣщику. Такой порядокъ только и могъ обезпечить доходность имѣнія. И это было до такой степени укоренившимся въ Буковинѣ порядкомъ крестьянскаго землепользованія, что въ урбаріяхъ конца XVIII ст. обязательность обычая было всецѣло признаваема. Въ урбаріѣ 1790 г., касающемся имѣній Моруцци, то и дѣло рѣчь идетъ не о правѣ крестьянъ требовать отъ владѣльца землю, а исключительно о размѣрахъ этихъ требованій, размѣрахъ обязательно отдаваемой крестьянамъ земли. Владѣлецъ регулируетъ въ урбаріѣ главнымъ образомъ крестьянскія земли, отдаваемыя общинѣ in concreto, резервируя уже для собственныхъ потребностей, собственнаго хозяйства лишь $^1/_3$ всей земли. И это въ то время, когда, какъ увидимъ, австрійское правительство стало усиленно работать надъ примѣненіемъ въ Буковинѣ порядковъ, существовавшихъ въ другихъ австрійскихъ областяхъ, надъ выдѣленіемъ и отграниченіемъ чисто-господскихъ (dominical) отъ крестьянскихъ земель и угодій (rusticalgründe). Не менѣе $^2/_3$ земли, не считая лѣса, должны были находиться въ рукахъ крестьянъ. Моруцци настаивалъ и на принципѣ: не болѣе $^2/_3$, но раньше существовалъ, еще и въ 1790 г., и позже неисчезнувшій, обычай отводить in concreto крестьянамъ около $^3/_4$ всей земли и болѣе, какъ на то указываютъ слова одной австрійской канцелярской бумаги 1812 г., что „въ Молдавіи, какъ обычный порядокъ, является отдача крестьянамъ $^2/_3$ земли, а во многихъ мѣстностяхъ даже и $^3/_4$ ея“. [1])

---

[1]) Kanzleivortrag 9 апр. 1812 г., цит. у Grünberg'a, 271.

Такимъ образомъ и въ молдавскій періодъ, какъ даже и позже, снабженіе крестьянъ землею являлось дѣломъ и обязательнымъ, и обычнымъ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ господствовавшему типу сельскаго хозяйства.

Снабженіе землею было двоякаго рода. Преобладающей формой отдачи была отдача земли въ коллективное владѣніе, второстепенной, шедшей рядомъ съ коллективной отдачей земли,— отдача ея въ наслѣдственное владѣніе, и это, нерѣдко, въ одной и той же общинѣ. Въ большинствѣ случаевъ, отсюда, помѣщикъ имѣлъ дѣло не съ отдѣльнымъ крестьяниномъ, какъ владѣльцемъ его земли, въ теоріи считавшейся господской, а со всею группою, владѣвшею всею совокупностью отданныхъ земель. [1]) Въ постоянномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семей находились лишь ихъ жилье и прилегающія къ нему левады. [2]) Вся остальная земля находилась въ общемъ и совмѣстномъ пользованіи всѣхъ подданныхъ села и распредѣлялась уже затѣмъ между отдѣльными хозяевами. [3]) Передѣлъ земель и распредѣленіе ихъ между крестьянами производились, обыкновенно, либо сельскимъ судомъ (Gemeindegericht), либо сельскимъ старостой съ соучастіемъ делегатовъ отъ всей общины. [4]) Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже и въ началѣ XIX в., въ распредѣленіе земель помѣщики совершенно не вмѣшивались. [5]) Болѣе того, они не касались совершенно вопроса о допу-

---

[1]) «Auf dem flachen Lande ist der rusticalgrund besitz nur für jede Gemeinde in concreto stabil, zwischen den einzelnen Gemeindeglieder aber wandelbar». Beratungspotokol der vereinigten Hofstellen 7 марта 1820 г., цит. у Grünberg'a, 271.

[2]) Bericht Stutterheim'a 7 дек. 1819 г., ib.

[3]) Общинное поле «gemeinschaflich von allen Unterthanen des ortes benüzet oder unter die einzelnen Unterthanen vertheilt». Bericht Stutterheim'a, ib., 272.

[4]) Передѣлъ совершался и «durch den Gemeindevorstand, manchmal auch unter Zuziehung eines Ausschusses der Gemeinde». Ib.

[5]) Отсюда рядъ дѣлъ, возникшихъ при австрійскомъ владычествѣ, когда изъ политическихъ и фискальныхъ видовъ правительство привлекало въ Буковину нѣмцевъ-колонистовъ. Такъ, въ 1788 г. вы-

щеніи къ землепользованію общинной землей новыхъ пришельцевъ. Правами на надѣлъ изъ общинной земли пользовался каждый взрослый крестьянинъ, обладавшій возможностью завести свое хозяйство. [1]) Но надѣлы не были равными для всѣхъ хозяевъ: ихъ величина опредѣлялась душевымъ составомъ данной семьи „количествомъ имѣвшагося у данной семьи скота и т. п. [2]) Надѣлъ отъ надѣла отдѣлялся простой бороздной, почти исчезавшей всякій разъ, когда данное пахатное поле отводилось подъ выпасъ. Повидимому, и теченіемъ времени, въ концѣ XVIII в., какъ то можно заключить изъ урбарія Моруцци, создались уже градаціи между крестьянами и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, градаціи въ размѣрѣ надѣловъ. Урбарій этотъ 1790 г. отмѣчаетъ 4 группы крестьянъ, группы, отличающіяся другъ отъ друга количествомъ скота у каждой семьи. Это fruntasi (фрунташи), mijlocasi (мийлокаши), codasi (кодаши) и четвертый классъ. Первые—владѣльцы 8 воловъ, вторые—6, третьи—4, послѣдніе—2. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и надѣлы первыхъ равнялись 12 фальтшей, вторыхъ—9, третьихъ—7, послѣднихъ—3. Но пользованіе этими надѣлами не было постояннымъ, а временнымъ; участки (коны) „вѣчно“ переходили отъ одного хозяина къ другому. [3]) „Выдѣленной, но не обведенной никакими гранями, зем-

---

званы были колонисты нѣмцы изъ Баната. Хотя и на нихъ возложена была обязанность нести тѣже платежи, и тѣже повинности, которые несли и мѣстные крестьяне, они не могли добиться или съ трудомъ добивались полученія отъ мѣстныхъ общинъ надѣловъ. Отсюда безконечный рядъ жалобъ на общины за ихъ отказъ дать надѣлъ, отвести землю новымъ пришельцамъ: передѣлъ, очевидно, былъ дѣломъ исключительно одной общины. Какъ увидимъ, лишь гораздо позже, до 1835 г., порядки эти были разрушены отчасти австрійскимъ правительствомъ. См. Kaindl, стр. 605—6.

[1]) «Jede erwachsene Mannsperson, welche einer Wirtschaft vorzustehen vermag». Kanzleivortrag, 1822 г. Ib.

[2]) «Nach des Grösse der Familien oder nach dem Bedürfnisse ihres angewachsenen Viehstandes». Stutterheim, 1819. Ib.

[3]) «In dem einzelnen unterthänigen Besitz ein ewiger Wechsel statt (hat)». Stutterheim, ib. 273.

лей (кономъ) каждый изъ крестьянъ могъ пользоваться либо какъ пахатью, либо какъ лугомъ; въ ближайшіе годы или на второй годъ всѣ нарѣзанные участки превращались въ землю общаго пользованія, и для пахати отводилась новая земля, гдѣ вновь нарѣзывались участки для каждой семьи; ни одинъ изъ крестьянъ не получалъ, такимъ образомъ, вновь того участка, который онъ держалъ раньше, ни одинъ изъ участковъ не подвергался вновь той же культурѣ, какая на немъ велась въ предшествующіе годы". [1]) Даже тогда, когда данная земля находилась подъ обработкой могъ происходить и происходилъ „новый передѣлъ, напр., въ случаѣ смерти хозяина, его выселенія, даже и полнаго разоренія". [2]) Извѣстный кусокъ поля можно было „обрабатывать въ теченіе 3, 4, 5 лѣтъ и даже болѣе, и затѣмъ на столько же лѣтъ онъ отдавался подъ пастбище, и, наоборотъ, поле, находившееся подъ выпасомъ, подвергалось передѣлу, но безъ обязательнаго сѣвооборота, безъ обязанности непремѣнно засѣвать его или озимымъ, или яровымъ хлѣбомъ. „Обязательнаго сѣвооборота, какъ и трехполья не существовало: земли было много; община могла выдѣлять каждый годъ или чрезъ данный промежутокъ времени всякій разъ новую землю, хотя бы и вдали отъ поселка, оставляя послѣдовательно уже эксплоатированные участки полей подъ паромъ. Съ другой стороны, отведенное подъ пахать поле нерѣдко было бо́льшимъ, чѣмъ сколько требовалось подъ обработку, и тогда предоставлялось обрабатывать землю захватнымъ способомъ. Отсюда, и отсутствіе принудительности сѣвооборота, и та разбросанность коновъ, о которой мы говорили выше. [3])

---

[1]) Ib.

[2]) Ib.

[3]) Приводимъ въ болѣе подробномъ видѣ отзывы австрійскихъ коммиссаровъ о порядкахъ землепользованія: «Die Hutweiden sind in Bukowina nur an wenigen Orten, nämlich in waldigen, sumpfigen und solchen Orten perpetuirlich, wo der Boden auf keine andere Art benütz werden kann, sonst sind sie allgemein in ganzen Lande wandelbar, indem sowohl Obrigkeiten als Gemeinden einen Theil der Gründe gewönlich mehrere Jahre brach liegen lassen, sie durch diese

Мы имѣемъ, такимъ образомъ передъ собою въ Буковинѣ форму общиннаго землевладѣнія, землевладѣнія, при которомъ не могло и не можетъ возникнуть вопроса о правѣ собственности того или другого крестьянина. У послѣдняго о правѣ собственности на землю въ строгомъ смыслѣ слова не могло быть и рѣчи: онъ былъ съемщикомъ, но съемщикомъ не у помѣщика,

---

Zeit als Waide benützen und so reihenweise von Zeit zu Zeit abwechseln». Bericht des galizischen Landesgubernium 1817, ib. 274.— «Durch die Unbestimmtheit und Wandelbarkeit des Besitzständes und bei der noch sehr niedrigen Stuffe der Kultur, auf der die Feldwirtschaft in der B. steht, wird auch der Werth des Grnndes von den einzelnn precairen Besitzern nicht geachtet, und der Ertrag desselben bei der dem Bukowiner Bauern angebohrenen Tragheit nur mit dem möglichst geringen Aufwand an Zeit und Kräften gewonnen. Hieraus entspingt nur ein neuer Anlass beständiger Veränderungen. Der Unterthan verlässt seinen durch einige Jahre benützten Grund und greift willkürlich in die zu nächst brach gelegenen Strecken ein, ohne sich mit dem Eigenthümer derselben abgefunden zu haben und ohne von diesem oder sonst jemand hieran gehindert zu werden». Stutterheim, цит. ib., 274. И еще одинъ отзывъ: «die Art und Weise, wie die Unterthanen die obrigkeitlichen Gründe benützet haben und heute noch benützen, hätte eine einzelne Beurbarungweise eines Unterthanes nicht gestattet, weil wenn er hier und dort hätte ackern oder säen wollen, wo die übrigen Dörflinge ihr Vieh huten oder ihren Heuschlag unterhalten wollen seine Saaten und sein Grass von dem Viehe der übrigen Dörflinge wären abgeweidet worden *Es gab also und gibt heute noch keine andere Benützungsart der unterthänigen Gründe in der B. als diese, dass das Erdreich, welches zur Beackerung in einem Jahre bestimmt wird, von der ganzen Gemeinde umzäunet und von jedem Dörflinge soviel beackert wird, als auf ihm auställt oder er zu beackern im Stande ist*». Поле такое отдѣлялось отъ деревни и отъ скота загорожей. Отсюда, извѣстное южанамъ слово *царина*, которая переносилась съ одной стороны деревни на другую. При этомъ, если поле и лугъ находились по одной сторонѣ деревни, то пастбище отводилось на другой противоположной. Kanzleivortrag, 1812, ib., 275. Всѣ эти отзывы ясно рисуютъ предъ нами страну, еще не вышедшую изъ стадіи первобытнаго переложнаго хозяйства.

а у общины, которая одна только, безъ участія помѣщика, распоряжалась отведенной ей землей. Какъ и какимъ образомъ создался такой порядокъ вещей, подвергался ли онъ или нѣтъ въ теченіе молдавскаго періода какимъ либо измѣненіямъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно: изслѣдованіе этого вопроса до сихъ не было никѣмъ предпринято. Но фактъ существовавшихъ общинныхъ порядковъ землепользованія до присоединенія Буковины къ Австріи и долгое время послѣ того,—не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію: съ нимъ, какъ увидимъ, не мало пришлось возиться имперскому австрійскому правительству.

Но рядомъ съ общиннымъ землепользованіемъ стояла и другая форма пользованія землей, обусловленная значительнымъ запасомъ въ Буковинѣ общинной земли, отдаваемой въ распоряженіе общины. „Кромѣ той земли, говоритъ Штуттергеймъ, тщательно изучившій порядки землепользованія въ Буковинѣ, какъ спеціальный для этой цѣли посланный коммиссаръ австрійскаго правительства, кромѣ той земли, которая подлежала періодическому передѣлу, существовали и другія земли, стоявшія внѣ этого порядка и попавшія въ руки тѣхъ или иныхъ семей, которыя владѣли ими вѣчно“. [1]) Это—такъ наз. разробки, лазы, лазури (lazy, lazuri), о которыхъ другой коммиссаръ разсказываетъ, что онъ находилъ „въ довольно значительномъ разстояніи отъ села, въ возвышенныхъ долинахъ, цѣлыя поля, которыя находились во владѣніи 10—12 семей. Изъ допроса ихъ я убѣдился, что поля эти не подвергались періодическимъ передѣламъ и составляли собственность этихъ семей“. [2]) И общины, и помѣщикъ допускали существованіе такихъ разробокъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Разробки эти могли быть даже продаваемы и отчуждаемы, но съ однимъ условіемъ: предварительнаго согласія помѣщика и общины. Лишь въ случаѣ прекращенія семьи земля становилась выморочною и возвращалась владѣльцу ея.

---

[1]) Stutterheim, Bericht, цит. ib., 275.

[2]) Rothkirch, Reiserelation (Роткирхъ былъ земленѣромъ), 1820 г., ibid.

Но всѣ указанные порядки землепользованія являлись господствующими и преобладающими лишь въ равнинахъ или въ болѣе низменныхъ мѣстностяхъ. Въ нагорныхъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ и поселеніяхъ, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, расположенныхъ въ горахъ, въ сохранившихся всецѣло такъ наз. „республикахъ [1]) Кантеміра, порядки землевладѣнія носили противоположный характеръ, общій съ порядками остальной горной Европы и Австріи. Здѣсь преобладалъ типъ индивидуальнаго, точнѣе подворнаго землевладѣнія (Hofsystem). Крестьянинъ владѣлъ своимъ участкомъ на правахъ наслѣдственныхъ, на правѣ передачи участка потомкамъ, его отчужденія и т. п. [2]) или же являлся уже настоящимъ временнымъ съемщикомъ земли у помѣщика. [3])

Но каковы бы ни были порядки землепользованія и землевладѣнія въ той или иной мѣстности Буковины, во всей странѣ,

---

[1]) Вотъ какъ обрисовываетъ этотъ порядокъ вещей Штуттергеймъ: «Rottgründe, die einzelne Unterthanen in verschiedenen Gegenden der herrschaftlichen Grundbesitzungen zerstreut als Acker oder Wiesen urbar gemacht haben, und die zwar die Eigenschaft eines Dominikalgrundes nicht verlieren, aber dem betreffenden Unterthanen von Erlöschuug seiner Descendenz nicht abgenommen werden können. Sie gehoren zu der bukowiner unterthänigem Besitz, der nebst den einzelnen Hausplätzen und den dabei befindlichen Gärten noch am meisten bestimmt und gesiechert blieb, weil der Unterthan solchen, als selbst geschaffen und durch ehemalge Landesgesetze und Gewonheit und durch Verträge mit der betreffenden Grundobrigkeit für unentreisbar hält. Sie waren auch nicht in jenem Konkretal-Gemeindegründen begriffen, die durch die Ortsvorstände nach Willkur ertheilt werden dürfen». Bericht 1819 r., ib., 276.

[2]) Порядки этого землевладѣнія, къ сожалѣнію, описаны австрійскими коммиссарами въ самыхъ общихъ чертахъ. Они не бросались имъ въ глаза, не вызывали такого же вниманія къ нимъ, какое вызывали исчезнувшіе въ остальной Австріи и совершенно чуждые коммиссарамъ порядки общиннаго землепользованія. Объ нихъ говорятъ коммиссары лишь мимоходомъ.

[3]) «Als bloss Pächter der herrschaftlichen Gründe (war)». См. Kaindl.

во всѣхъ существовавшихъ въ Буковинѣ деревняхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ существовала еще одна, общая всѣмъ имъ форма пользованія землею. Я разумѣю пользованіе лѣсами, еще и въ концѣ XVIII в. покрывавшими не малую часть Буковины.

Пользованіе лѣсомъ и многими угодьями какъ для цѣлей пастьбы и разробокъ, такъ и для надобностей въ топливѣ и въ строевомъ лѣсѣ было вполнѣ свободнымъ и неограниченнымъ въ молдавскій періодъ. Крестьяне не только могли рубить лѣсъ для построекъ и топлива, но и для продажи его, и это послѣднее ихъ право не вызывало ни ограниченій со стороны владѣльца, ни даже и обложенія крестьянъ за такое пользованіе лѣсомъ. [1])

Такимъ образомъ основной чертой, характеризующей порядки землевладѣнія въ Буковинѣ въ XVIII в., была не временная аренда, не Pachtsystem, которая лишь случайно попадалась въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ, а обязательная отдача земли въ вѣчное и постоянное владѣніе общинъ, которыя уже отъ себя отдавали участки отдѣльнымъ крестьянамъ въ пользованіе, правда временное, но совершенно иного типа и характера, а не того, которые лежатъ въ основаніи аренды. Отношенія владѣльца и крестьянъ на почвѣ земельной и земельныхъ порядковъ были отношеніями одинаково обязательными, какъ для владѣльца, который обязанъ былъ въ силу обычая и закона отводить въ вѣчное владѣніе общины достаточное количество земли (большею частью либо всю землю, либо $^3/_4$ ея), такъ и для общины, которая, въ свою очередь, была обязана брать ее и обработывать. Отсюда, отсутствіе съ момента присоединенія къ Австріи того порядка, какой установился въ другихъ австрійскихъ областяхъ, отсутствіе какого бы то ни было разграниченія между тѣмъ, что въ Австріи носило названіе помѣщичьей земли, Dominikalgründe, и тѣмъ, что называли тамъ собственно крестьянской землей,

[1]) „Die freye Lignation sei denen Bauern so uneingeschränket, dass er das Holz ausser eigener Nothdurft auch zum Verkauf aus denen Wälderer ohnengeltlich zu nehmen berechtiget wäre". Bericht Splény's, ib., 278.

Rustikalgründe, а съ другой стороны, для громаднаго большинства крестьянъ и отсутствіе правъ наслѣдственнаго владѣнія передѣляемыми участками, правъ передачи ихъ по наслѣдству, отчужденію ихъ и т. д. Подобнаго рода права существовали болѣе какъ исключеніе (у отдѣльныхъ крестьянъ на ихъ разробки въ отдаленныхъ отъ селенія мѣстахъ или у жителей нагорныхъ мѣстностей).

Прибавимъ еще къ сказанному, и для болѣе полнаго освѣщенія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ въ Буковинѣ въ моментъ присоединенія ея къ Австріи, и то обязательство, что при исполненіи барщины полнотяглыми крестьянами, послѣдніе не имѣли права требовать у помѣщика рабочаго скота: на барщину они должны были являться со своимъ скотомъ. Вся землевладѣльческая культура производилась исключительно съ помощью рогатаго скота. [1]) И тоже въ случаяхъ голода, неурожая, скотнаго падежа и т. п. Буковинскій помѣщикъ не былъ обязанъ приходить къ крестьянамъ на помощь. Это совершенно не входило въ кругъ его дѣятельности и обязанностей. Онъ имѣлъ отношенія не къ тому или другому крестьянину, а къ цѣлой общинѣ. Община устроивала, независимо отъ помѣщика, порядокъ землепользованія, она же въ Буковинѣ вѣдала и дѣло помощи крестьянамъ въ случаяхъ нужды.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ какъ личныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ Буковинѣ въ молдавскій періодъ, такъ и поземельные порядки, существовавшіе въ ней въ XVIII в. въ моментъ присоединенія къ Австріи. Посмотримъ теперь, какимъ измѣненіямъ подверглись и тѣ, и другія послѣ присоединенія, въ правленіе Іосифа II, такъ и въ послѣдующее время, вплоть до того момента, когда въ 1848 г. старый порядокъ и личныя, и поземельныя отношенія были окончательно потрясены, отмѣнены и уничтожены.

И. Лучицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) „Der Unterthan in der Bukowina hatte nie eine Verspannung von den Dominien, sondern hat seine Frohne mit seiner Bespannung verrichtet". Kanzleivortrag, 1812, ib., 278.

СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ.

Повистъ.

ЧАСТЫНА ПЕРША.

Чуженыця.

I.

У хати въ Пылыпа Сываша за столомъ сыдила бѣседа: братъ Охримъ изъ жинкою, сватъ Манойло зъ свахою Кылыною, кумъ Терешко Тонконоженко, сусида Струкъ изъ своею сердытою Стручыхою, дядько—старый Корній Грабенко та своя симъя. Не того Пылыпъ бѣсиду завивъ до себе, що сёгодни недиля, а того, що вернувся додому зъ салдативъ середульшый сынъ ёго Романъ. Дочбкъ у Сывашивъ не було, але трое сынивъ, якъ соколивъ: найстаршый Денысъ, уже давно жонатый, добрый хазяинъ,—удався въ батька; середульшый—ото-жъ Романъ, а найменшый—Зинько. Романъ знавъ, що ёму йты въ салдаты, и не схотивъ женытыся, щобъ жинкы самои дома не кыдаты, сказавъ, що якъ вернется, то тоди; Зинькови-жъ давно треба було одружытыся, бо и въ салдаты ёму не прыпадало йты та й жеребокъ винъ уже бравъ, дакъ що жъ, колы не хоче? Нема,—говорыть—ёму пары. Батько казавъ, що десь у своихъ кныжкахъ начытавъ мабуть такого. Маты хочъ и гни-

валась, що нема ій помочы, та не дуже, бо працёвыта та тыха Денысова Домаха—онъ та билява молодыця, що теперъ порается биля печы—годыла свекруси. А такъ докорыты Зинькови ничымъ не можно було: и тыхый, и працёвытый парубокъ, и непытущый... не такый запальный хазяинъ, якъ Денысъ, але жъ такы хазяйновытый. Та найдужче маты любыла оцёго Романа: таке воно змалечку було моторне та цикаве и зъ себе гарне,—то вже було мазунчыкомъ у матери. А дали на службу пишовъ, на чужыни поневирявся,—хыба жъ и не жалко? И стара Параска, забуваючы, що ій треба взяты зъ прыпичка и поставыты на стилъ мыску зъ варенькамы, спынялася биля печы, дывылася закоханымы материнымы очыма на сына и думала:

— Боже, яке жъ гарне! Бровы якъ на шнурочку, вусъ чорненькый, ще й угору трохы закрученый. Панычъ та й годи!

И батько радивъ, що сынъ вернувся. Самъ винъ прожывъ уже пивсотни й шисть литъ, але сывына ледви почынала проблыскуваты въ ёго темному волоси. Винъ бувъ ще ны здоровлю, здужавъ усе робыты, а оци тры сыны—таки косари, що й трава передъ нымы горыть. Хазяйство въ ёго добре було, а теперъ ще покращае. За такымы сынамы й забагатиты можно. Пылыпъ уже трохы выпывъ и теперъ, частуючы гостей, радисный та добрый, росказувавъ:

— Выпыйте, люде добри, за здоровле моихъ сынивъ!.. Воны въ мене якъ золото!.. Хочъ старшыхъ Богъ забравъ, дакъ же сымы щедро надилывъ, спасыби имъ!..

— Що правда, то правда, сусиде,—дай, Боже, щобъ усе було гоже!—твои сыны таки, що въ кожного батька серце росло бъ, на ихъ дывлючысь,—такъ проказувавъ довгый и сухый Струкъ, беручы въ Пылыпа чарку.

Инши госты, потакуючы, кывалы головамы, а сыны сыдилы горди тіею хвалою. Старшый—уже поважный, зъ бородою, здоровый, якъ робочый вилъ; меншый—ще молодый парубокъ зъ невелычкымы чорнымы вусамы й задуманымы яснымы очыма; ти очи дуже нагадувалы батьковы, тилькы що въ батька

воны вже прыгаслы за довги лита клопоту й праци, а въ сына сялы цилымъ сяевомъ молодого вогню. Але найбильше дывылыся люде на Романа. Винъ сыдивъ на покути пышный, у «пиджаку», обстрыженый и росчисаный набикъ, по городянському; повне облычче було биле, а гарный вусъ ажъ блыщавъ на ёму. Теперъ сей чепурный выдъ почервонивъ, бо парубокъ выпывъ не одну чарку горилкы; та винъ мигъ пыты по багато и ще не бувъ пъяный, а такъ—тилькы почынавъ хмиль голову розбираты, и Романъ де дали стававъ усе веселишый та хвалькишый на языкъ.

— Чого жъ се ты, небоже,—пытавъ ёго дядько Охримъ,—не заразъ до дому вернувся, якъ службу видбувъ? Адже за малымъ не годъ ище прогаявсь.

— Такое дѣло случылось,—одказувавъ Романъ.—Какъ ето выйшолъ я зъ службы,—заразъ должность мынѣ предложылы, очынь даже хорошую: трыста рублей жалуванія.

— О, се добра служба,—трыста рубливъ! озвався сватъ Манойло.—А яка жъ то служба?

— А така—швейцаромъ пры палатѣ. Ну, я тамъ почалъ служыть, а потомъ затосковался по своему роду. Нывжлы,—думаю,—я въ своёй родынѣ не могу прылычной для себе должности получыть? Бросывъ усе и прыйшовъ.

— И добре зробывъ, сынку,—казала маты,—бо й насъ извеселывъ.

— Теперъ тилькы одружышъ, свате, дитей та й забувай горе!—казавъ до Пылыпа Манойло.

— Та я зъ дорогою душею,—усмихався Пылыпъ,—абы сыны!

— Пождить, батюшка,—будемо й женыться,—вотъ тольки должность получымъ,—одказавъ Романъ.

— Образованый чоловикъ може завсегда соби дольжность получыть,—озвався Денысивъ кумъ Терешко. Винъ колысь, ще за панського права, бувъ биля панивъ у двори, иноди й самъ любывъ закыдаты «по образованому». Ёму дуже подобалося якъ говорыть Романъ и самому схотилося докынуты сливце,

щобъ знаты було, що и винъ не абы хто. Батько й инши госты думалы: «Ичъ, якъ набрався Романъ науки! Такъ и риже по панському»! Имъ здавалось, що Романъ дуже добре потрапляе на панську мову. Тилькы сывому мовчазному Корніеви Грабенкови та Зинькови не подобалось, що салдатъ ламае языка.

А Пылыпъ изъ Пылыпыхою все прыпрохувалы та частувалы. Облычча въ гостей почервонилы й спитнилы, языкы почынялы чеплятыся за зубы, хочъ голосы́ де дали ставалы все гучниши та гучниши. Тилькы Зинько бувъ зовсимъ тверезый, бо винъ не вжывавъ горилкы, та Романъ бадёрывся. Але й ёму вже такъ ударыло въ голову, що ажъ млосно стало, и винъ пишовъ зъ хаты на прохолоду. Зинько й соби выйшовъ мовъ бы за имъ, а просто того, що не любывъ дывытыся на пъяныхъ. Обыдва выйшлы у двиръ.

Була недиля, и на вулыци вешталось чымало народу. Ишлы парубкы въ святковыхъ чумаркахъ и добрыхъ поясахъ, смiялыся й погукувалы на дивчатъ, а ти, хыхыкаючы й щебечучы, проходылы вулыцею, маючы ясноколирнымы стричкамы, вышываныма рука́вамы, червонымы й сынимы спидныцямы. По-пидъ хатамы, на прызьбахъ та на колодахъ, скризь сыдилы бабы, лузаючы насинне, часомъ и чоловикы зъ люлькамы въ зубахъ, и розмовлялы про всяки новыны та про хазяйськи й хатни справы. И пидъ Сывашевымъ дворомъ лежалы колоды,—добрый хазяинъ Пылыпъ давно вже стягавъ деревню на нову хату сынови,—и чуты було звидтиля гоминъ. Черезъ выженький тынъ цикаво зазырало на нового салдата килькы дытячыхъ и дивочыхъ, билыхъ и заквитчаныхъ по святному, голивъ. А въ двори въ сусида Струка стояло биля тыну и дывылося двое дивчатъ: Струкова дочка зъ ёго наймычкою Левантыною.

— А, дивчата!—гукнувъ Романъ.—Нада й имъ празныкъ устроить. Братъ Зиновій! получай рубля и бигай у лавочку! На всёго рубля купуй канхветовъ, пряныковъ, ореховъ,—для наслажденія дёвушкамъ. А ты, мальчыкъ,—кывнувъ винъ на хлопця, що зазыравъ черезъ тынъ,—получышъ пъятакъ,—катай

до музыкы Матвѣя,—пущай иде сюда. Пусть дивчата знають, кагда вернувся са службы Романъ Пылыповычъ Сивашовъ!

Хлопець метнувся по музыку, а Зинько якось нехотя пишовъ до крамныци.

— Дивчатка! Хадѣть сюда! веселыться будемъ!—заклыкавъ Романъ.

Дивчата соромылыся ввиходыты, хоча Струкова дочка вже выбигла зъ свого двору на вулыцю, вытягшы за собою й Левантыну. Романъ выйшовъ зъ двору. Мижъ дивчатымы було килькы й парубкивъ. Романъ поклыкавъ и ихъ:

— Хадѣть, шобъ дивчатамъ веселѣй було!

Парубкы не хотилы йты безъ дивчатъ, а дивчата соромлялысь безъ парубкивъ. Врешти билява Хымка, жвава й моторна, вхопыла подругу за рукавъ и потягла до Сывашивъ у двиръ.

— Колы йты, такъ уже ходимъ! Шо тамъ ище трыхымныхы мняты!

За нею посунулы й инши дивчата й парубкы. Незабаромъ прыйшла музыка—дви скрыпкы й бубонъ, Зинько прынисъ ласощи. Романови хотилося сёгодни показаты себе. Метнувсь у хату, вынисъ пляшку горилкы, почастувавъ музыкъ, хотивъ частуваты й дивчатъ. Воны пышалысь, одверталысь и казалы:

— Оце жъ такы! Хыба жъ такы мы іи пъемо? Таку гирку!..—И не схотилы пыты.

На складкахъ деяки такы ласувалысь на чарку, але тутъ було соромъ.

— Не хочуть горкого,—дамо имъ сладкого!—гукнувъ Романъ, беручы цукеркы, пряныкы та горихы.—Получайте, дивчата!

Дивчата й доси соромылысь, и ни одна не хотила браты перша.

— Эхъ, вы! какіи несмѣли!—посміявсь Романъ. Побачывшы биля себе Левантыну, винъ сыломиць упхувъ ій у рукы торбынку зъ ласощамы й промовывъ:

— Роздавай подругамъ!

Деликатне довгеньке Левантынине очлычче видразу взялося полумъемъ. Вона держала въ рукахъ ласощи и не знала якъ бы ихъ збутыся. А Романъ стоявъ передъ нею, сміючыся до неи зъ пидъ вусивъ, блыскаючы на неи смилымы очыма. Левантына спустыла свои темни очы, довги віи выразно зачорнилы на рожевому лычку. Романъ зареготався й одійшовъ, а Левантыни зробылося ще дужче ніяково. Дивчата почалы штовхаты іи, шепочучы:

— Ну чого стоишъ? Роздавай!

Та вона мовъ не чула того и все стояла нерухома, а дивчата сміялыся.

— Оця ще!. мóняется!..—скрыкнула Хымка и вхопыла въ неи зъ рукъ ласощи.—Ось я, дивчата, роздамъ!

И почала роздаваты. Кожній хотилося взяты бильше, але вси бралы потроху, бо соромлялысь. Тымъ часомъ озвалася скрыпка, вдарывъ бубонъ. Танцюрыста Хымка кынула й ласощи.

— Отъ же не выдержу!.. Ой танцюваты хочу!

Парубкы вже тымъ часомъ выпылы зъ Романомъ по чарци. Зъ межы ихъ заразъ изнайшовся одынъ до пары Хымци.

— Эхъ, гуляй душа!—скрыкнувъ винъ и вдарывъ ногамы объ землю. Хымка танцювала гарно й легенько, парубокъ сылкувався не податыся передъ нею. Молодижъ оточыла ихъ кóломъ. Де-дали пара танцювала все палкише й палкише, запалюючы до танцю й иншыхъ. Незабаромъ зъ натовпу вырвалася й друга пара. Першый парубокъ, натомленый, скоро кынувъ танець, але Хымка не вгавала. Вона крутнулася, ажъ стричкы высоко замаялы въ повитри, вхопыла Романа и потягла ёго въ швыдкому танци, сміючыся й моргаючы на ёго веселымы очыма. Але Романъ, проходючы прозъ Левантыну, що стояла не танцюючы, вхопывъ іи та й закрутывъ у тому танцюрыстому крýтени. Збентежена зъ такои несподиванкы, дивчына спершу ніякъ не могла потрапыты въ ладъ, але згодомъ якось утрапыла, и сами ногы, слухаючысь музыкы, робылы що треба. А ій чогось було такъ соромъ, и вона не глядила ни на кого и

все думала про те, що Романъ танцюе передъ нею и дывыться на неи своимы смилымы, ажъ незвычайнымы, очыма, и не могла звесты на ёго погляду. Ій ставало все бильше та бильше ніяково, здавалося, що вси іи саму тилькы й пыльнують, дывуючыся, що вона такъ довго танцюе зъ Романомъ. Вона выхопылася зъ танцю й покрылася въ гурти. Не зосталася й зъ дивчатымы, а заразъ-же нышкомъ подалася черезъ пе̄релазъ у двиръ до свого хазяина.

А музыкы тялы тымъ часомъ зъ усіеи сылы, парубкы й дивчата танцювалы, ажъ подвирре гуло, довги ясноколирни стричкы маялы въ повитри, брязкало намысто на задыханыхъ грудяхъ, а зъ заквитчаныхъ голивъ падалы на землю квиткы, и дивчата й парубкы топталы ихъ ногамы.

Почувшы музыку й танци, вся бе́седа давно вже выйшла зъ хаты подывытыся на молодижъ. Старый Сывашъ забурчавъ спершу, що не слидъ було вулыци робыты въ двори, але маты оступылася за Романа:

— И—й, старый! мовчы вже! Тилькы сёгодни дытына прыйшла, повеселыться схотилося, а ты вже й гниваешся! Може винъ соби тутъ пару знаходе. Давай краще сядемо на прыспи та подывымось, якъ молоди веселяться, то може й мы помолодшаемо.

Пылыпъ тилькы рукою махнувъ. Стари гости подывылыся на молодижъ и почалы прощатыся, бо вже вечорило. Молодижъ ище трохы потанцювала та й подалася зъ двору на выгинъ—кинчаты тамъ свято. Дома матиркы й батькы сварылыся, що вже вечиръ, а дочкы й сыны не йдуть коривъ доиты та товаръ напуваты. Але тимъ було не до того: Романъ послявъ ище по горилку, почастувавъ сёго разу вже й дивчатъ, и довго чуты було на выгони музыку й спивы, танци й голосный молодый смихъ.

Але Зинька тамъ не було. Побачывшы, якъ Левантына втекла зъ танцивъ, и знаючы, що въ іи двори никого немае, винъ пишовъ до себе на тикъ, зъ току перескочывъ у свій садокъ, а зъ свого въ Струкивъ,—чы не побачыть тамъ дивчыну.

Маты нападается на ёго, що винъ доси не одружився. А колы жъ винъ и справди соби пары не може знайты? Е й гарни дивчата, и роботящи... навить е й багати... та все ёму не пидъ мысли. Ёму треба таку жинку, щобъ винъ про все зъ нею мигъ говорыты, щобъ усю свою душу мигъ ій одкрываты... А то винъ тутъ такъ жыве, що ни́ зъ кымъ и поговорыты по щыросты. Що правда, про хазяйство и про все таке можно и зъ батькомъ, и зъ матирью, и зъ братомъ розмовляты... такъ сёго ёму мало. Ему хочется все знаты, все розибраты: якъ воно и черезъ вищо и на̀ що робыться. Колысь заманулося ёму вывчытыся чытаты. Такъ схотилося, що не мавъ упокою ажъ поки вывчывся. Школы въ ихъ тоди ще не було, дакъ винъ оддавъ дякови рубливъ изъ десять мабуть, ажъ поки той навчывъ ёго. Теперъ Зинько чытае, да тилькы якось не дуже ще розбира тіи книжкы. А хотилось-бы ёму розбираты и знаты багато... про все... Отъ хочъ бы й про те—чого такъ люде жывуть? Тутъ тоби такый убогый, що ничого йисты, а тамъ такый багачъ, що грошы миркою миряе. Одынъ кривавымъ потомъ умывается та робыть та дбае, а другый ледащо, линуется... або ще пъе... а то й красты пиде... Невже не можно кращого порядку завесты? Мабудь про се въ книжкахъ пышуть, да тилькы винъ не знае тыхъ книжокъ. Де жъ такы, щобъ воны въ таке мале село та подоходылы? Тутъ про ихъ нихто й не чувъ. Хотивъ Зинько про се кого роспытатыся, дакъ кого-жъ? Дякъ самѐ божествѐнне знае, пысарь—самѝ волосни дила, крамарь усе на щотахъ кыдае та запысуе грошы... до батюшкы Зинько не посміе питы, а до вчытеля ходывъ, дакъ и вчытель же... хочъ по книгахъ знае и всяку науку, а якъ Зинько попытався ёго про свое—якъ бы кращый порядокъ завесты,—то винъ тилькы рукою махнувъ: „Це,—каже,—не твоеи головы дило. За порядкомъ начальство доглядае. А ты, колы хочешъ добре жыты,—робы, не піячъ,—отъ и все!“ Се Зинько й самъ знае, да тилькы, що сёго мало...

Де жъ се Левантына? Чы не въ хати заховалась? А винъ хотивъ-бы погомониты зъ нею. Тыха, роботяща, добра дивчына... И зъ себе гарна... Якъ бы ёму таку жинку, да тилькы щобъ не

таку вже... просту... Колысь винъ заговорывъ зъ нею про дощъ, що винъ бувае зъ пары, а вона тилькы засміялася та й утекла... Якъ же винъ розмовлятыме зъ нею про те, що ёму душу займае? А въ тимъ... вона ще молода... сыротою по наймахъ изросла, нінкои наукы ій нихто не дававъ... Ще й дывно, що вона такою доброю дивчыною зросла!.. А якъ бы Зинько зъ нею одружывся, то може бъ іи й чытаты можно навчыты... и до своихъ думокъ прыхылыты... Такъ думавъ Зинько про Левантыну и почавъ прыдывлятыся до неи, зачипавъ іи розмовамы. Дивчына червонила, але говорыла зъ имъ залюбкы. Та Зинько бувъ дуже несмилывый зъ дивчатамы и все боявся заняты Левантыну такъ, якъ парубкы займають тыхъ дивчатъ, що люблють.

Теперъ ёму дуже схотилося погомониты зъ нею... Отъ, щобъ хочъ забуты ту пьяну бѣседу!.. Не любыть того Зинько... Але дивчыны нема ниде—ни въ садку, ни въ двори. Може куды пишла... Зинько перескочывъ назадъ черезъ тынъ у свій садокъ.

Незабаромъ маты загукала ёго. Упоравшись по хазяйству, Зинько пишовъ спаты въ садокъ,—беригъ садовыну. Да тилькы заснуты не мигъ: все тіи думы ёго не покыдалы. Може Романъ... винъ чудный якыйсь... не подобалося Зинькови, що винъ такъ велычается и языкъ ламае... А про те—мабуть винъ багато бачывъ, багато знае. Бо й справди—по велыкыхъ городахъ бувавъ, пысьмá въ салдатахъ навчывся. Мабуть винъ зможе росказаты Зинькови про таке, чого Зинько самъ не здоліе розибраты. Треба зъ имъ поговорыты... Не сёгодни, бо сёгодни мабуть винъ ище не скоро зъ вулыци вернется, а колысь...

Небо давно вже сяло надъ землею своимы зорянымы шàтамы, а Зинько все не спавъ. Дума за думою снувалася въ голови, ишла одна по одній якъ хвыля за хвылею... По хатахъ давно вже сплять, затыхлы вже й дивчата й парубкы на вулыци... и дерева дрималы, схылывшысь надъ имъ, и дримала зелена трава и въ висни лоскотала ёму облычче, якъ винъ доторкався до неи, ворушучысь... А высоке й глыбоке-глыбоке небо жахтило й тремтило жывымъ свитомъ, и зòри здавалыся велыкымы й розумнымы очыма блыскучымы... Воны дывлються такъ

ясно, мовъ хочуть зазырнуты Зинькови въ душу, подывытыся що тамъ е. Дывлются такымы велыкымы, велыкымы очыма... якъ у Левантыны... тоди, якъ вона спивае сумнои писни... Вона дывыться й спивае... и гарно спивае... и любо, любо стае... и хылются виты... и всмихаются зорі...

И Зинько заснувъ пидъ Левантынынъ спивъ, не знаючы, що Левантына справди выйшла въ свій садокъ и спивала, прывабленa сяевомъ безкраёго неба, напоена солодкымы пахощамы чаривнои ночы—тыхои, якъ сонъ маленькои дытыны, ласкавои, якъ поглядъ матери...

II.

Другого дни Романъ уставъ пизно. У ёго болила голова, бо вчора таки добре выпывъ. Винъ почавъ згадуваты мынулый день, лежачы на соломи въ стодоли, и гнивався самъ на себе, що „завивъ куншанію“ зъ парубкамы й зъ дивчатамы. Зъ дивчатамы воно ще ничого, до дивчатъ Романъ охочый, а отъ на вулыцю не треба було зъ имы ходыты. Ёму не годыться за панибрата зъ имы буты, а винъ учора, хыльнувшы, се й забувъ. Ну, да се ще не бида, винъ заразъ покаже, що винъ не те, що воны, а беры выще.

Романъ уставъ и пишовъ у хату. Батько зъ Денысомъ та зъ Зинькомъ уже поснидалы й пойихалы на поле—останни копы забираты. Маты щось метушылась биля печы.

— Выспався, сынку?—ласкаво озвалася вона.—Сидай-жеъ та будешъ снидаты.

— А отъ умыюся.

Умывся, росчесався и сивъ за стилъ. Маты подала галушкы зъ саломъ. Романъ ще ничого не робывъ, то й не выголодався, а галушкы булы зъ простого гречаного борошна и здалысь ёму не смашни. Иззивъ галушку, дви та й положывъ ложку.

— А що жъ се ты, сынку, вже й не хочешъ?—здывувалася маты.

— Штось йисты не хочется,—одказавъ Романъ и вставъ изъ-за стѳлу.—Треба пойтыть провѣдать старыхъ знакомыхъ,—додавъ.

— Пиды, сыну, пиды, одвидай!

Романъ надивъ пиджака й картуза зъ билымъ верхомъ, тоди глянувъ на чоботы:

— Эхъ, ваксы просють! Ну, нехай другымъ разомъ!—и пишовъ зъ хаты.

Выйшовшы Романъ зъ двору, спынывся, не знаючы, куды йты. У ёго булы колысь товарыши-парубкы,—теперъ уже вси жонати хазяины,—та ёму не хотилося до ихъ иты: що тамъ одъ ихъ винъ цикавого почуе? Хыба питы, щобъ побачылы, який винъ теперъ ставъ? Дакъ же никѳго дома нема,—вси на роботи. Ну, та вже выйшовъ зъ двору, то пройдется селомъ, а тамъ може й надумае куды питы. И винъ подався вулыцею. Ишовъ помалу, мовъ туды-сюды роззыраючысь на село, а справди дывыся, чы хто ёго бачыть, чы ни. Та вси люде пойихалы на поле, тилькы де-яки бабы поралыся по хатахъ. На вулыци бигалы сами диты. Одынъ маленькый хлопець, побачывшы Романивъ пиджакъ и чоботы зъ блыскучымы ривными халявамы, гукнувъ черезъ вулыцю до трохы старшенькои дивчынкы:

— Дывысь! дывысь! панъ иде.

Романъ усмихнувся,—ёму це сподобалося. Але дивчынка глянула на ёго и видказала своѐму товарышови:

— Дурный! Со ты казесъ? То не панъ, а салдатъ Сываенко,—мени маты казалы.

— Эчъ, чортова патяка!—подумавъ Романъ,—слова не вміе сказаты, а ще й пащыкуе.—Винъ сердыто глянувъ на дивчынку, крыкнувъ: „Ну, ты тутъ“! и пишовъ дали, а та, перелякана, спершу мовчала, ажъ покы Романъ одійшовъ геть-геть, а тоди, пидбигшы до хлопця, сказала:

— Людоцкы, якый страсный!..

А „страшный“ ишовъ дали. Ёму по дорози була крамычка, а биля неи стояло двое-трое чоловикивъ и жинка. Романъ знавъ, що треба поздоровкатыся, прозъ ихъ проходючы, але подумавъ

соби: „Отъ ище чортъ-зна кому куражку скыдаты!“ и помынувъ людей такъ, мовъ бы ихъ и не помитывъ.

— Шо це воно пишло?—спытався одынъ дядько.

— Та це Сывашивъ салдатъ.

— Чы ба, яке пышне: иде й не здоровкается!

И дядькы зъ жинкою почалы промижъ себе судыты Романа, що незвычайный, але винъ того не чувъ, а чымчыкувавъ дали и завернувъ на другу вулыцю. Тамъ побачывъ середъ соломъяныхъ покривель зализный дахъ на невелычкому будынкови. Вгори надъ дверыма прыбыто було дошку зъ напысомъ: „Народное училище“.

— А зайду до вчытеля!—подумавъ Романъ, хочъ зовсимъ учытеля не знавъ.

Ввійшовъ у чымали сины зъ килочкамы й гвиздкамы по стинахъ за-для школярськои одежи. Ставъ, не знаючы въ яки двери йты, бо передъ имъ було ихъ двое. Одни булы трохы видхылени, и кризь ихъ чуты було розмову. Сердытый голосъ, говорючы „по панському“, крычавъ:

— Чомъ ты мени чобитъ не почыстывъ?

— Двиръ чыстывъ,—одповидавъ другый, мужыцькый старечый голосъ.—Хиба я вамъ лакей? Я—сторожъ.

— Нанявся сторожемъ,—повыненъ буты вчытелеви лакеемъ. Що дня чоботы чысть!

— Та що це таке справди? Я громади пожаліюся.

— Плювать мени на твою громаду! Иды заразъ до Сучка и купы дви колоды картъ!

Зъ дверей выйшовъ, бурчачы соби щось, сывый сторожъ.

— Чы дома вчытель?—спытавъ Романъ.

— А онъ!—показавъ сторожъ на двери и пишовъ зъ школы.

— Хто тамъ?—почувся зъ-за дверей голосъ.—Мабуть зновъ хтось прытырывъ хлопця! Ну й идіоты! Хочъ не кажы имъ, шо ще рано!

Двери видчынылыся видъ штурханця ногою, и на порози ставъ молодый хлопець зъ закрученымы вгору вусыкамы, безъ сурдута й жилета, въ самій сорочци, заложывшы рукы въ кышени штанивъ.

— Тоби чого?—спытався винъ, але побачывшы на Романи не мужыцьку одежу, повернувъ инакше:—Вамъ чого треба?

— Мое поштеніе!—сказавъ Романъ, простягаючы руку.—Сивашовъ.

Учытель давъ ёму й свою руку и поклыкавъ у хату. Въ невелычкій свитлычци, зъ лижкомъ, столомъ и килькома стильцямы, бувъ неладъ, пороскыдувана одежа, недокурки зъ цыгарокъ, на стини гытара й рушныця, на столи стоявъ недопытый чай и пляшечка зъ напысомъ: „Ромъ"; пидъ столомъ спала собака. Учытель попрохавъ гостя сидаты и надивъ пиджакъ.

Романъ сивъ, закынувъ ногу за ногу, вытягъ коробочку зъ цыгаркамы, видчынывъ и простягъ до вчытеля:

— Не вгодно-ли? Хорошое различеніе.

Учытель узявъ цыгарку, и воны закурылы. Романъ, ламаючы свою мову ще дужче передъ „образованымъ чоловикомъ", почавъ выясняты, чого винъ прыйшовъ. Вернувся зъ города, ну, а на сели „скучно", бо скризь сама мужвá, и нема такого чоловика, щобъ изъ имъ можно було про „образовани" речы розмовытыся,—тилькы й е, що вчытель та врядныкъ та ще пысарь... Дакъ отъ винъ и прыйшовъ...

Учытель почавъ уже розумиты, кого винъ передъ себе мае,—спершу винъ подумавъ, що це щось инше. Самъ учытель бувъ зъ такыхъ, якъ и Романъ: черезъ двохкласову сильську школу потрапывъ до вчытельськои семынаріи. Выйшовшы зъ неи, мавъ одержаты посаду въ своéму ридному сели, але не схотивъ, бо тамъ зъ имъ уси будуть за панибрата. Належавъ до тыхъ учыteливъ, що, вылизшы зъ „мужыкивъ" у „паны", сылкуются яко мога дужче видризнытыся видъ мужыка, сахаются, якъ нечыстои сылы, знатыся зъ имъ и выглядають соби якои багатои управытеливны, чы дочкы грошовытого глытая зъ мужыкивъ, чы врешти вдовы якого полупанка, щобъ, оженывшыся, покынуты

нелюбе й нудне вчителюванне та й перейты зовсимъ „на панську лынію“. Романъ бувъ передъ нымъ уже занадто нызький, бо вчитель нижче писаря, врядныка та крамаря Сучка и не дыдився. Тилькы винъ ище непевный бувъ, чы справди Романъ мужыкъ. Отъ призвыще ёго.. Сывашовъ... Сывашовъ.. Не чуть у нашому сели Сывашова... Але вразъ изгадавъ:

— Та вы мабуть Пылыпа Сываша сынъ?

Романъ навить трохы почервонивъ и почавъ выясняты, що хочъ сёму и правда, але вси ёго на служби звалы „Сывашовъ“, бо якъ простый чоловикъ, то буде Сывашъ, а якъ „образованый“, то—Сывашовъ.

Теперъ учытель уже знавъ, що нема чого ёму знатыся зъ Романомъ,—се тилькы пошкодыть ёму, прынызыть ёго передъ ёго „панськымы“ знаёмымы. Надто винъ бувъ сёгодни сердытый: учора звечора винъ мало не до свиту гулявъ у карты у батюшкы и програвъ симъ рубливъ. А въ ёго сáме не було теперъ грошей, бо влитку на грошы скрутнише: взимку школяри (воны въ ёго муштровани!) разъ-у-разъ носють ёму всяки ковбасы, сало, а то такъ и сахаръ навить, то менше доводыться вытрачаты. А теперъ усе зъ готовенькыхъ грошей! Добре жъ, якъ винъ сёгодни (мае жъ поклыкаты всю компанію до себе) та одиграе, верне свое, а якъ-же ни? Все це гнивало вчителя, и винъ сердыто сказавъ Романови:

— Ну, мени теперъ ныколы... У мене дило е...

Романъ почервонивъ и вставъ образеный.

— Якъ завгодно...

Винъ простягъ бувъ знову руку, але теперъ уже вчытель не давъ ёму своеи. Зовсимъ збентеженый, Романъ швыдче пишовъ зъ хаты и чувъ, якъ слидкомъ за имъ учытель пробубонивъ:

— Усякый хамлюга прется знаёмытысь!

Покы выйшовъ Романъ на вулыцю, ёго збентежинне мынулося, и винъ тилькы бувъ страшенно лютый на вчытеля за образу. До кого жъ бы мени ще питы?—думавъ винъ и побачывъ заразъ-же биля школы волость. Повернувъ до неи.

Тутъ уже ёму пощастыло, бо выявылось, що пысарь бувъ ёго колышній товарышъ. Батько ёго ще хлопцемъ оддавъ до школы ажъ у мистечко,—тамъ винъ и вывчывся на пысари. Цей самъ добре вмивъ „по образованому“ и радый бувъ Романови.

— Сидай, брате, сидай! У насъ у волости никого нема: старшына, староста и всяке началство подалося снопы возыты,— дакъ я самъ тутъ и старшына, и староста, и все.

Романъ сивъ биля стóлу, покрытого зеленымъ, старымъ, скризь чорныломъ заляпанымъ, сукномъ. Пысарь Грыгорій Павловычъ Копаныця бувъ такыхъ литъ, якъ и Романъ, але вже добре видпасся на волосному хлиби, и ёго заллозеный пиджачокъ бувъ вузькый на гладки плечы. Винъ крутывъ свою руденьку боридку и залюбкы росказувавъ Романови, якый ёму велыкый клопитъ у волости, що старшына дурный, винъ самъ усе мусыть робыты, и за себе, и за старшыну справлятыся, а плата мала, а „такъ соби посторонній доходъ тоже не значительно большой“. На домыкъ такъ-сякъ збывся, а бильше й ни зъ чого...

Тоди почавъ росказуваты Романъ, якъ винъ жывъ у гóроди—спершу въ салдатахъ, а тоди на служби въ палати; тилькы винъ уже не казавъ теперъ, що бувъ швейцаромъ, а говорывъ, що бувъ „такымъ служащымъ, што, знаешъ, надзыраеть за йзданіемъ“.

Тоди збалакалысь за мужыкивъ, и пысарь ихъ лаявъ, що народъ ставъ неслухняный и все хоче, щобъ на дурнычку ёму роблено, мовъ и не тямыть, що хочъ таксы й нема, ну, а всякому звисно, що, опричъ годовои платы, треба пысареви и за кожну роботу—чы за паспортъ, чы за рóспыску, чы ще за що— окремо заплатыты... а мужыкъ, колы й скаже, що прынесе мирку картопли, то прышле тилькы пивъ мирки... и отакъ усе...

Гомонилы довгенько, ажъ покы пысарь сказавъ:

— Ну, знаешъ що, Романе Пылыповычу? Ходимъ до мене обидаты! Пошаную тебе для нового знакомства.

Романъ тому бувъ дуже радый. Вже выходючы, стрилы на порози врядныка Ивана Иллича, трохы старшого за ихъ обохъ чоловика, непоганого зъ себе, въ пидстрыженою гострымъ клынцемъ боридкою. Пысарь зазнаёмывъ ёго зъ Романомъ та й

тежъ поклыкавъ до себе обидаты. Сей хочъ и пообидавъ, та не мавъ заразъ чого робыты, то пишовъ.

Пысарь жывъ у гарненькому домыку, прыбраному по мищанському, зъ стильцямы, зъ тапчаномъ, зъ комодою та старенькымъ „буфетомъ“, поставлянымъ у найпараднищу хату, зъ ясно-хварбованымы малюнкамы пидъ скломъ по стинахъ. Выдко було, що добродій Копаныця даремне звавъ „такъ соби посторонній доходъ“ „не значытельно большымъ“. Гостей стрила пысарька — молода, одгодована и свижа молодыця-моргуха.

— Улясю,—сказавъ весело пысарь,—давай намъ обидаты та ще й швыдко! Та ще й доброго!

— Буде й добре, буде й швыдко!—сміючыся прывитно, видказала молодыця и побигла въ пекарню.

Незабаромъ справди сыдилы за столомъ. Пысарь вытягъ зъ кышени пляшку горилкы и поставывъ на стилъ.

— Доброхотное даяніе?—спытавъ, пидморгнувшы, врядныкъ.

— Зъ капосного Омелька,—видказавъ господарь,—треба було бъ бильше, та вже хай буде й стилькы.

— Всяко даяніе благо, а надолужыты можно не теперъ, то въ четверъ,—порадывъ урядныкъ.

Выпылы по чарци, и хазяйка чарочку хыльнула, и тилькы взялысь до борщу, ажъ у синяхъ щось затупотило.

— А чы дома хазяинъ?—почувся звидты товстый голосъ.

— Ге, це Мыхайло Грыгоровычъ!—сказавъ пысарь.— Идить! идить! дома!—и винъ одчынывъ двери.

У свитлыцю ввійшовъ невысокый, але товстый рудый чолвикъ, убраный у гарну чумарку, зъ картузомъ у рукахъ. Сёго Романъ знавъ, се бувъ крамарь Сучокъ. Хазяи почалы садовыты ёго за стилъ. Винъ повагомъ, зъ протягомъ вымовляючы кожне слово, упевнявъ спершу, що вже пообидавъ и зайшовъ за диломъ, але врешти сивъ. Выпылы знову й почалы йисты смашный борщъ. Покы пидйилы, то мало розмовлялы, але потимъ уже, по четвертій выпывшы (и пысарька Уляся що-разу по пивъ чарочкы), зробылыся вси весели й гоминки. Романъ

бачывъ, якъ Уляся все моргала на врядныка та прыпрохувала ёго. Сучка не прыпрохувала, але той и самъ добре йивъ, важко сопучы. Пообидавшы, позакурювалы и пишлы въ садокъ—господарь изъ Сучкомъ попереду, за имы Романъ, а позадъ усихъ урядныкъ зъ пысарькою. Озырнувшысь выпадкомъ, Романъ побачывъ, якъ урядныкъ займае Улясю за станъ, а вона, смію чыся, сварытся на ёго пальцемъ, показуючы, що побачуть передни. И Романови одразу стало заздро й шкода, що не винъ займае червонощоку веселооку пысарьку.

Въ садку полягалы й посидалы на трави и зновъ почалы розмовляты, коженъ здебильшого про свои дила, и вси якось чеплялыся за мужыкивъ: одному мужыкы тымъ не догодылы, другому иншымъ. Сучокъ казавъ, що мужыкъ хытрищый за чорта, а вряднык доводывъ, що хочъ винъ и хытрый, але дурный, и росказавъ, щобъ пидперты свою думку, про дурного Хому, якъ винъ мыло пойивъ. Вси страшенно реготалыся, а заохоченый оповидачъ докыдавъ одну по одній ще й инши брехенькы про мужыкивъ: про те, якъ мужыкови переминылы ёго хахлацьку голову на чортову; про те, якъ салдатъ и хахолъ кыпилы въ пекли въ казани: чортъ сказавъ: Салдатъ!—А салдатъ: Ась?—Ну, вылазь!—Тоди до хахла: Хахолъ!—Шшчо-о?—Ну, сиди ищо! Вотъ тибѣ за хахлацкій языкъ у пекли сыды!

Вси знову реготалыся, а пысарька навить крычала тоненько:

— Ахъ, прелисть! Ахъ, прелисть!

Вона служыла въ панивъ за покоивку и тамъ навчылася такъ крычаты.

Потимъ повернулыся въ хату и пылы чай и знову весело гомонилы...

Сучокъ пишовъ, бо ёму треба було въ крамныцю, але Романъ зъ урядныкомъ досыдилы ажъ до вечора.

Въ хатахъ уже посвитылося, якъ Романъ вертався до-дому. Якъ увійшовъ у хату,—симья саме вечеряла.

— Бачъ, отъ де й нашъ прыблуда!—озвавсь, ласкаво смію чыся, батько.—Де се ввесь день швендявъ?

Отъ, хыба въ ёго нема тутъ добрыхъ людей, знаёмыхъ!— и Романъ почавъ розсказуваты, що винъ ходывъ до вчытеля и такъ гарно зъ имъ познаёмывся, а тоди бувъ у пысаря, и якъ добре ёго тамъ прыймано... Маты радила, слухаючы, якъ ii сына гарно витають, инши мовчалы.

— Та сидай уже, сынку, блыжче до столу та вечеряй!— прыпрохувала маты.

— Вотъ я такыхъ стравъ наѣвся у пысаря, што вже мынѣ вашои вечери не хочеться.

Матери се трохы не сподобалося, що сынъ понижае ii стравы, але винъ того не помитывъ и зновъ почавъ разсказуваты про пысаря: якъ винъ гарно жыве та якъ добре буты пысаремъ.

— Та воно добре,—озвався Зинько,—та тилькы ще краще було бъ, якъ бы пысари бильше по правди робылы, а то... онъ и сей такый, що прымивъ бы,—дви шкуры зъ тебе дравъ бы.

— Ну, се, братуха, пустякъ дѣло,—одказавъ Романъ,— на то щука въ мори, штобъ карась не дрималъ. Каженъ зъ свово ремесла можыть сыбѣ барышъ брать.

— Нехай и барышъ, та не здырство,—озвався батько,—а то сей бувъ такый харпакъ, що на хребти не держався сирякъ, а теперъ уже бачъ у яки достаткы зъ тыхъ барышивъ убывся. Та ще й велычается: мужыкы—дуракы! Ты бъ, Романе, краще не водывся зъ имъ: винъ тебе на добро не напутыть, а люде про тебе погане казатымуть.

— А какое мынѣ вниманіе до людей?—одказавъ Романъ, здвыгнувшы плечыма.—У насъ своя куннанія. Ну, што тамъ розбалакувать,—времъя спать!

Забравъ одежу и пишовъ спаты въ клуню. Умощуючысь на соломи, згадавъ, яки высоки й мняки подушкы, квитчастою ковдрою застелени, винъ у пысаря бачывъ. И ёму стало заздро и схотилося такои сáме гарнои свитлыци, мнякыхъ подушокъ, доброи стравы зъ горилкою и червонощокои жинкы... А хата батькова здалася ёму такою негарною й чужою... та й люде въ тій хати... Велыка штука, шо воны ёму свои! Колы жъ воны

таки... мужыкы!.. И поправди вряднык̀ъ та пысарь изъ ихъ сміются, бо воны жывуть такъ... зовсимъ „безъ понятія, якъ настоящая необразованая жывотная“. Хыба жъ винъ може такъ жыты? Колы жъ винъ теперъ зовсимъ иншый чоловикъ ставъ!

Винъ усе думавъ про це и не мигъ заснуты. Поручъ изъ тымъ, що винъ бачывъ сёгодни, згадувався ёму гòродъ, вулыци зъ лыхтарямы, свитлыци въ палати, де винъ бувъ за сторожа... циркъ—оттуды що дня ходывъ бы! А тутъ ся тисна хата зъ лавамы, зъ рогачамы... Сей батько або Денысь, що якъ скаже слово, то такъ и верне языкомъ „на верлé“... Репана мужва—ажъ смердыть! А тамъ, у гòроди, зовсимъ не таки люде... А дивчата!.. И винъ почавъ прыгадуваты городянськыхъ покоивокъ та куховарёкъ, яки булы до ёго ласкави... Ахъ, чортъ ёго знае! Машка мабуть плаче теперъ!.. (Гляды, шо ще дытына буде!..) Та хыба сама Машка? Булы й попередъ неи...

Уставъ, не можучы лежаты, накынувъ пиджака и выйшовъ зъ клуни. Въ кинци садка, що бувъ заразъ же сумежно зъ токомъ, якыйсь чыстый молодый дивочый голосъ выводывъ писню.

— Що воно спива въ нашому садку?—подумавъ Романъ, перескочывъ черезъ тынъ, и пишовъ садкомъ. Спивало не въ ихъ, а въ садку въ сусиды въ Струка. Романъ перелизъ и черезъ Струкивъ тынъ и потыху пишовъ помижъ деревамы унызъ до ричкы на той голосъ. Незабаромъ винъ побачывъ дивочу постать. Выдно, що прыйшла по воду, бо на земли стоялы видра, але вона забула про ихъ, прычарована сіею тыхою ниччю и нижно звабливымъ плюскотомъ темныхъ хвыль биля своихъ нигъ... Стояла й спивала...

— Мабуть Струкова наймычка,—подумавъ Романъ, и ёму згадалось іи деликатне облычче зъ довгымы віямы на щокахъ и тоненькый станъ,—такъ винъ тоди въ танци обкрутнувъ іи, обхопывшы за станъ рукою... Вся зачервонилася, задыхани молоди груды высоко здіймаются... выхопылась и втекла...

Романъ тыхо-тыхо пидійшовъ до дивчыны. За спивомъ вона почула ёго тилькы тоди, якъ уже биля неи стоявъ. Жахнулась:

— Ой Боже! хто се?

Хотила вже тикаты, але винъ прыдержавъ ій за рукавъ.

— Се я... Романъ...

— Чого жъ се ты... вы тутъ?

— Паслишалъ якъ поёшъ та й прыйшовъ.

— Ото жъ! Чого бъ то вы до мене прыйшлы!

— Того, што харошынька!—и винъ хотивъ обняты ій за станъ, але вона выпручалася.—Какъ тыбъя звуть?

— Левантыною.

— Харашо!—и винъ такы обнявъ ій й прытулывъ до себе. Але вона заразъ одипхнула ёго, вырвалась и, покынувшы й видра, якъ коза дыка, втекла, покрывшыся за деревамы.

— Эчь, яка прудка!—подумавъ Романъ.— Моторна! А ловка дивчынка,—треба бъ заходыться коло неи!

Постоявъ ще трохы, дожыдаючы, чы не вернется по видра. Не верталась. Пишовъ до-дому въ свою клуню.

Туды вже тымъ часомъ прыйшовъ спаты Зинько.

— Я думавъ, що ты вже спышъ, Романе, а ты ще ходышъ.

— Не спытся какось.

— Отъ и мени часомъ не спытся. Усе думкы обнимають, та й спаты не дають.

— Думкы?—сказавъ Романъ, и Зинькови на мыть вдалося, немовъ сказавъ трохы глузуючы.—Што за думкы?

— Та всяки... Отъ учора я все думавъ: якъ ёго такъ изробыты, щобъ усимъ людямъ добре на свити жылося? А то отъ хочъ бы сказаты про землю... Такого народу намножылося и де дали, то все бильше й бильше людей на свити стае... Людей бильшае, а земли не бильшае... Ну, теперъ скрутно людямъ жыты, а де дали все скрутнише, все скрутнише буде... и такъ колысь изробыться, що не ставалыме людямъ того, що земля

може зародыты... Що жъ тоди робыть людямъ? Хочъ зъ голоду гынь!

— Вотъ штука!—видказавъ Романъ.— Не станыть тутъ чого ѣсты,—прыкажуть переселяться на другое мѣсто та й шабашъ!

— Та я жъ кажу: а якъ на другому мисци такъ буде? По всій земли такъ. Що тоди буде? Може проще въ книжкахъ, або що, пышется? Тебе добре навчено въ салдатахъ, Романе, то ты се повыненъ знаты.

— Въ какыхъ тамъ книжкахъ?—одказавъ Романъ.—Вотъ, будуть ищо такіи книгы печатать! Про ето начальство само знаеть, какъ и што.

— Ни,—не згодывся Зинько,—отъ я чытавъ одну книгу про чужи краи, такъ у ій...

— А, пустякъ вныманія!—перепынывъ ёго Романъ.—Лучче давай спать!

Винъ одвернувся, мовъ хоче спаты. Винъ бувъ мало пысьменный, книжокъ не чытавъ, хыба часомъ анекдоты про Балакырева. Теперъ винъ бачывъ, що Зинько за ёго бильше пысьменный и щось знае таке, що Романъ ёго не знае, и ёму стало ніяково. А Зинькови здалося, що Романъ меньше знае, нижъ спершу винъ, Зинько, думавъ про ёго.

Другого дни вранци батько зайшовъ у клуню, збудывъ Зинька й Романа и звеливъ обомъ иты на тикъ молотыты. Зинько заразъ уставъ и пишовъ, а Романъ довго ще огынався. Ёму зовсимъ не хотилося молотыты, трохы навить соромъ було до чорноі роботы братыся. Що це батько соби дума? Що винъ буде ёму въ гною рыться, воламъ хвосты крутыты? Не питы оце та й годи!

Одначе сёго разу ще не зважывся сперечатыся зъ батькомъ и пишовъ на тикъ. Сонце ледве почынало вызыраты зъ-за обрію, було рѣсяно й холодно, и Романъ ажъ тремтивъ. На току вже булы батько й браты.

— А що, брате, холодно?—озвався Денысъ.—У васъ тамъ по городахъ теперъ ище сплять. Та дарма! Якъ цыномъ помахаешъ, то такъ угріешся, що й потомъ тебе вмые.

Романъ ничого не видказавъ, узявъ ципъ и ставъ блыжче до Зинька. Ударыло чотыри ципы: тры смило й важко, одынъ якось не до ладу. Романъ зовсимъ одвыкъ одъ цiеи роботы. Винъ не потраплявъ у ладъ, замисто щобъ уцилыты бычемъ, бывъ у снипъ кинцемъ ципылна, а бычъ завертався вгору и заскакувавъ назадъ. Винъ росердывся й гупнувъ зъ усiеи сылы. Бычъ одирвався, видскочывъ и вдарывъ Романа по руци дуже боляче. Романъ кынувъ ципылно й лайнувся.

— Эге, сынку,—озвався батько,—та я бачу, що тоби треба довго прывчатыся, щобъ изновy добрымъ молотныкомъ статы.

— На чорта я буду прывчатыся?—вызвирывся сердытый Романъ.—Разли вы думаете, што я буду гупать тутъ изъ вамы по остюкахъ цепомъ?

— А хыба жъ ты думаешъ, що хлибъ самъ буде робытыся, самъ и въ ротъ кластыметься?

— И безъ етаго дурацкаго дѣла сытъ буду!

— А ну, якъ?

— Разли я сыбѣ службы не знайду? Вотъ пойду въ икономiю и прыкащыкомъ поступлю.

— А шо жъ, добра штука,—видказавъ спокiйно батько.— Абы прыйнялы.

— Ищо-бы! Имъ образованыхъ людей нужно.

— Та... казала й Ганна, що вона рада за пана, дакъ панъ, клятый, не бере!—засмiявся Денысъ.

— Этъ, вы зъ вашымы мужыцькымы выгадкамы!—росердывся Романъ, кынувъ ципъ и пишовъ зъ току.

Батько зъ сынамы взырнулыся, але нихто ничого не сказавъ, и ципы знову загупалы по повноколосыхъ снопахъ, далеко озываючысь у свижому жывущому повитри веселого, сонцемъ осяяного ранку.

Сердытый Романъ, не заходючы въ хату, подався просто на село и опынывся у вряднука. Тамъ винъ потрапывъ на чай, напывся ёго добре, потимъ ще посыдилы та побалакалы. Романови хотилося, щобъ ёго зоставлено й обидаты, дакъ господари

або не догадалысь, або не схотилы того. Довелося йты обидаты до-дому. Прыйшовъ, якъ уже вси пообидалы, и обидавъ самъ. Маты, щобъ ёму догодыты, заризала й зварыла курку. Выголодавшысь Романъ, не зоставывъ зъ неи ничого. Попойившы, заразъ подався изнову зъ дому.

Почувъ, що сёгодни тилькы прыйшовъ до Грыценкивъ ихъ салдатъ, дакъ и повіявся туды. Винъ зъ имъ не въ одному полку бувъ, да те дарма: салдатъ, то вже однаково, що й товарышъ.

Грыценкы булы вбоги люде и не заклыкалы бе́беды такъ, Сывашы, але и въ ихъ булы гости: двое-трое родычивъ. Билявый поганенькый салдатыкъ сыдивъ за столомъ радый такый, що ажъ сяе, и роспытувавъ про хазяйство, про родычивъ, про товарышивъ, бажаючы знаты все, що сталося на сели, видко́лы ёго не було дома. Романа посадылы за стилъ, шанувалы...

Вернувся Романъ до-дому ажъ у вечори и лигъ заразъ спаты. Другого дни пишовъ зранку, проблукавъ у гаяхъ до обидъ и прыйшовъ до-дому такъ, щобъ изновъ обидаты самому. Вже кинчавъ обидаты,—ввійшовъ батько въ току:

— А де, Романе, бувъ? Чы не въ экономіи?

— Де бувъ, тамъ бувъ! Поспіемо ще зъ экономіею!... Созремѐнно все зробытся.—И выйшовъ зъ хаты.

— А що, стара, робытымемо зъ сынкомъ-салдатыкомъ?— запытався Пылыпъ у жинкы, якъ Романъ выйшовъ.

— А що жъ тамъ робыты?—видказала Параска пытаннемъ, мовъ не розуміючы, бо се справа про іи мазунчыка була.

— Де та якъ будемо добуваты, щобъ ёму на пануванне настачыты?

— Оце ще що выгадай! Дытына тилькы прыйихала, натомылася,—и видпочыты не дасть. Оклы́гае, то й до роботы визьметься.

— Ни, каже, що не хоче братыся, а буде въ экономію прыкащыкомъ поступаты.

— А може жъ и поступыть! Винъ же въ насъ образованый.

— Треба тамъ такыхъ!

— Ты вже нападешся! Перечасуй, то й побачышъ, що все добре буде. А то ты якъ почнешъ гриматы, то тилькы сварка буде.

— Добре, я перечасую, помовчу трохы,—побачымо, яки зъ ёго люде будуть.

И батько справди замовкъ и не казавъ Романови ничого.

Ш.

Тры дни мынуло тыхо; на четвертый Романъ попрохавъ у батька карбованця.

— На що?—спытавъ батько.

— А што жъ, я безъ капѣйкы жыть буду? Пакуда дашовъ,—вытратился. И папыросъ не за што купыть!

— Ге, хлопче! Якъ мы будемо на панськи цыгаркы грошы переводыты, то скоро въ насъ и хазяйства не стане,—видказавъ батько.—Нема въ мене грошей.

Романъ ляснувъ дверыма та й подався на село. Винъ гнивався на батька й на бративъ страшенно, лаявъ ихъ мужвою нетямущою, що не розуміють, якъ повынни поводытыся зъ образованымъ чоловикомъ. Але винъ те знавъ добре, що якъ батько затнется, то вже зъ имъ ничого не зробышъ. Грошей винъ не дасть.

Треба справди питы въ окономію: а може пощастыть. Окономія була велыка, и людей тамъ служыло багато. Романъ зразъ же й пишовъ до вправытеля и знайшовъ ёго въ контори.

— А що скажешъ?—спытався той.

Романъ почавъ выясняты, що служывъ на служби и хотивъ бы маты якусь прыстойнишу, нижъ проста хлиборобська, роботу.

— Яку жъ то роботу?—попытавъ управытель.

— Хотивъ бы прыкащыкомъ.

— Эге, не треба намъ прыкащыкивъ, бо вси е. Та й хыба жъ ты знаешъ хазяйство? Бувъ у салдатахъ, служывъ десь швайцаромъ, а до хазяйства пнешся!—и вправытель повернувсь бувъ до свого дила, але заразъ же зновъ озвався:— А въ тимъ... мени треба одного чоловика въ контору... Тилькы щобъ добре пысьменного. Пысьменный?

— Такъ тошно.

— Сидай за стилъ, пышы!

Романъ сивъ и взявъ перо у рукы, а вправытель, не дывлючысь на ёго, а запысуючы щось у велыку книгу, почавъ проказуваты ёму що пысаты. Ни перо, ни пальци ніякъ не слухалыся Романа, и ледве встыгъ винъ вывесты дви перши слови, а вже той наговорывъ ёму ихъ зо два десяткы.

— Позвольте,—я не послишавъ, какъ вы сказалы...—прыпынывъ ёго Романъ.

— Не оставатъ позаду!—управытель проказавъ ёму знову все зъ початку.

Романъ зновъ ухопывъ килькы сливъ, а все инше загубывъ.

— Позвольте,—не вспишусь.

Той глянувъ на пысанне и побачывъ, що зъ усёго проказаного напысано килькы першыхъ сливъ велыкымы недотепнымы крывымы карлючкамы: Романъ ледви вмивъ пысаты.

— Йиды жъ спершу навчысь пысаты, а тоди прыходь. Въ контору не годышся. Колы хочешъ,—ставай до молотылкы.

— Ни, до молотылкы не хочу.

— И добре, бо линывыхъ мени не треба. Йды соби!

Романъ выйшовъ зажуреный и сердытый.

У ёго ще було въ кышени трохы грошей, винъ зайшовъ въ монополію, купывъ горилкы и выпывъ зъ горя заразъ же пидъ хатою на вулыци...

Другого дни вранци стара Сывашыха полизла въ скрыню довго тамъ щось перекыдала ажъ на дни и врешти вытягла якыйсь вузлыкъ. Звидтиля вывъязала карбованця и, якъ Романъ увійшовъ у хату, виддала ёму.

— На тоби, сыночку, карбованця, бо батько не дасть, а тоби треба.

— Отъ спасыби, мамо, хочъ вы по людському до мене,— не такъ, якъ батько.

— Да тилькы ты, сынку, шукай соби роботы, а то буде въ васъ гнивъ та сварка зъ батькомъ та зъ Денысомъ.

— Ходывъ уже въ икономію.

— А що жъ?

— Взялы бъ зъ дорогою душею, дакъ усѣ прыкащыкы есть. Хочъ я й салдатъ, ну—невозможно для мыня человѣка прогнать.

— Правда... Отъ лышенько... А може щé де пошукаты.

— Найдёмъ! Не поспишайтесь! Усё будетъ у свою прыпорцію и на небольшомъ разстояніи.

А самъ соби Романъ думавъ: мабуть у матери не одынъ вузлыкъ зъ карбованцямы. Треба такъ пидкрутыты, щобъ воны ёго рукъ не мынулы.

Збигло ще тыжднивъ зъ пивтора. За сей часъ Романъ дужче зазнаёмывся зъ крамаремъ Мыхайломъ Грыгоровычемъ Сучкомъ. Спершу винъ тилькы въ крамныцю до ёго заходывъ, а дали й до-дому,—разъ навить обидаты ёго зоставлено. Йилы добре,—черезъ те мабуть таки й гладки булы и самъ Мыхайло Грыгоровычъ, и ёго жинка Агахвія, и дочка ихъ Горпуша, дивчына рокивъ девъятнадцятёхъ, або й двадцятёхъ. Сучкови Романъ росказувавъ, що винъ покы такъ соби, ничого не робыть, розглядаеться до чого братыся: чы службу браты, чы комерцію заводыты, и натякавъ, що въ ёго е на ту комерцію грошы. Се винъ выгадувавъ на те, щобъ Сучокъ ёго мавъ не за абы-що. А той ёму такъ и вирывъ, и не вирывъ, а про те до себе пускавъ.

Зазнаёмывся ще Романъ и зъ дякомъ та зъ якымысь „служащымы“ на зализныčній станціи. Туды Романъ ходывъ розпытатыся, чы не треба на зализныčній линіи жандарма,—хотивъ ще туды податыся, але на ти посады брано тилькы унтеръ-офицеривъ, а винъ бувъ простый салдатъ. Романъ разъ-у-разъ ходывъ по своихъ знаёмыхъ и радый бувъ, якъ траплялося тамъ напытыся чаю а бо що смашне зйисты, бо дома того не було. Дома винъ такъ таки ничого й не робывъ; тилькы по-

справлявъ соби вудкы и ходывъ на ричку рыбу надыты. Що вловыть,—прыносывъ матери, а вона ёму варыла юшку,—„вухою“ винъ ии звавъ,—або пекла рыбу въ сметани. Винъ пидлещувався до матери, щобъ выдурюваты въ неи грошыкы, и маты справди ёму давала зъ своихъ схованокъ—покы було що даваты. Винъ ій розсказувавъ, що ёго скризь такъ гарно прыймають, и ось-ось уже винъ матыме службу, а заразъ не можно, бо... щось тамъ выгадувавъ!..

Тымъ часомъ по селу пишла чутка про те, якъ Романъ ходывъ найматився въ прыкащыкы, и якъ управытель дававъ ёму пысаты. Парубкы й дивчата на вулыци почалы глузуваты зъ Романа,—звисно не въ вичы, бо винъ на вулыцю не ходывъ. Але одного разу се почула й Левантына. Вона оступылася за ёго.

— И чого бъ я сміялася? Якъ не пощастыло чоловикови, то хыба вже винъ и поганый? Та може жъ те все ще й брехня!

— А ты се зъ якои речы такъ ёго бороныты заходылася? крыкнулы дивчата й парубкы та й почалы сміятыся вже зъ Левантыны, прыкладаючы до неи Романа. Вона розсердылася:

— Тю на васъ! Чы вы не подурилы? Чого вы мени ёго на шыю чепляете? Подавиться вы своимъ Романомъ!

Бачучы, що вона сердыться, облышилы ии.

А Левантына якъ одсердылася та верталася до-дому, то зновъ ій стало жалко Романа. И черезъ що ёго такъ уси на глузы взялы? Такый гарный зъ себе! Чудный трохы зъ своею „образованою“ балачкою, та це вси салдаты таки, якъ прыйдуть, а якъ пожывуть трохы дома, то й знову по людському говорють. Тилькы погано, що винъ рукамъ волю дае. Отъ уже вдруге винъ ии перестрива въ садку. Вперше вона ёго такы добре турнула, то вдруге винъ тыхшый бувъ, хочъ и не зовсимъ. Вдруге вона вже видъ ёго такъ швыдко не втекла, и воны трохы постоялы, погомонилы...

Такъ думала Левантына про Романа и згадувала ёго гарни вусы и чорни бровы и станъ ривный...

А Романъ и соби згадувавъ Левантыну. Вона ёму дуже до вподобы прыпала. Якъ бы ій вбраты въ панську одежу, то зовсимъ-бы якъ панночка була. Куды! Не всяка й панночка зривнялась-бы зъ нею! Та ій й дражнють на сели панночкою. А се того, що маты породыла ій, дивчыною бувшы, якъ служыла въ панивъ за наймычку. Казалы за якогось паныча... Маты вже вмерла, а дочка, якъ и матиръ, ходыть теперъ по наймахъ.

Романъ бувъ не дурный и незабаромъ помитывъ, що дивчыни не подобается ёго занадто смиле поводинне и непроста мова. У городи дивчата до сёго позвыкалы, а тутъ—ни. Романъ надумавъ поводытыся зъ нею такъ, якъ звычайно поводяться зъ своими дивчатамы сильськи парубкы. И говорыты зъ нею почавъ тилькы по простому.

Дивчына помитыла, що Романъ до неи вже не такый ставъ, и сама подобрищала трохы до ёго. А що про ёго погане казалы,— вона те за водою пускала. Хыба люде не набрешуть? На неи саму таке разъ-у-разъ наплещуть. А винъ ій такъ усе гарно росказуе про себе. Хочъ винъ теперъ и безъ службы, дакъ що? Прыйде та годына, що й служба въ ёго буде, и жытыме винъ паномъ дило. А що винъ дома ничого не робыть, дакъ разъ, що винъ одвыкъ одъ простои роботы, а вдруге, що винъ хоче краще навчытыся пысаты, дакъ не можно чорнои роботы робыты бо видъ того пальци задубіють, зашкарубнуть, и ніякъ не вы выведешъ перомъ. Романъ не дурывъ сымъ Левантыны: винъ и справди развивъ килькы сидавъ учытыся пысаты, та довго не мигъ высыдиты, бо се було такы нудно. Винъ и въ салдатахъ учывся бильше зъ прымусу.

Роспытувався Романъ Левантыну й про ій жытте. Тяжке се було жытте. До семы рокивъ маты тягала ій зъ собою по наймахъ, а писля семы й саму виддала въ наймы. Покы жыва була маты, то тяжко було жыты: все по чужыхъ хатахъ та по чужыхъ людяхъ. Та скризь поштуркують та шматкомъ хлиба дорикають. А вона того шматка хлиба николы дурно не йила: тилькы на ногы зопъялася, то вже й велять хазяи менши диты хазяйськи глядиты або посылають гусы пасты, чы телята. Маты

за грошы жыве, а вона за харчъ своимы малымы рукамы й ногамы видбувала, хочъ матери за те плачено менше, що вона зъ дытыною була. Та якъ умерла маты, то тоди вже й свитъ бидній дивчыни потьмарывся. Маты хочъ и погримае, и попобъе було, та й пожалуе,—Левантыни й сонечко засміется. Тоди було Левантына гнивалася на матиръ, якъ та часомъ ударыть, а теперъ бы й рукы тіи цилувала, якъ бы былы. Та важка земля на грудяхъ. У наймахъ, кажуть, и батька не вжаліешъ. А вже сироту, то й не думавъ нихто жалиты. Ходыла й по снигу боса, йила й такый хлибъ, що собаци треба размочыты въ помыйныци, та й тоди вона не схоче. Що вже на вулыци хлопци та дивчата прыкладкы до неи прыкладають, загадкы: Вгадайте—що на свити найшвыдче бига? Левантына, якъ іи хазяйка потылышныкамы нагодуе. Панночкою та прыплентачкою дражнють...

Де що зъ усёго цёго Левантына розсказувала й Романови. А винъ жаливъ іи, що вона така гарна та молода та поневиряется въ наймахъ. Вона ёму така вдячна була за ёго ласку, бо мало іи бачыла, и казала про те, якъ ій и теперъ важко жыты въ Струкивъ, що дуже зъ неи знущается сердыта й лаюча Стручыха. А одного разу Романъ изнайшовъ іи на левади, якъ вона сыдила й тяжко плакала. Стручыха попобыла іи качалкою ни за що: хтось изъ хазяйськыхъ дитей побывъ лямпадку биля богивъ, а хазяйка звернула на неи. Левантына плакала й нарикала на свою долю, а Романъ розважавъ іи ласкавымы словамы и прыгорнувъ до себе. Вона вже не пручалась и не счулася, якъ винъ ставъ іи цилуваты, и вона ёго цилувала... плакала й цилувала и звала братикомъ и мылымъ, и ридненькымъ... и ій такъ гарно, гарно стало... и вона забула Стручыху зъ качалкою и все забула... сыдила зъ имъ обнявшыся и розмовляла... и взыралася зъ имъ очыма при мисяшному сяеви...

Зъ того часу Левантына вже вважала Романа за свого парубка, за женыха и поводылася зъ имъ такъ, якъ звычайно дивчата на сели зъ своимы женыхамы поводются. И якъ звычайно на сели бувало, винъ ставъ ходыты до неи ночуваты въ

повитку, и воны такъ любо розмовлялы довгымы ночамы. И ій здавалося, мовъ того Романа, що такъ негарно займавъ ій спершу, вже й не було. Винъ бувъ такый, якъ и вси сильськи парубкы, поводывся зъ нею чесно, по правди. И де-дали, вона ёго все дужче та дужче кохала.

А Романъ, вертаючыся видъ Левантыны зъ повитки до дому, разъ-по-разъ думавъ: Докы жъ воно такъ буде? Ёго роспоганеній городянськымъ жыттемъ удачи вже докучало чесне коханне, озывалася ёго звиряча прырода...

А бидна дивчына того ничого не знала, не розумила, видавала ёму всю свою душу и не помичала, що вона вже надійшла ажъ на край страшнои безодни: ще разъ ступны тіею стежкою дали наперед, и вразъ зныкне земля пидъ ногамы, и, скрыкнувшы страшно, якъ птыця пидстрелена, впаде вона туды вглыбъ, хапаючыся рукамы за повитре, обрываючы тило объ гостре каминне... и падатыме довго—ажъ покы вдарыться головою объ останню въ ій жытти скелю и ляже на дно безодни вже бездушнымъ покаличенымъ трупомъ...

Увесь цей часъ батько не займавъ Романа: дожыдався. И сынамъ звеливъ не займаты. Зъ Зинькомъ се лехко було, бо той удався лагиднои вдачы та й самъ такъ думавъ, якъ и батько. Але Денысъ лютувавъ страшенно: винъ такый невсыпущый хазяинъ, працювавъ до кривавого поту, видпочыну николы не знавъ и не знае, а сей дармойидъ, се ледащо буде переводыты добро, надбане ёго, Денысовою, працею, дурно йистыме хлибъ, зароблены ёго рукамы! Та вже хочъ бы йивъ мовчкы, а то ще й велычается, ще й несется! Де жъ такы се выдано? Якъ се можна терпиты?!

Денысъ сёго не розумивъ и сперечався зъ батькомъ та зъ матиррю. Винъ бувъ зъ тыхъ селянъ, що по-за господарствомъ ничого не бачуть, а всю свою сылу, вси свои думкы й почування виддають одному—абы прыдбаты больше, абы статы заможнымъ хазяиномъ. Працюючы тяжко, не жаліючы ни себе, ни своихъ, воны не розуміють ни иншыхъ думокъ, ни иншыхъ

порываннивъ, оприче тыхъ, якымы самы жывуть. Черезъ те Денысови Зинько здавався трохы дурнымъ зъ ёго думкамы про книжкы и про всяки инши, не хазяйськи, справы. А вже тыхъ, що стають имъ на ихъ тяжкій дорози, перешкожають имъ своимъ недбальствомъ, ледарствомъ досягаты бильшого,—такыхъ людей воны ненавыдють якъ найгиршыхъ злочынцивъ и лыходіивъ. Проты такыхъ людей озывается крыкомъ кожна крапля ихъ трудовныцького поту, кожный рухъ ихъ натомленого важкою працею тила. И въ ихъ немае тоди жалю...

Але батько заборонывъ займаты Романа,—самъ хотивъ зъ имъ, якъ прыйде той часъ, говорыты. Денысъ доси звыкъ слухатыся батька, то скорывся й сёго разу, хочъ серце въ ёго й кыпило, и винъ такъ поглядавъ на Романа, що той и безъ слывъ добре розумивъ, якымъ духомъ на ёго Денысъ дыше. Браты мало розмовлялы, мало бачылысь, але промижъ ихъ уже зростала слипа зненàвысть, покы ще нима, але дожыдала тилькы часу, щобъ выявытыся, выбухнуты. И той часъ прыстыгъ.

Одного разу Романъ, проспавшы, писля безсоннои ночы зъ Левантыною, трохы не до обидъ, увійшовъ у хату и сàме натрапывъ на батька зъ Денысомъ.

— А що, Романе, якъ же твоя служба?—попытавъ батько.

— Прыйде колысь и служба!—видказавъ нехотя Романъ.

— Чы вона прыйде, чы ни, то ще хто ёго зна,—не вдержавъ языка Денысъ,—а покы выходыть такъ, що ты соби паномъ дило жывешъ, а мы на тебе робымо.

— А то жъ! На то я Богу-государю служывъ, шобъ теперъ зъ выламы до гною йты!

— Не кажы дурныць, Романе!—озвався знову батько.— Адже инши салдаты роблють мужычу роботу—онъ и Петро, и Карпенко, и Грыценко,—а тоби жъ чомъ не можно?

— Колы роблють, то й хай соби роблють, а я не можу.

— Эчъ!—не втерпивъ знову Денысъ,—панъ! благородный! Воны не можуть мужыцькои роботы робыты: биленьки ручкы покаляють! Дакъ не жывы зъ мужыкамы, а йды соби до панивъ!

— Денысе, цыть!—сказавъ батько.—Я буду говорыты.

Але було вже пизно.

— Ты мени не указъ!—вызвирывся Романъ на Деныса.—Можешъ ты знать понятіе, необразована ты мужва!

Денысъ зовсимъ скыпивъ. Побиливъ, зирвався зъ лавы, стыснувъ кулакы и сказавъ, задыхаючыся зо зла:

— Тату! выженить ёго зъ хаты, а то я ёго заразъ бытыму!

— Ты сміешъ мене быты?—скрыкнувъ Романъ и кынувся до Деныса.

— Романе! Денысе! Покыньте! Що це вы робыте?—спынявъ ихъ батько. Маты скрыкнула, а билява Денысова Домаха такъ и занимила, стоючы биля полу.

Браты на все те вже не зважалы. Воны стоялы одынъ передъ однымъ били, якъ крейда, постыскавшы кулакы, важко дыхаючы.

— Ты сміешъ мене быты?—казавъ тремтючы Романъ. Ты, негодяй! хамъ!

— Я—негодяй? Ахъ ты падло салдацьке!—скрыкнувъ Денысъ, але въ сю мыть Романивъ кулакъ ударывъ ёго по облыччу и прынынывъ ёму слова.

Денысъ скрыкнувъ дыко, якъ пораненый звиръ, и кынувся на Романа. Але той здоровый, одгодованый, не знесыленый на праци, въ одынъ ментъ збывъ ёго додолу пидъ себе и прыдавывъ ёму колиномъ груды.

Жинкы заголосылы, диты закрычалы и вчепылысь за матиръ; батько кынувся видтягаты Романа, але ничого не мигъ изробыты: розсатанившы, той ухопывъ брата за горло, а Денысъ сылкувався видирваты ёго руку видъ своеи шыи.

Въ цю мыть увійшовъ у хату Зинько. Побачывшы лыхо, кынувся до Романа и штовхнувъ ёго зъ усеи сылы. Зъ несподиванкы той упавъ набикъ, и Зинько видтягъ ёго дали.

— Романе! що ты робышъ? Чы тоби й Бога не страшно?—скрыкнувъ винъ.

Романъ зирвався на ногы и стоявъ усе ще зъ стысненымы кулакамы, ладѣнъ заразъ же знову кынутыся на Деныса.

— Нехай не въязне!..—хрыпко, кризь зубы сказавъ винъ.

Денысъ стогнучы вставъ и сивъ на лави. Домаха прыпала до ёго, голосючы. Романъ плюнувъ и пишовъ зъ хаты.

Ишовъ вулыцею и сердывся самъ на себе, що вернувся зъ города на село. Якъ ёму тамъ добре було на служби! Звисно, винъ службу не по воли кынувъ, хочъ и ховався зъ цымъ на сели. Винъ справди служывъ „пры палати“—хочъ не швайцаромъ, дакъ сторожемъ. Якъ бы швайцаромъ, то ничого бъ и не було. А то надало ёму разъ полаятыся зъ швайцаромъ такы (выпывшы бувъ), а той и пожалився на ёго, ще й выказавъ, якъ винъ одного разу ніймавъ Романа, що той продававъ казенни дрова. Тоди ёму Романъ давъ карбованця, дакъ винъ мовчавъ, а теперъ выказавъ. Велыка сторія, якъ продавъ якый оберемокъ дровъ! А самъ швайцаръ хыба того не робывъ?—тилькы, що ховатыся добре вмивъ! Звисно, якъ прогналы Романа, то вже писля цёго важко було въ городи знайты службу, та все жъ лекше, нижъ тутъ. А теперъ онъ якъ тутъ жыты!

Романъ побачывъ передъ себе монополію, зайшовъ туды и купывъ пляшку горилкы. Тоди пишовъ до жыдка. У „лавци“ горилкы не можна було пыты, дакъ заразъ биля „лавкы“ жыдокъ мавъ хатку и пускавъ туды людей,—такъ, нибы своихъ гостей, а за те мавъ одъ кожноі выпытоі пляшкы плату. Навить самъ бигавъ по горилку. Романъ прыйшовъ туды и зострився зъ пысаремъ. Сей хочъ уже й выпывъ попереду, а заразъ же прыставъ до Романа, якъ той почавъ ёго частуваты. Добулы закускы, выпылы пляшку, а тоди пысарь послався по другу. Романъ жалився на батька й на бративъ.

— Чудный ты, Романе Пылыповычу!—видказавъ ёму пысарь.—Якъ отакъ тоби колотыться зъ имы, то нехай тебе батько виддилыть та й годи. Тоди якъ хотитымешъ, такъ и жытымешъ.

Романови ся думка сподобалася. Боявся тилькы, що батько не послухается. Але пысарь упевнявъ ёго, що се дурныця, що мусыть послухатыся.

Романъ повернувся до дому вже пизно ввечери пъяный и зъ замиромъ заразъ-же вымагаты, щобъ батько ёго виддилывъ. Але, пидійшовшы до хаты, побачывъ, що тамъ уже погашено свитло. Поторгавъ за двери,—засунени. Вылаявся и пишовъ спаты въ повитку.

Другого дни въ-ранци ввійшовъ у хату, якъ тамъ була вся симъя. Ни на кого не глянувшы, сивъ на лави и сыдивъ якый часъ мовчкы, торохтючы пальцямы по столу. Вси мовчалы, а батько, трохы дывуючысь, поглядавъ на ёго, думаючы, що може покаявся та прыйшовъ помырытыся зъ братомъ. Не казавъ ничого,—ждавъ покы самъ озветься.

— Знаете шо, тату?—почавъ Романъ своею звычайною ламаною мовою,—якъ такъ намъ жыть, дакъ вы лучче оддилить мене. Оддайте мою часть, то я самъ соби жытыму, а вы сами соби.

Це все винъ казавъ якось такъ, мовъ бы то батько бувъ выненъ за те все, що було вчора. Старый Сывашъ помовчавъ, а тоди спытався:

— А що жъ ты зъ своею часткою робытымешъ?

— То вже мое дило,—що схочу, те й зроблю,—одказавъ сáме такымъ робомъ, якъ и попереду, Романъ.

— Та ще жъ вона покы не твоя, то ты вже мени скажы, щобъ я знавъ, на що даваты.

— Тату!—озвався Денысъ.

— Мовчы!—перепынывъ батько, боячысь учорашнёго.—Я й безъ тебе знаю, що робыты, а колы не вдержышъ языка, то зъ хаты выйды!

— Може хазяйноватымешъ, Романе, на своій частци?—пытався знову батько.

— Не хочу я хазяйнуваты,—кумерцію заведу,—видказавъ Романъ.

— Кумерцію... Яку жъ то кумерцію?

— Яку схочу, таку й заведу, а вы повынни мени мою частку виддаты.

— Повыненъ, кажешъ?—спокійно говорывъ батько.—А якъ не видламъ?

— То пиду въ волость, то васъ и прысылують оддаты.

— Ну, покы тамъ прысылують, а теперъ я тоби ось що скажу: пидожды ще трохы, навчыся поважаты батька й бративъ та не кыдатыся зъ кулакамы; навчыся спершу знову робыты, шануваты зароблене добро та не ходыты въ шынкъ до жыда, то тоди я тоби й дамъ частку, якъ побачу, що зъ тебе хазяинъ ставъ. А покы сёго не буде, то й зъ нашого добра ничого тоби не буде.

По тій мови батько повернувся й пишовъ зъ хаты.

Романъ остався ни въ сыхъ, ни въ тыхъ. Винъ тилькы сказавъ: „Ни, я такъ не дозволю! Це грабижъ"! уставъ и пишовъ, мовъ бы слидкомъ за батькомъ.

Трохы згодомъ батько вернувся.

— А що, вже пишовъ?

— Пишовъ!—одказавъ насмишкувато Денысъ, радіючы, що такъ обійшлося.

— А якъ на мою думку, тату,—сказавъ Зинько,—то вы краще бъ изробылы, якъ бы справди виддилылы Романа.

— Чого жъ то такъ, що краще?—спытавъ знехотя батько.—Оддаты, щобъ винъ узявъ та розмантачывъ працею-кривавыцею зароблене добро?

— Та вже, тату, якъ винъ самъ себе не направыть, то вы ёго не направыте. Воно жъ и ёго частка тутъ е,—и винъ-же робывъ. А може винъ якъ стане самъ хазяиномъ, то визьметься й робыты, шануватыметься.

— А вже жъ! саме такый!—глузуючы промовывъ Денысъ.—Выдно й збоку.

— Та вже жъ и мы ёго луччымъ не зробымо, а тилькы буде сварка та лайка та бійка. А якъ визьме свою частку, то що тамъ уже зъ нею буде, те буде, а хочъ у насъ у симъи стане тыхо, злагода знову буде,—доводывъ свого Зинько.

Маты встряла въ розмову, хотючы пособыты Зинькови.

— А Зинько правду каже, старый. Послухайся ёго! И намъ лучче буде, и Романови.

— Нехай же спершу покорытся та пошануется!—сказавъ батько.—А марнотратови ничого не дамъ, и говорыты бильше про це не хочу.

Зъ тымъ завернувся та й пишовъ зъ хаты до роботы, а сыны слидкомъ за имъ.

Романъ тымъ часомъ сыдивъ уже зновъ у жыдка. И сёгодни знайшлысь товарыши, и якъ Романъ выйшовъ на вулыцю, то въ ёго въ голови вже здорово гуло. Ишовъ и думавъ соби.

— Катъ ёго знае, що ёго робыты! Батько впертый, якъ та скеля. И громада потягне руку за имъ, а не за мною. Эхъ, якъ бы давъ ёму добре такъ, якъ Денысови, то може тоди помнякшавъ-бы!

Романъ бувъ такый лыхый на батька, що ладѣнъ бувъ бы ёго попобыты. Якъ ёго теперъ жыты? Що ёго выгадаты?

Ёго думка навернулася знову на ту стежку, що на ій уже колысь попереду була. Боявся тилькы почынаты, бо мало було надіи, що пощастыть. Але боявся, якъ бувъ тверезый. Теперъ же ёму здавалося, що справа вже не така безнадійна.

Хыба якъ винъ крамарь, то така вже велыка цяця? А Романъ салдатъ! Пышется: Сучковъ. Хе! Такый Сучковъ, якъ Романъ Сывашовъ! Та ще й Горпуша та ёго й прыстаркувата, и зъ себе погана. Ще нехай и дякуе, що посватае. Нехай оддае швыдче, а то зостанется на насинне. А ёго, Романа, за товарыша соби прыйме. Романъ торгуватыме. Ого-го! Винъ тамъ такый порядокъ дасть, що ну! А не схоче товарышемъ прыйматы,—хай грошей дасть. Вже жъ дасть! Одна дочка, та щобъ не давъ. Та ще й за-для такого зятя!

Романъ повернувъ праворучъ и пишовъ у двиръ до Сучка.

Якъ винъ увійшовъ до ёго въ хату, то тамъ никого не було. Романъ голосно кахыкнувъ. Зъ другои свитлыци вызырпула Сучыха Агахьія.

— Мое нижающее!—поздоровкався Романъ.—Якъ бы мени Мыхайла Грыгоровыча побачыть?

— Винъ у лавци,—пидить туды.

— Невозможно въ лавци: дило секретне,—треба на самоти.

— Що жъ тамъ за дило?—зацикавылася Агахвія и выйшла до Романа.—Кажить и мени!

Романъ усмихнувся.

— Одлычное дило! Будете й вы, Агахвія Ивановна, знать современно, а теперь позвить мени Мыхайла Грыгоровыча.

Агахвіи закоркотило довидаться швыдче, яке тамъ дило, и вона пишла въ крамныцю. Незабаромъ видтиля прыйшовъ Сучокъ.

— А за якымъ-же се вы диломъ?—спытався винъ, якъ поздоровкалысь та посидалы.

— Пречудесне дило! Ось слухайте, Мыхайло Грыгоровычъ, що я вамъ скажу!

— Кажить!

— Есть у васъ кумерція?

— А есть.

— А помошныкъ вамъ у кумерціи есть?

Сучокъ зитхнувъ:

— Нема!.. Не давъ Господь сына.

Винъ завсигды журывся, що въ ёго нема сына.

— А я вамъ найшовъ помошныка та ще й доброго.

— Хто жъ то?—спытавъ Сучокъ, чудуючыся зъ Романовыхъ сливъ.

— А хто жъ? Я!.. А що, хыба не ловкый куннаніёнъ?

— Та воно, звисно...—якось непевно видказавъ Мыхайло Грыгоровычъ.—Та... тилькы якъ-же це воно буде? Вы якый копыталъ маете, або-що, дакъ хочете, щобъ у куннаніи?

— На шо тамъ копыталъ? Мы й безъ копыталу такъ ушкварымъ, шо первый сортъ! Оддайте за мене вашу Горпушу, а я буду вамъ помошныкомъ.

Сучокъ вырячывъ на Романа очы. А той, не помичаючы сього дывування, пытався:

— А шо, правда,—хороша выгадка?

— Та воно хороша... та тилькы, бачыте, мы ще не думаемо дочкы виддаваты.

— Отъ, выгадкы! А докы жъ будете держать? Вона жъ и такъ прыстаркувата.

— Найдутся люде!—видказавъ, трохы вже образывшысь, Сучокъ и додавъ:—Знаете шо, Романе Пылыповычу? Кыньте вы се дило, бо се одынъ пустякъ!

— Пустякъ? Шо вы думаете, шо я не зумію торгувать? Дакъ вы дайте мени за Горпушою грошей, то я самъ заведу торговлю таку, шо тилькы ну! Ого-го!

— Ну, се тоже пустякъ—дило!—зважлыво сказавъ Сучокъ и вставъ.—Прощайте,—треба въ лавку.

— Та постойте, Мыхайло Грыгоровычъ, чы вы не розбираете, чы що, шо я вашу Горпушу сватаю?—спынявъ ёго Романъ.

— Чомъ не розбираю? Дайже очынь хорошо розбираю.

— Ну, дакъ чого жъ вы?

— Нема мого жоланія за васъ іи оддать.

— А чому жъ бы то й ни?—спытався дратуючысь Романъ.—Чоловикъ я образованый, понимающый... А што родытели въ мене мужыкы, то ето ничого: я объ ныхъ тогда буду безъ уныманія.

Сучокъ почынавъ уже лютуваты и де дали дужче сопты. Винъ уже чувъ, якъ поводыться й ледарюе Романъ, знавъ про бійку зъ братомъ, бачывъ, що въ Романа грошей нема, и розумивъ, куды винъ теперъ циляе: перевесты, рострынькаты вси ти грошыкы, що винъ, Сучокъ, надбавъ. Облычче въ крамаря зъ гнивà почервонило, и винъ, самъ того не сподивавшыся, крыкнувъ на всю хату:

— Та що ты соби думаешъ? Ахъ ты, голякъ! Ище й прымазуется до порадошныхъ людей! Ступай, ступай, видкиля прыйшовъ!

Такъ гримнувъ, що Романъ збентежывся вразъ и, ни слова не кажучы, пишовъ зъ хаты. Тилькы вже биля дверей схаменувся.

— Ты тоже не очынь!—крыкнувъ винъ, повернувшысь до Сучка.—Сміешъ ты салдата, который кровъю своею васъ, хамовъ, защыщалъ, такъ оскорблять? Наплювать мени на тебе й на твою дочку.

— Вонъ! Пошовъ во-онъ!—ажъ затупотивъ ногамы крамарь, але Романъ уже бувъ у двори, а дали й на вулыци. Соромъ и злисть мордувалы ёго, соромъ, що такъ имъ погордовано, злисть за сю зневагу й за те, що ни звидкы винъ не бачывъ помочы. Уси воны однакови: и батько, и Денысъ, и цей Сучокъ! Жыття зо имы нема, способу ніякого нема! Такъ бы ихъ усихъ!.. Не знае й самъ, що винъ зробывъ-бы имъ, тилькы виддячывъ бы такъ, щобъ ажъ запекло, щобъ ажъ заскавучалы воны!.. воны—вси, уси ци прокляты мужлаи!.. Яки воны дурни й гыдки теперъ здавалыся Романови!

Винъ не пишовъ ни до-дому, ни до кого, бо на всихъ лютый бувъ. Зновъ довго блукавъ по за селомъ, ходывъ у байраци и вже надъ вечиръ вернувся додому.

Пишовъ просто у-садокъ и стрився тамъ изъ Зинькомъ.

— А я тебе дожыдався, брате,—сказавъ Зинько.

— А на що?—спытавсь нехотя Романъ.

— Хотивъ щось тоби сказаты.

— Кажы!—промовывъ Романъ байдужно, лягаючы на траву пидъ деревомъ.

— Бачъ, Романе, що я думаю,—заговорывъ Зинько й соби сившы биля його.—Почалысь у насъ у симьи сварки... А де дали, то ще й дужчи будуть. Тоби не добре, та й батькови невесело такъ изъ тобою жыты. Винъ бы тебе й оддилывъ, якъ бы не боявся, що ты все переведешъ. Дакъ ты такъ изробы щобъ не боявся батько.

— А якъ же ёго зробыть? Зъ такымъ батькомъ хыба що зробышъ?

— А неправда жъ, Романе,—нема чого нарикаты на батька, колы самъ погано робышъ: своимы гордуешъ, кудысь у паны пнешся... Зъ того доброго ничого не буде.

— Понимаешъ ты тамъ!

— Та вже жъ, може, трохы й я тямлю. Отъ ты розберы самъ. Службы тоби ще ніякои нема, може й довго не буде; оддиляты тебе батько не хоче. Доводыться тоби покы въ насъ жыты. А яке жъ воно жытте буде, колы разъ-у-разъ сварка?

— Нехай мене не зачипають!

— Та де жъ воны тебе зачипають? Воно жъ такы правда, що треба жъ щось робыты, не можно дурно хлибъ йисты. И Денысови крывдно: винъ же робыть. Уже отъ вы й былыся, а дали ще гирше буде. Що жъ воно зъ того доброго? Краще ты, Романе, помырыся зъ батькомъ та зъ братомъ та пособляй хочъ трохы въ роботи... покы знайдешъ соби службу. А тамъ батько, бачывшы, що ты шануешся, и оддилыть тебе... Хочъ крутысь тамъ на роботи,—я вже тоби пособлятыму такъ, що воны й не знатымуть,—абы щобъ сваркы не було.

Зинькова прыхыльнисть такы зачепыла за серце Романа. Ходючы сёгодня по байраку, винъ уже багато думавъ про те—якъ винъ дали жытыме въ симьи. Ничого не мигъ выгадаты, хоча й бачывъ, що такъ дали жыты не можна. Винъ отказавъ Зинькови:

— Якъ-же я покорюсь? Зъ мене жъ люде сміяться будуть.

— Чудный ты! А теперъ изъ тебе люде не сміются? Та все село вже тебе взяло на глузы. Чого жъ ты теперъ не боишся того смиху, а тоди ёго тоби страшно? А я тоби такъ искажу: теперъ зъ тебе сміются и дурни́й розумни, а тоди колы й сміятымутся, дакъ сами́ дурни́.

Романъ подумавъ трохы й видказавъ:

— Ну, гараздъ... Може бъ я й зробывъ... Не за для ихъ, а за для тебе, що ты такый до мене добрый... Та якъ же ёго зробыть? Не пиду жъ я до ихъ кланяться!

— Та й не ходы. А тилькы визьмы та й выйды завтра на роботу та й робы. А тамъ воно вже якось самѐ станется...

— Нехай-же подумаю,—може й выйду...

И справди, другого дни выйшовъ городыты тынъ изъ Зинькомъ. Денысъ глянувъ на ёго зъ-пидъ лоба, батько здывувавсь, але нихто ничого не сказавъ. Тилькы Зинько дуже зрадивъ, клопотався зъ Романомъ, гомонивъ и все зводывъ, щобъ и зъ батькомъ та зъ Денысомъ у ихъ розмова була. Маты ёму пособляла. Одначе ти мовчалы.

Романъ робывъ увесь день. Въ ёго заболила спына, рукы, ногы. Другого дни винъ выйшовъ бувъ на тикъ, але робывъ тилькы до снидання. Поснидавшы, винъ уже не пишовъ туды и бильшъ уже не брався до роботы. Зинько и вмовлявъ ёго, и прохавъ, та ничого не пособылося. Романови здавалося дуже важко робыты, батько не зласкавивъ одразу, та й соромъ було передъ селянамы, що винъ высоко литавъ, а теперъ нызько сидае.

Тымъ часомъ чутка про ёго сватанне въ Сучка пишла по селу. Дочулась про се й Левантына. Вона одного разу почала плакаты й казаты Романови, що винъ ии покыдае, бо сватае Сучкивну.

— Тю на тебе!—видказавъ Романъ.—То все дурныця! То я бувъ выпывшы та для штукы й пишовъ, щобъ посмiятыся. А воны зъ велыкого розуму думалы, що я й справди на ихъ ступу-Горпушу окомъ накынувъ.

И винъ почавъ ии цилуваты и прыгортаты и казавъ, що винъ ии ни на кого не зминяе и свататыме скоро—отъ заразъ, тилькы службу знайде... Все це вона вже чула, та й не разъ, але кого любышъ, тому хочется вирыты. И вона вже вирыла ёму и казала:

— Гляды жъ, Романочку, не зрадь мене! Бо якъ ты не пожалiешъ, то хто жъ мене пожалiе? Находь службу швыдче, бо...

Левантына замовкла, а Романъ зновъ почавъ ии улещаты, и вона забула свiй сумъ.

Идучы Романъ одъ неи до-дому, самъ соби думавъ:

— Треба справди службу швыдче знаходыты та тикаты звидсиля. А то, гляды, ще Левантына дытыну знайде, то клопоту повна голова буде.

И другого жъ дни пишовъ у сусидню окономію. Сёго разу ёму пощастыло. Въ окономіи бувъ лисъ, а въ лиси два сторожи. Одынъ несподивано покынувъ службу й пишовъ до-дому сáме въ той день, якъ Романъ туды прыйшовъ. Зважывшы на ёго салдацькый билетъ, управытель узявъ ёго за пидстаршого сторожа до лису. Не вподобалась Романови ся служба, та иншои не було. Жыты доводылося въ лиси, въ одній хати зъ старшымъ сторожемъ. Сей разъ-у-разъ посылавъ Романа нá ничъ обходыты лисъ и вартуваты тамъ. Спершу Романъ ходывъ, а дали ёму очортило, та й за Левантыною занудывсь. Одніеи ночы, замисто щобъ обходыты лисъ, майнувъ до неи (верстовъ зъ висимъ туды було) и зъ того часу почавъ навидуватыся до неи ночамы частенько. А тымъ часомъ люде зъ того села, де була окономія, заходылысь коло Романа. Воны булы дуже вбоги на дерево, то часто кралы ёго въ панському лиси,—часомъ нышкомъ отъ стороживъ, а часомъ, якъ сторожъ бувъ не лыхый, то купувалы въ ёго дерево за дешеву цину: дадуть ёму якого рубля, чы пивъ рубля, та й нарубають чого треба. Лисъ велыкый, то не скоро помитышъ кожне зрубане дерево. А сторожъ нибы того й не знае. Романа воны не довго вмовлялы, и винъ почавъ добуваты соби такымъ робомъ грошы. Винъ зовсимъ не берігся и попускавъ рубаты стилькы, що вже й выдко стало. А тутъ ище одынъ чоловикъ, не поеднавшыся зъ Романомъ за цину, та й выказавъ на ёго. Все выявылось, и Романа прогнано зо службы, ще й грошей не виддано... хочъ винъ не багато й заробывъ, бо не прожывъ тамъ и мисяця. Довелося знову до батька вэртатыся.

IV.

А на сели страшенно сміялыся й глузувалы зъ Романа, лаялы за лежни та за те, що высоко нисся. Ёго прыятели—пы-

сарь, урядныкъ, дякъ та инши—булы до ёго прыхыльни, покы въ ёго бряжчало въ кышени, и винъ частувавъ ихъ горилкою. Та винъ давно вже повытрусювавъ свои кышени, вытрусывъ и матерыну скрыню. На сели скризь почалы зваты Романа голодрабомъ, ледащомъ. Прыятели почалы одвертатыся, стриваючысь на вулыци. Про те, щобъ хто ёго въ гостыну до себе заклыкавъ, Романъ забувъ уже колы се й було.

Дуже се ёму було прыкро. И не черезъ те, що зъ тыхъ прыятеливъ якесь ёму добро було, а такъ, соромъ, що отъ зъ усима въ товарыстви бувъ, а теперъ занехаяно ёго. Винъ незнать що давъ бы, абы хочъ трохы де добуты грошей та знову прывернуты до себе своихъ прыятеливъ зрадлывыхъ... прывернуты, повелычатыся трохы, щобъ усимъ зацыпыло, та тоди хочъ и зъ села.

Надто, що й обирвався вже. У ёго тилькы й було одежы, що на ёму. А одного разу вночы, черезъ тынъ перелазючы, розидравъ свого „пиджака“. Хочъ и полатала маты, та вже не вдержышъ ёго цилымъ, якъ почало дратыся... уже онъ и ликти выдко... Грошей, хочъ крычы, треба, а де ихъ визьмешъ?

Се було черезъ скилькы день писля того, якъ вернувся Романъ до-дому зъ лису. Одного разу, мисяшнои ночы, идучы видъ Левантыны черезъ тикъ до повиткы спаты, винъ побачывъ на току ворохъ пшеныци. У ёго промайнула въ голови думка:

— Якъ бы набраты цiеи пшеныци та виднесты до Рябченка!

Чого ёму спавъ на думку сей Рябченко? Отъ, и самъ винъ не знае... Такъ, чогось изгадався...

Рябченко бувъ такый соби чоловикъ у ихъ на сели. Винъ мало хазяйнувавъ, трохы шывъ чоботы, а бильше—подейкувалы люде—накладавъ изъ злодiямы. Певне довесты того нихто не мигъ, але на сели кожне звидкись знало, що хочъ винъ самъ и не краде, дакъ злодiйське передержуе. У ёго килькы развивъ и трусъ бувъ, та не моглы ничого знайты.

Ото жъ винъ и згадався Романови. Сей купывъ бы пшеныци, якъ бы однесты. Звисно, воно такъ неначе крадижка... а въ тимъ... яка тамъ и крадижка? Адже тутъ и ёго, Романове, добро. Адже й винъ одынъ зъ трёхъ бративъ, то й ёму жъ належыть частка. Хыба жъ винъ выненъ, що батько та Денысъ не дають ёму тіеи часткы? Колы не дають, то винъ може й самъ узяты.

Таке думавъ Романъ, лежачы въ повитци, а дали вставъ та й пишовъ у клуню шукаты мишка. Знайшовъ, прыйшовъ до вороха та й зупынывся. Чы браты, чы не браты? Этъ, що буде!..

Винъ набравъ зъ вороха мишокъ пшеныци и хотивъ несты до Рябченка. Та ни,—треба спершу попытаты ёго.

Нышкомъ, обережно перелазючы черезъ тыны, пройшовъ городамы до Рябченковои хаты. Тамъ уже було погашено. У Романа забылося турботно серце, якъ винъ злегенька постукавъ у викно. Нихто не озвався. Винъ заторохтивъ дужче.

— Хто тамъ?—почувся голосъ изъ хаты.

— А выйды, дядьку, сюды!

Трохы згодомъ двери на двиръ одчынылыся, и кризь ихъ просунулася кудлата голова.

— Хто се? Се ты, Романе?

— Я.

— А чого?

— Пусты въ сины,—не хочу стояты на выдноци.

Роскудлана голова сховалася, и Романъ увійшовъ у темни сины.

— Кажы, що треба.

— Хочешъ пшеныци?

Рябченко не видразу видказавъ. Винъ зрозумивъ, яка то мае буты пшеныця, але вагався, не знаючы, чы Романъ ёго не пидводыть. Може вмысне, щобъ потимъ урядныка навесты. Темна постать Романова ничого не могла ёму про се сказаты: облычча не выдко було.

— Якои пшеныци?—запытався врешти.

— Зъ дому.

— Не брешешъ?

— Чого бъ я ставъ брехаты?

Рябченко ще подумавъ и згодывся:

— Добре!

— По чому дасы?

Рябченко сказавъ пивъ-цины.

— Дешево.

— Знайды дорожче!

Романъ знавъ, що дорожче не знайдешъ, и сказавъ:

— Добре, заразъ прынесу.

— Трохы згодомъ,—якъ мисяць зовсимъ зайде.

— Та винъ уже заходе.

Покы Романъ вернувся до-дому, то мисяць и справди зайшовъ,

Сіеи ночы Романъ однисъ до Рябченка тры мишкы пшеныци, и въ ёго въ кышени забряжчалы грошы. Тоди зъ упокоемъ заснувъ.

Другого дни Денысови здалося, що пшеныци въ вороси наче поменчало; але потимъ винъ подумавъ, що мабуть помылывся, и никому ничого не сказавъ.

Романъ справывъ соби нову черкасынову жакетку, и въ ёго ничого не зосталося зъ тыхъ грошей, що взявъ за пшеныцю. Мусивъ знову ходыты до Рябченка. Сёго разу на току вже не було ничого, то винъ набравъ зъ комори, зъ засикивъ, добравшы до замка старого ключа. Зъ цымъ ключемъ винъ и потôму зазыравъ ще до комори, але робывъ це обережно, щобъ нихто не помичавъ.

Одного разу старый Сывашъ уранци лагодывъ двери въ повитци. Було до схидъ сонця холодно, то вдягъ кожуха. Якъ сонце зійшло, потеплило,—скынувъ ёго та й забувъ у повитци. Тамъ винъ и лежавъ увесь день.

Другого дни Романъ лагодывсь иты ще въ якусь економію шукаты службы. Уставъ рано,—ще вси спалы. Було холодно, а ёго драненьке пальтечко высило въ хати. Спавъ винъ

у повитци и побачывъ доли биля дверей батькового кожуха.. Удягъ ёго.

Въ окономіи ничого не добувся: тамъ уже знали про те, якъ винъ бувъ сторожемъ у лиси.

— Эхъ, жысть мотузяная!—нарикавъ, вертаючыся до-дому, Сонце вже прыпикало,—мусивъ скынуты кожуха й нести.—И якого я чорта ногы бывъ? Ще кожухъ тягны! Пиду въ гбродъ та хочъ продамъ ёго, щобъ дурно не ходыты! Нихто жъ не бачывъ, якъ я вдягавъ ёго.

Завернувсь и пишовъ у городъ. Видъ окономіи туды було верстовъ чотыри. Швыдко ихъ перейшовъ и подавсь у гбродъ просто на базарь. Тамъ жыдкы торгувалы ношеною одежою, сыдючы коженъ надъ купою свытокъ, кожухивъ, чумарокъ, жакетокъ, штанивъ та иншого старого дрантя, кынутого доли або на брудному рундуци. Покупцивъ не було, сами жыды й жыдивкы завзято шваркотиды промижъ себе. Романъ пидійшовъ до одного.

— Жыде, купы кожухъ!

Жыдъ подывывся на кожуха.

— Скилькы хочешъ?

— Десять рубливъ.

— Виддай ёго своему тателе,—може на онучы здастся,— и винъ кынувъ одъ себе кожухъ.

— А ты жъ скилькы даешъ?

— Два рубли.

— Нехай-же твій тателе имы подавытся!

Романъ пишовъ дали, до другого жыда. Але першый жыдъ щось зацвенькавъ до сёго.

— Ны, се такый козухъ, со одна смусына одъ другои смусыны—якъ насъ городъ одъ Одесъ.

— Шо ты брешешъ, жыде? Винъ ище зовсимъ новый, мало й ношеный.

— Якъ бы винъ бувъ новый, то я бъ тоби за ёго давъ десять рубливъ, а якъ винъ такый старый, якъ беззубый собака, то я тоби дамъ за ёго десять злотыхъ.

Ледви продавъ добрячый кожухъ за тры рубли. Гараздъ пообидавъ, выпывъ пыва и пишовъ до-дому.

А дома батько вранци кынувся кожуха и згадавъ, що забувъ ёго въ повитци. Пишовъ туды—нема.

— Мабуть те ледащо вдягло,—подумавъ Сывашъ и не ставъ бильше шукаты.

Але Романъ прыйшовъ увечери безъ кожуха.

— Ты хиба не вдягавъ кожуха?—запытавъ ёго батько.

— Стану я вдягать ваши кожухы! На-чорта винъ мени здався?

Кынулыся тоди вси шукаты, тилькы Романъ—ни. Не знайшовшы старый Сывашъ ничого, почавъ лаяты Романа:

— Колы вже ничого не робыть ледащо, то хочъ бы вже, йдучы, двери въ повитци зачыныло. Мабуть собакы затяглы, а хтось потимъ узявъ.

Романъ ажъ росердывся:

— Шо я, буду за всякымъ доглядать та прыбирать? Самы роскыдають, а я одвичай!

Уси дывувалысь: хто бъ мигъ украсты? Нема, здается, й злодіивъ поблызу, а вкрадено.

Трохы згодомъ Романъ устругнувъ нову штуку. У ихъ у синяхъ высило велыке сало—пудивъ зо два. Двери зъ синей у двиръ запиралыся засувомъ. Винъ уночы нышкомъ одсунувъ ключемъ засувъ, злизъ по драбыни на горище й знявъ сало. Не гаючысь потягъ ёго до Рябченка. Але той не схотивъ прыняты:

— Буде трусъ, може й мене трусытымуть, то знайдуть. Сёго не хочу, се не пшеныця. Заховай денёбудь, нехай перележыть,—тоди визьму.

Романъ пишовъ одъ ёго лыхый. Визьме, якъ перележыть! Байдуже ёму тоди! Тоди Романъ и самъ одтаска ёго въ городъ та й продасть дорожче, нижъ тоби. Романъ уже сердытый бувъ на Рябченка, що той дешево платывъ.

Одначе, не несты жъ сало назадъ. Треба десь ёго заховаты. Де бъ же? Хыба въ тому байрачку, що праворучъ одъ дорогы,

якъ иты въ городъ? Тамъ е одна норя... Недавно Романъ ii бачывъ, якъ ходывъ тамъ. И добре буде потимъ узяты, щобъ несты на базарь.

Романъ пишовъ не вулыцею, а горбдамы и выбрався за село. Пивъ версты видъ села до байрачка перейшовъ швыденько. Знайшовъ знаёму печерьку, запхавъ туды сало, закыдавъ хмызомъ, лыстемъ сухымъ. Тоди мерщій вернувся до-дому.

Другого дни Сываши сполошылыся: сало вкрадено! Маты ажъ заголосыла,—такъ ій жалко було: таке сало товсте та гарне! Батько тежъ бидкався и ніякъ не мигъ зрозумиты: де ти злодіи беруться. Тилькы Денысъ не бидкався, але страшенно лютувавъ, не казавъ ни слова и щось соби думавъ. Романъ покы ще любисинько спавъ.

Послалы Зинька поклыкаты старосту. Прыйшовъ староста зъ людьмы. Подывылыся на сины, подывылыся, що въ ихъ нема сала...

— Отутъ и высило?—роспытувавъ староста.

— Отутъ и высило.

— И забрано.

— А забрано-жъ, забрано, бодай ёму рукы покорчыло!—кляла стара Сывашыха.

— Мабуть же ёго таке забрало, шо вже й заховало добре!—сказавъ староста.

— А мабуть!—додавъ хтось изъ людей.

— Шкода жъ, колы такъ и шукалы!—и староста повернувъ, щобъ уже до-дому йты.

Але Денысъ зазмагався: Якъ же се такъ? Таку шкоду зроблено та й покынуты, та й не шукаты?

— Та де жъ ёго шукаты?—дывувався староста, бо ёму не хотилося клопотатыся.

Денысъ намигся, щобъ потрушено Рябченка. Поклыкалы врядныка, пишлы до Рябченка. Той страшенно росердывся, крычавъ, що воны не сміють ёго „порочыты“, не дозволявъ трусыты и вымагавъ, щобъ Денысъ заложывъ десять карбованцивъ, а тоди вже й трусывъ. Денысъ такый бувъ певный

знайты въ ёго сало, що заложывъ грошы: десятёхъ не було, дакъ хочъ тры. Хытрый Рябченко радый бувъ и тому.

Почалы трусыты. Обнышпорылы хату, хливы, горбдъ—скризь. Ничого не було. Денысъ самъ по килькы развивъ перекопавъ уси закапелкы и все жъ не знайшовъ сала.

Рябченко радивъ: тры карбованци зоставалыся ёму—несподиваный барышъ. А Денысь пишовъ до-дому розлюченый, бо пропало сало, пропалы й тры карбованци. Дома винъ мокрымъ рядномъ напався на батька:

— Якъ соби хочете тату, а я такъ дали жыты не буду! На що вы потураете Романови? Розледащивъ, ничого не робыть, та ще й краде!

— Якъ то—краде?—спытався понуро батько, начуваючыся нового лыха.

— А такъ, що се Романове дило зъ саломъ... та мабуть и зъ кожухомъ.

— Якъ то—Романове? Хыба въ Романа що знайдено?—спытавъ батько ще похмурише, хочъ у самого вже тремтивъ голосъ.

— Хочъ ничого не знайдено, та я знаю, що воно ёго рукъ не мынуло.

— Та якъ же ты сміешъ це казаты?—гримнувъ батько, зирвавшыся зъ лавы.

Денысъ глянувъ на ёго и ажъ перелякався: батько стоявъ передъ имъ блидный, очы палалы якымсь непевнымъ огнемъ, увесь ажъ трусывся, стыснувшы кулакы.

— Якъ ты сміешъ це казаты на свого брата, ничого не знаючы? У нашій симъи николы не було злодіивъ и нема,—чуешъ ты! А ты самъ на свою симью будешъ неславу пускаты?!

Денысъ схаменувся, побачывшы, якъ роздратувавъ батька.

— Та нехай и по вашому, але зá що жъ мы зъ жинкою будемо робыты на ледацюгу? Або проженить ёго, або нехай робыть, або мене виддилить! Шо це таке справди?! Ледащу такый потуръ даваты! Се треба розуму ришытыся.

— Мовчы ты, блазню!—знову розсердився батько.—А то я тоби такого дамъ, що въ тебе останній твій дурный розумъ зъ головы выскочыть! Эчъ, розумнишый уже за батька зробывся! И самъ безъ тебе знаю, що треба робыты, и зроблю.

Саме на цю розмову наскочывъ Романъ.

— Слухай, Романе, що я тоби казатыму!—озвався до ёго батько гнивно.—Годи вже пануваты! Або берысь до роботы, або йды соби куды знаешъ!

— То що? И пиду!—видказавъ Романъ такъ спокійно, мовъ се ёму байдуже було.—Пиду въ городъ,—тамъ соби швыдче службу знайду. Якъ розвелычалысь! Обійдемось и безъ васъ!

Повернувся та й зъ хаты.

Винъ сёго сподивався, що такы Денысъ колысь пидъюдыть батька выгнаты ёго,—винъ певный бувъ, що батько се говорывъ зъ напрáвы. Ну, та не таке вже воно й лыхо. Пиде въ городъ, продасть тамъ сало... Пожыве трохы, покы службу знайде... А колы й не знайде... ну, тамъ выдно буде, що робыты!..

Але Денысъ на тому не переставъ. Мавъ на Романа велыке пересерде и за сало, и за пропащи тры карбованци. Пишовъ до Струка та до кума Терешка Тонконоженка и розказавъ имъ усе, що думавъ про Романа. Тоди втрёхъ заходылыся ёго сочыты: куды той ни пиде, то все якыйсь зъ ихъ на ёго окомъ накыдае, пасе. Батько жъ изъ Зинькомъ ничого про це не зналы, бо звеливъ Денысъ не казаты имъ про се.

Днивъ черезъ два Романъ пишовъ у городъ. Такъ зибрався й пишовъ, що симъя й не знала про це, ни зъ кымъ и не попрощався, навить зъ матиррю. У непевныхъ Денысовымъ поглядахъ винъ бачывъ, що Денысъ думае за сало на ёго,—боявся, щобъ не прысочывъ. А теперъ, пишовшы нышкомъ, думавъ, що вже буде и въ городи, покы дома побачуть, що ёго нема.

Але тры ёго ворогы за-малымъ не нàзырци ходылы за имъ си дни. И Струкъ такы прысочывъ ёго, якъ винъ подався зъ дому. Заразъ кынувся до Деныса.

Ще Романъ выходывъ изъ села, а вже воны втрёхъ, пробигшы манивцямы, сыдилы биля дорогы въ кущахъ у байрачку.

Не довго й дожыдалыся: иде Романъ та просто въ байрачокъ. Двое зосталось тамъ, де сыдило, а Струкъ поплазувавъ обережно помижъ кущамы слидкомъ за Романомъ. Винъ бувъ стрилець, то звыкъ по лисахъ до звира пидкрадатыся.

Романъ ишовъ смило, не боячысь ничого, Струкъ рачкувавъ за имъ здалека. Ось Романъ спынывся, озырнувся,—никого не побачывъ. Положывъ доли свою торбу и почавъ одкыдаты хмызъ одъ печерькы. Поодкыдавъ и вытягъ щось велыке. Струкъ догадався, що се сало, и мерщій метнувся до своихъ.

Воны заховалысь на доброму мисци: Романови немынуче треба було прозъ ихъ иты, бо воны сыдилы ажъ на тому краю байрачка, що до гóрода.

Романъ выйшовъ зъ байраку на шляхъ, зновъ озырнувся туды й сюды,—никогисинько нема. Тоди швыдко пишовъ у городъ.

Трое товарышивъ незабаромъ почулы ёго ходу̀... отъ уже й выдко ёго: иде й щось мугыче соби пидъ нисъ. Сало на плечахъ.

Однымъ скокомъ воны сталы кругъ ёго.

Романъ спынывся враженый и одну мыть, зъ несподиванкы, не знавъ що робыты.

— А куды се ты, Романе, сало несешъ?—спытався глузуючы Денысъ.—Може тоби пособыты?

Здоровенный Романивъ кулакъ ударывъ Деныса по уху, що ажъ каганци тому засвитылыся. Денысъ поточывся, трохы не впавъ, а Романъ тымъ часомъ, кынувшы й сало, побигъ шляхомъ.

Очманившы видъ кулака, Денысъ на мыть спынывся, не розумiючы, що сталося. Але заразъ же побачывъ.

Попереду бигъ Романъ, а за имъ, дуже блызько, Струкъ, а трохы виддаликъ Терешко. Денысъ кынувся за имы.

Але Романъ добре бигавъ и незабаромъ далеко покынувъ позадъ себе и Терешка й Деныса. Тилькы Струкъ гнався за

имъ блызько, зигнувшысь наперед усимъ своимъ довгымъ тиломъ, закыдаючы назадъ швыдки цыбати ногы.

Його опанувавъ мыслывськый палъ. Такъ винъ колысь бигъ за вовкомъ пидстреленымъ: ни́колы було вдруге рушныцю набыты, щобъ стрельнуты, и винъ напружувавъ усю сылу, щобъ наздогнаты закривавленого звира и добыты зъ рукъ, розтрощывшы ёму голову. Такъ винъ бигъ и теперъ, самъ не розумiючы, не думаючы про те—на́ що ёму ловыты Романа и що ёму той Романъ зробывъ. Бигъ и крычавъ инколы:

— Не втечешъ!.. Задавлю!...

Передъ ёго очыма, не перестаючы, швыдко-швыдко мелькалы пъяты, конвульсiйно прытыскалыся до бокивъ высунени назадъ ликти. Си ликти все блыжчи, блыжчи стають... Струкъ выразно чуе, якъ важко дыхае втикачъ... почувае се дыханне.. Напружуется зъ усiеи сылы—отъ-отъ досягне, але й Романъ напружуется... Та не надо́вго. Однымъ останнимъ стрыбомъ падае Струкъ на спыну Романови, валяе ёго додолу. Але ту-жъ мыть Романъ вывернувся й зирвався на ногы. Струкъ, лежучы на шляху, вхопывъ ёго за ногы обома рукамы. Збувшысь ривновагы, Романъ зновъ упавъ и воны счепылыся промижъ собою, качаючысь у пылу на шляху.

— Не втечешъ! Не втечешъ!—хрыпывъ Струкъ.— Не попущу!

— Чого тоби видъ мене треба? Що я тоби зробывъ?— Такъ са̀ме хрыпывъ Романъ, пручаючысь.—Пусты!

И вразъ ище двое впало на ёго, вхопыло ёго прытысло.

— А, дакъ ты такъ!—ревивъ розлютованый Денысъ.— Красты!.. бытыся!.. тикаты!.. Зло̀дiй!.. Душогубъ!.. Отъ я жъ тоби покажу!..

Романъ вызволывъ праву руку и почавъ быты кого й по чому по́падя. Ёго прыгнитылы такъ, що винъ застогнавъ, и скрутылы ёму назадъ рукы поясомъ.

— Теперъ тикай!—знущався Денысъ,—да тилькы не въ городъ, а до волосты!

Пидвелы ёго и стоялы, видпочываючы, вси четверо—задыхани, знеможени, въ подраній одежи, зъ умазанымы облыччамы у кровъ, змишану зъ шляховымъ пыломъ. У бійци Денысови розбыто носа, и винъ поплямывъ своею кровъю й иншыхъ.

— Ходимъ!—смыкнувъ Денысъ Романа.

— Не пиду!

— Ходимъ, бо потягнемо, якъ падло!

— То й тягнить!—Романъ упавъ на шляхъ.

Але Денысъ ухопывъ ёго за верёвку й потягъ по шляху, що ажъ рукы тому выверталыся. Романъ ойкнувъ.

— Уставай же, бо ще гирше буде!

Романъ уставъ. Пишлы до села. На дорози забралы покынуте сало. Терешко йшовъ зъ имъ попереду, а дали Романъ, а за имъ Струкъ изъ Денысомъ, держучы ёго за кинець пояса, що звъязувавъ рукы. Мовчалы вси. Такъ увійшлы въ село.

— Куды жъ ты?—спытавъ Струкъ.

— У волость,—одказавъ Денысъ.

— А може бъ до батька ёго? Нехай повчыть!—порадывъ Терешко.

— Такый, що повчыть!—одповивъ Денысъ.—У волость!

Повернулы до волосты. Здывовани люде спынялыся, поглядаючы на сю чудну, незвычайну процессію, и не моглы ничого зрозумиты. Дехто пидходывъ и пытався, але, и ти, поспишаючыся, йшлы дали.

Увесь часъ Романъ мовчавъ. Але якъ уже пидійшлы до волосного рундучка и винъ ступывъ на ёго ногою,—тоди повернувся до Деныса:

— У, Ироде!—и плюнувъ ёму межи очы.

— Денысъ рванувся бувъ до ёго, але заразъ же спынывся.

— Пострывай,—побачымо, що въ холодній заспиваешъ!—утерся, и вси вкупи вступылы до волосты.

Тамъ булы писарь, старшына, вряднык. Воны ажъ не стямылыся зъ того дыва, що побачылы. А Денысъ, не зважаючы на те, почавъ оповидаты, що ось воны піймалы злодія зъ

саломъ, и вымагавъ, щобъ написано протокола и посажено злодія въ холодну. Говорывъ такъ, мовъ бы се не про брата, а про когось зовсимъ ёму невидомого й чужого.

— Що ты, Денысе? Бога ты не боишся, людей не страмышся? Брата?!—дорикавъ ёму старшына.

— А хочъ и братъ, да колы таке ледащо...

Тоди озвався Романъ: воны на ёго напалы, каличылы, нивечылы ёго!.. Денысъ завсигды пекломъ на ёго дыхавъ... И теперъ хоче занапастыты... Звуть ёго злодіемъ! А почóму воны знають, якъ у Романа те сало опынылося? Може ёму батько самъ ёго давъ.

Волосни зъ урядныкомъ не зналы, що имъ робыты. Имъ було жалко Романа и гыдко Деныса слухаты, а про те все жъ це було злодійство. Врешти пособывъ писарь:

— По закону такъ: колы бъ сынъ у батька що и взявъ, а якъ батько простыть, то й суда нема ніякого.

— Се правда, такъ!—додавъ урядныкъ.

— А колы такъ, дакъ що тутъ казаты?—озвався старшына. Це не наше дило, а батькове. Сторожъ! розвъяжы ёго!

Сторожъ у-купи зъ Струкомъ розвъязалы бидолаху. Струкъ теперъ уже зовсимъ прохоловъ и самъ на себе гнивный бувъ, що въ таке встрявъ. И Терешкови було ніяково.

— Мы вси тутъ дило бачылы й чулы: колы що треба буде, то вси будемо свидкамы, а протоколу нема нá що спысуваты!—ришывъ старшына.—Идить соби зъ Богомъ!

— Спасыби вамъ, господынъ старшына!—подякувавъ Романъ и заразъ выйшовъ зъ волосты.

Понурывшысь, выйшлы за имъ Струкъ и Терешко, а позадъ усихъ Денысъ.

Денысъ гнивавсь на волосныхъ. Голова въ ёго болила, закривавлене облычче роспухло и що-хвылыны нагадувало про Романа.

Якъ винъ увійшовъ у свою хату, то тамъ булы вси дома. Зинько ажъ изъ мисця зирвався, побачывшы Деныса.

— Денысе! що се тоби?

Не видмовляючы ёму, Денысъ промовывъ просто до батька:

— Ото жъ вашъ сыночокъ наробывъ.

— Хто? Романъ?—спытавъ батько.—Знову былыся? Зъ чого жъ це?

— А зъ того, що мы—кумъ Терешко, Струкъ та я—піймалы ёго зъ саломъ у байраци.

У старого Сываша затремтилы рукы.

— И былы ёго?

— Або винъ насъ бывъ, покы ёму рукы назадъ скрутылы.

— На що жъ вы ёму рукы крутылы?

— Щобъ у волость одвесты. Шкода тилькы, що старшына не схотивъ у холодну посадыты.

— И ты вивъ ёго звъязаного... черезъ село въ волость?

— А то жъ бы нисъ, чы визъ на соби?

И видразу вси очы повернулыся до старого батька. Винъ уставъ билый, увесь тремтючы, якъ лыстъ пидъ витромъ, и звивъ у-гору проты Деныса руку.

Въ хати зробылось такъ тыхо, мовъ уси перестали й дыхаты.

— Бодай же ты до вику бувъ...

Але слово проклёну спынылося на устахъ у безщасного батька, и винъ якъ стоявъ, упавъ на стилъ головою и заплакавъ старымы, тяжкымы якъ каминь, якъ огонь пекучымы слёзамы.

— Такъ мене зганьбывъ!.. Увесь ридъ нашъ чесный такъ зганьбывъ!.. Брата не пожаливъ!.. Хочъ бы мене, старого, пожаливъ!.. Мою стару голову такымъ соромомъ, такою ганьбою покрывъ!..

И ни слова билше. Тилькы чуты було, якъ маты хлыпала, стоючы въ кутку биля дверей. По Зиньковому облыччю котылыся слёзы...

В. Гринченко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. [1]

(1861—1863 гг.).

(*Окончаніе*).

IV.

Начну съ Г. П. Галагана. Послѣдній давно уже слылъ между малороссійскими помѣщиками за „либерала". Либерализмъ этотъ, съ ихъ точки зрѣнія, окончательно утвердился за Галаганомъ послѣ его участія въ черниговскомъ „губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ". Въ этомъ комитетѣ Галаганъ стоялъ почти особнякомъ, и почти всѣ его подписи—въ журналахъ засѣданій этого комитета—являлись съ прибавкою—„при особомъ мнѣніи". Галаганъ былъ воспитанникомъ очень умнаго—сначала профессора, а потомъ желѣзнодорожнаго дѣльца—Чижова, который развилъ въ своемъ ученикѣ начала критическаго отношенія къ общественной жизни его деревенскихъ сосѣдей, особенно по вопросу о *младшей братіи*... Изъ этихъ сѣмянъ выросли у Галагана его симпатіи къ

---

[1]) Начало см. февраль.

давно ожидавшейся крестьянской реформѣ. При этомъ Галаганъ былъ отчасти славянофилъ, отчасти украинофилъ, каковыми *фильствами* также выдѣлялся изъ круга своихъ сосѣдей, которые и по этому косо смотрѣли на него.—Попавъ въ число членовъ редакціонной коммиссіи, Галаганъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ († 1866 г.)—были составителями того „малороссійскаго положенія“ 19 февраля 1861 г., которое опредѣлило нормы „обезпеченія“ освобожденныхъ крестьянъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ. Послѣ обнародованія освободительнаго акта, и Галаганъ и Тарновскій назначены были правительственными членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій: Галаганъ—черниговскаго, а Тарновскій—полтавскаго. Назначеніе Галагана встрѣчено было на мѣстѣ очень непріязненно; въ немъ видѣли чуть не демагога... Галаганъ любилъ, когда ему говорили объ этомъ къ нему антагонизмѣ, хотя послѣдній очень преувеличивался... Какъ членъ крестьянскаго присутствія, Галаганъ былъ очень полезнымъ дѣятелемъ, потому что систематически и безъ уступокъ проводилъ въ жизнь начала, положенныя въ законъ 19 февраля. Противъ его антагонистовъ—Галагана защищала, отчасти, его видная въ Малороссіи родня: Кочубеи, Гудовичи... Кн. Голицынъ съ Галаганомъ—въ своей дѣятельности по крестьянскому вопросу—были солидарны вполнѣ.

Я жилъ (въ Черниговѣ) съ Галаганомъ въ одномъ дворѣ, и это сосѣдство было поводомъ, что онъ звалъ иногда меня къ себѣ обѣдать. За этими обѣдами, на которыхъ, кромѣ малой его семьи (жены и сына „Павлуся“ [1]) съ его гувернеромъ), почти никого я не встрѣчалъ,—Галаганъ любилъ говорить о своей дѣятельности, какъ члена присутствія, при чемъ нерѣдко разсказывалъ, какъ онъ удачно отклонялъ поползновенія тѣхъ

[1]) «Павлусь», какъ звали Галаганы своего единственнаго сына, въ это время былъ мальчикомъ лѣтъ семи-восьми. Хорошо помню его, когда бывало, послѣ обѣда, онъ, по просьбѣ отца, пѣлъ какую-нибудь малороссійскую бравурную пѣсню, (напр., «ой Морозе, Морозенку...») и энергически при этомъ притоптывалъ ногою...

или другихъ лицъ—обойти законъ. Отклоненія эти являлись въ формѣ „докладовъ“ губернскому присутствію по вопросамъ—какъ слѣдуетъ понимать то или другое неясное мѣсто изъ закона 19 февраля. Здѣсь могу замѣтить, что жена Галагана, (недавно умершая Катерина Васильевна) всегда молчаливая, всегда сдержанная, своими рѣдкими, бывало, улыбками—какъ бы одобряла и ободряла мужа за этотъ характеръ его дѣятельности.

Другимъ членомъ отъ правительства крестьянскаго присутствія былъ Ив. Гр. Есимонтовскій, помѣщикъ мглинскаго уѣзда. Это былъ очень умный и сдержанный человѣкъ и потому всегда очень осторожно высказывавшійся по тому или другому вопросу. Въ очень многомъ онъ не сходился съ Галаганомъ, но ихъ пререканія носили всегда форму пріятельскихъ споровъ, въ которыхъ однако-жъ уступокъ, помнится, не бывало...

Изъ членовъ отъ дворянъ губернскаго присутствія ярко выдѣлялся П. А. Васильчиковъ. Попалъ онъ въ губернское присутствіе послѣ того, какъ выбранный передъ тѣмъ на эту должность В. О. Подвысоцкій—выбранъ былъ и предсѣдателемъ черниговской межевой палаты (только что тогда открытой). Васильчиковъ въ это время былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, но по своему образованію и богатству (П. А. В—въ былъ женатъ на гр. Орловой-Давыдовой) онъ уже и тогда былъ очень замѣтенъ среди черниговскихъ помѣщиковъ. Трудно объяснить выборъ Васильчикова взамѣнъ было намѣченнаго его предшественника: такъ они были не схожи между собою... Васильчиковъ не былъ сторонникомъ сословныхъ исключительностей. Въ то-же время это былъ мягкій, деликатный, такъ сказать, человѣкъ и джентльменъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ этого слова. Мнѣ, напр., казалось (да, вѣроятно, оно такъ и было), что Васильчиковъ, по своей природѣ, *никогда* не могъ бы покривить противъ *правды*, какъ онъ ее понималъ [1])...

---

[1]) Послѣ черниговскаго знакомства съ Васильчиковымъ (значитъ въ 1861—1863 г.г.), мнѣ нерѣдко случалось встрѣчаться съ нимъ лѣтъ черезъ тридцать послѣ этого—въ вагонахъ курско-кіев-

При этомъ Васильчиковъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ и поручаемые ему „доклады“ по губернскому присутствію разработывалъ тщательно и добросовѣстно. Недостатокъ Васильчикова заключался въ рѣшительномъ его неумѣніи защищать свое мнѣніе при словесныхъ преніяхъ, такъ какъ говорилъ онъ безъ надлежащей ясности. Въ числѣ дѣятелей по освободительной реформѣ имя П. А. Васильчикова не должно быть забыто за его честную, нелицепріятную службу этому дѣлу.

Лизогубъ былъ типичнымъ помѣщикомъ половины XIX в., представляя въ себѣ и украинофила и помѣщика—совсѣмъ не сочувствовавшаго освободительной реформѣ. Лизогубъ, повидимому, не имѣлъ высшаго образованія, но былъ большимъ поклонникомъ искусства. Онъ самъ рисовалъ немного и любилъ общество людей интересовавшихся искусствомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы прочли (Вѣстн. Евр. 1900 г., № 12) живой разсказъ Л. М. Жемчужникова о посѣщеніи имъ седневской усадьбы А. И. Лизогуба. Личность послѣдняго здѣсь обрисована въ симпатичномъ свѣтѣ. Такою она отчасти и была, особенно если вспомнить дружескія отношенія Лизогуба къ Т. Г. Шевченку, которыя не прекращались и послѣ ссылки послѣдняго. Но Лизогубъ какъ-бы старался закрывать эту сторону своей личности. Помню очень хорошо, что при частыхъ моихъ встрѣчахъ съ Лизогубомъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія (раньше я сказалъ, что кн. Голицынъ постоянно приглашалъ насъ—членовъ мир. съѣздовъ—въ эти засѣданія, такъ сказать, для *науки*), онъ никогда и словомъ не обмолвился со мною о Шевченкѣ, гробъ котораго я передъ тѣмъ сопровождалъ

ской ж. дороги, между Конотопомъ и Бобровицею (В. былъ помѣщикомъ козелецкаго уѣзда),—и я видѣлъ въ Васильчиковѣ, уже старикѣ, того же искренняго и правдиваго человѣка, который въ своихъ отзывахъ о людяхъ и ихъ дѣлахъ—не стѣснялся по прежнему говорить правду, и правду иногда жестокую... Умеръ Васильчиковъ въ 1899 г., *въ знаменательный день 19-го февраля*.

въ Кіевъ, о чемъ Лизогубъ хорошо зналъ. Зналъ онъ также и о близости Шевченка къ нашей семьѣ. Казалось, что Лизогубъ не находилъ удобнымъ заводить рѣчь о Шевченкѣ съ молодымъ человѣкомъ, который въ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ больше склонялся къ воззрѣніямъ Галагана, чѣмъ къ воззрѣніямъ его, Лизогуба. Во всякомъ случаѣ, Лизогубъ выдѣлялся изъ своей среды—любовью къ родинѣ. Онъ охотно приводилъ въ своихъ разговорахъ слова и фразы родного языка, которымъ, повидимому, вполнѣ владѣлъ. Покойный А. И. Ханенко разсказывалъ мнѣ, что въ седневскомъ домѣ Лизогуба, по стѣнамъ, были развѣшены портреты его дѣтей въ малорусской старинной одеждѣ, рисованные самимъ отцомъ. Было въ этомъ домѣ немало, говорилъ тотъ же А. И. Х—ко, и другихъ интересныхъ вещей, показывавшихъ, что хозяинъ его помнилъ и любилъ родную старину [1]). Какъ членъ губернскаго присутствія Лизогубъ былъ всегдашнимъ антагонистомъ Галагана, но будучи пріятелями съ юности, и Лизогубъ и Галаганъ пререканія свои пересыпали малороссійскимъ юморомъ, указывая оба другъ на друга, что вотъ, молъ, каковъ онъ, этотъ Галаганъ или—этотъ Лизогубъ...

Вообще слѣдуетъ сказать, что не смотря на различіе воззрѣній членовъ губернскаго присутствія въ общественныхъ вопросахъ—пренія и споры между ними велись, если не всегда спокойно, то всегда вполнѣ благопристойно; видно было, что эти люди не старались убѣждать другъ друга въ правильности своего мнѣнія, потому что хорошо знали одинъ другого и вполнѣ вѣрили въ непреклонность своихъ убѣжденій. Тотъ или другой вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ, при чемъ предсѣдатель, т. е. кн. Голицынъ, какой-нибудь ловко сказанной фразой, сглаживалъ непріятное впечатлѣніе меньшинства, какъ будто говоря, что ничего, молъ, не подѣлаешь съ этимъ упрямымъ большинствомъ...

---

[1]) Къ сожалѣнію, все это погибло при пожарѣ седневскаго дома, происшедшаго, какъ гласила молва, неслучайно, во время несчастнаго эпизода съ однимъ изъ сыновей А. И. Л—ба...

Присоединивъ къ этимъ четыремъ членамъ губернатора и губернскаго предводителя дворянства, получится тотъ персоналъ, которому по закону поручено было руководительство и наблюденіе—за правильностью осуществленія на дѣлѣ того, что было написано въ законѣ.

V.

Непосредственными осуществителями этого закона были мировые посредники. Я уже сказалъ раньше, какъ трудно было кн. Голицыну произвести выборъ этихъ лицъ... Лица эти однако-жъ были выбраны, при чемъ персоналъ ихъ оказался очень разнообразнымъ какъ по возрасту, такъ и по образованію и по степени состоятельности... Тутъ были и старики, и люди только что оставившіе школьныя скамейки, были университетскіе, были и гимназіи неокончившіе, были такіе богачи, какъ напр. Вас. Арк. Кочубей, и были такіе бѣдняки (послѣдніе впрочемъ—въ единицахъ), у которыхъ только что хватало земли на цензъ (150 дес. для лицъ, получившихъ высшее образованіе). Различны были и воззрѣнія этого разнообразнаго персонала на значеніе освободительной реформы... Я хорошо зналъ посредниковъ четырехъ уѣздовъ: сосницкаго, борзенскаго, конотопскаго и кролевецкаго. Этихъ посредниковъ, за два года моей службы въ мировыхъ съѣздахъ, я узналъ настолько, что каждаго изъ нихъ, какъ дѣятеля крестьянской реформы, могу нарисовать довольно вѣрный портретъ. Портреты эти,—можетъ быть, иногда недорисованные,—привожу здѣсь, чтобы дать понятіе о разнообразіи этихъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ ними скажу и о предсѣдателяхъ съѣздовъ, которыми были мѣстные предводители дворянства и которые, несомнѣнно, могли оказывать вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла въ уѣздѣ. Начну съ сосницкаго уѣзда. Предсѣдателемъ съѣзда здѣсь былъ Гр. Ил. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ бѣдный человѣкъ, устроившій свое благосостояніе женитьбою на воспитанницѣ богача Воейкова,

отъ котораго получилъ въ сосницкомъ уѣздѣ д. Турецъ. Марковичъ былъ человѣкъ безъ всякаго вліянія въ уѣздѣ; мало зналъ онъ законъ 19 февраля и какъ-то равнодушно относился къ реформѣ. Посредники не обращали на него никакого вниманія. Въ 1862 г. Марковичъ умеръ, и мѣсто его занялъ Мих. Ив. Сахновскій, бывшій секретарь одного изъ петербургскихъ митрополитовъ, человѣкъ искусный въ канцелярскихъ дѣлахъ, но, какъ предводитель, значившій еще менѣе, чѣмъ Марковичъ. Никакого голоса на съѣздѣ онъ не имѣлъ, будучи предводителемъ случайнымъ.

Посредниковъ въ сосницкомъ уѣздѣ было четыре: Мих. Мойс. Бобырь (изъ Даниловки), Ник. Ив. Товстолѣсъ (изъ Шишки), Н. В. Полторацкій (изъ самой Сосницы) и Ив. М. Марковичъ (изъ Шабалинова).—Бобырь, капитанъ артиллеріи и старый холостякъ, былъ вообще человѣкъ честный, неспособный на сдѣлки съ совѣстью. Уставныя грамоты въ его участкѣ были введены тѣмъ съ большею справедливостью, что почва земли тутъ была довольно однообразна, а помѣщики—почти исключительно мелкопомѣстные—были люди тихіе... Трудно было сказать, насколько Бобырь лично сочувствовалъ крестьянской реформѣ, но служилъ онъ этому дѣлу правдиво, и быть можетъ, былъ грѣшенъ лишь въ томъ, что по непривычкѣ къ бумажной работѣ, давалъ своему письмоводителю много воли...

Товстолѣсъ былъ старикъ лѣтъ подъ 60-тъ, едва-ли когда-либо выѣзжавшій изъ своего полѣсскаго хутора. Это былъ типъ помѣщика глухихъ мѣстъ (медвѣжьихъ угловъ), съ средними достатками, при чемъ образованіе его ограничивалось, вѣроятно, лишь нѣсколькими классами гимназіи. Посредническіе обязанности Товстолѣсу были тяжелы по его малоподвижности и неохотѣ къ бумажной работѣ. Какъ посредникъ, Товстолѣсъ велъ дѣло довольно безобидно для обѣихъ сторонъ, п. ч. былъ человѣкъ аккуратный и кромѣ того побаивавшійся начальства. Пробылъ Товстолѣсъ посредникомъ около года и утомившись непривычною для него дѣятельностью, вышелъ въ

отставку, а участокъ его былъ раздѣленъ между остальными тремя посредниками.

Полторацкій представлялъ собою довольно цѣльный типъ помѣщика средней руки съ нѣжинскимъ образованіемъ, т. е. помѣщика, получившаго высшее образованіе въ нѣжинскомъ лицеѣ. Не смотря на это высшее образованіе, люди этого типа мало чѣмъ интересовались... Какъ посредникъ, Полторацкій дѣйствовалъ не одинаково. Участокъ его состоялъ изъ имѣній большихъ баръ (кн. Урусова, Закревскаго, гр. Толстого, Капниста, Скоропадскаго, Максимовой и друг.). Большинство изъ этихъ помѣщиковъ въ своихъ имѣніяхъ не жило, и посреднику совсѣмъ было неизвѣстно—какъ они смотрѣли на освобожденіе своихъ крестьянъ. Находившіеся въ имѣніяхъ управляющіе нерѣдко предъявляли требованія незаконныя. Отсюда возникали затрудненія. Были въ участкѣ Полторацкаго громадныя имѣнія гр. А. К. Толстого (поэта), въ которыхъ владѣлецъ, по своему характеру, никакихъ затрудненій посреднику представить не могъ, но зато были въ этомъ участкѣ и иные владѣльцы. Изъ нихъ рѣзко выдѣлялась знаменитая Максимова (по мужу, а по рожденію—Ярошевицкая), владѣлица м. Холмовъ, напряженныя отношенія которой къ своимъ крестьянамъ, до изданія закона 19 февраля, имѣли результатомъ своимъ крайне обостренныя отношенія и послѣ изданія этого закона. Въ этомъ имѣніи нѣсколько разъ возникали „бунты“, изъ-за которыхъ въ м. Холмы два раза выѣзжалъ мировой съѣздъ для повѣрки жалобъ Максимовой на посредника за его-де послабленія относительно крестьянскихъ претензій. А между тѣмъ въ отношеніяхъ Максимой къ ея крестьянамъ Полторацкій пасовалъ и терялся.— Правда, типы такихъ владѣльцекъ, какъ Максимова, были единичны, такъ какъ постоянныя ея претензіи и мелкія придирки къ крестьянамъ, задавали посреднику много хлопотъ, но Полторацкій, имѣя въ своихъ рукахъ власть достаточную для противодѣйствія этимъ претензіямъ, властью этою не осмѣливался пользоваться и старался заслоняться съѣздомъ. Какъ я уже сказалъ, съѣздъ два раза выѣзжалъ въ Холмы для улаженія

взаимныхъ—Максимовой и ея крестьянъ—претензій. Помню хорошо эти выѣзды и знакомство съ „обстоятельствами дѣла“ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что владѣлица Холмовъ сама по себѣ была дама жестокая, безъ стѣсненія, напр., присутствовавшая при наказаніи ея крестьянъ (еще до освобожденія) за „бунтъ“, когда это наказаніе производилось полиціей въ присутствіи солдатъ. А затѣмъ, къ этому личному характеру владѣлицы, прибавился такой же немягкій характеръ какого-то грека Теотоки, котораго Максимова содержала у себя въ Холмахъ [1]). Вотъ эта пара и насѣдала на Холменскихъ крестьянъ до того, что послѣднимъ становилось невмоготу. Отсюда и возникали „бунты“.

Разумѣется, не Полторацкому было управляться съ Холменскими конфликтами, но странно было и смотрѣть, какъ онъ боялся ихъ... Въ мелкихъ имѣніяхъ Полторацкій былъ смѣлѣе. Неровность въ дѣйствіяхъ этого посредника возбуждала критику и у его товарищей и, критикѣ этой повидимому, было мѣсто...

Четвертымъ посредникомъ былъ И. М. Марковичъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой одесскій лицеистъ, сочувственно относившійся къ освобожденію крестьянъ. При составленіи грамотъ онъ нерѣдко выпрашивалъ у помѣщиковъ и то, на что по закону у крестьянъ не было права. Будучи роднымъ племянникомъ М. М. Бобыря, Марковичъ соперничалъ съ дядею—въ безобидномъ составленіи грамотъ и притомъ безъ всякой помощи съѣзда.

Борзенскими посредниками перваго призыва были В. П. Ловцовъ, Н. Н. Волкъ-Карачевскій и Н. Г. Кандыба. Всѣ они ничѣмъ другъ на друга не походили.

---

[1]) Позже говорили, что ту жестокость, которая практиковалась у Максимовой въ отношеніяхъ къ ея крестьянамъ (до освобожденія), Теотоки примѣнялъ впослѣдствіи къ самой Максимовой... Скоро затѣмъ Холмы перешли въ собственность къ Теотоки, а потомъ—его наслѣдниками были проданы евреямъ.

Семья Ловцовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ-стариковъ; [1]) изъ нихъ былъ женатъ только одинъ, а остальные были старыми холостяками, жившими вмѣстѣ, въ нераздѣленномъ имѣніи (с. Крупичполь), которымъ управляли тихо и согласно, безъ какихъ либо недоразумѣній между собою. Всѣ Ловцовы были хорошо воспитаны и отличались въ сношеніяхъ съ сосѣдями—вѣжливостью и мягкостью... За это Ловцовыхъ, въ борзенскомъ уѣздѣ, называли—французскими маркизами, и нужно согласиться, что прозвище это къ нимъ шло. Всѣ Ловцовы, кромѣ того, были добрые и честные люди. Они мало интересовались житейскими „злобами", поэтому, напр. крупичпольскій ихъ старый, престарый домъ былъ довольно неопрятенъ, но за то видно было, что прислугѣ, на обязанности которой лежала эта опрятность дома, жилось привольно и сыто. Посредникъ изъ Ловцова вышелъ плохой, не потому чтобы онъ не желалъ вести дѣло не „по закону", а потому, что у него не было никакого характера, и въ дѣлѣ составленія и введенія уставныхъ грамотъ онъ очень много давалъ власти своему письмоводителю. Къ чести Ловцова нужно сказать, что не смотря на то, что посредникомъ онъ сталъ по рекомендаціи Галагана, въ громадномъ Иченскомъ имѣніи послѣдняго—Ловцовъ составлялъ уставную грамоту очень осторожно. Дѣло въ томъ, что въ дачѣ м. Ични почва земли самая разнообразная, причемъ не мало тутъ есть и сыпучихъ песковъ. Главными управляющими галагановскихъ имѣній были люди не мѣстные, которые съ одной стороны очень угодничали (на словахъ) передъ своимъ патрономъ, а съ другой—тѣснили крестьянъ. Одинъ изъ такихъ, составляя уставную грамоту для иченскихъ крестьянъ, составилъ ее такъ, что на долю крестьянъ отдѣлилъ песковъ гораздо больше, чѣмъ это можно было. Ловцовъ представилъ объ этомъ съѣзду, а съѣздъ постановилъ—осмотрѣть проектируемые крестьянскіе надѣлы—на мѣстѣ, что и было исполнено. Увидѣвъ, что расчетъ на до-

---

[1]) Былъ еще и четвертый, генералъ, но онъ въ Крупичпольѣ не жилъ, и я его не зналъ...

бродушіе Ловцова не удался, управляющій Галагана согласился на всѣ уступки, предложенныя съѣздомъ, и Иченская грамота была исправлена къ полному удовлетворенію крестьянъ. Любопытно, что когда я, послѣ этого съѣзда, вернулся въ Черниговъ и разсказалъ Галагану о нашей экскурсіи въ Ичню, то онъ остался недоволенъ нашимъ туда выѣздомъ, за то, что мы, такъ сказать, повѣряли дѣйствія его, Галагана, а слѣдовательно, какъ будто заподозрили его въ желаніи обдѣлить крестьянъ. Въ этомъ недовольствѣ обнаруживался тотъ довѣрчивый Галаганъ, котораго, какъ говорили близкіе къ нему люди, очень много обманывали нѣкоторые его повѣренные. [1])

Посредникъ Волкъ-Карачевскій былъ товарищъ по университету Заики, которымъ и указанъ Голицыну. Какъ посредникъ, В.-Карачевскій, при мягкости и спокойствіи своего характера, былъ однимъ изъ справедливѣйшихъ въ губерніи; онъ успѣлъ заслужить довѣріе даже у крестьянъ, пользуясь которымъ легко улаживалъ отношенія къ помѣщикамъ. Помню, что при одной какой-то сдѣлкѣ крестьянъ съ Кочубеемъ, по Конашевскому имѣнію, крестьяне не рѣшались „дать руки“, т. е. подписать сдѣлку. А когда посредникъ спросилъ ихъ—почему же они не рѣшаются подписать сдѣлку, если находятъ ее для себя выгодною, то крестьяне просили посредника—сказать имъ по правдѣ—не попадутъ ли они за это въ бѣду, такъ какъ въ народѣ держится слухъ, что у тѣхъ крестьянъ. „которые будутъ заключать съ панами какія нибудь сдѣлки, попы не будутъ ни дѣтей крестить, ни мертвыхъ погребать“...

Н. Н. В.-Карачевскій пробылъ посредникомъ около году и ушелъ въ реформированный въ то время акцизъ, который своими содержаніями увлекъ тогда и привлекъ къ себѣ—много хорошихъ людей.

---

[1]) Доходило до того, какъ говорили, что одинъ изъ нихъ на требованіе Галагана изъ Спб. прислать деньги за проданный табакъ, попробовалъ было увѣрить патрона, что эти деньги онъ отдалъ ему лично, будучи въ Спбургѣ...

Третьимъ посредникомъ былъ Кандиба, который, будучи собственно конотопскимъ помѣщикомъ, сталъ борзенскимъ посредникомъ, будучи женатъ на дочери тамошняго помѣщика. Грамоты Кандыба составлялъ очень осмотрительно и аккуратно, но пробылъ онъ посредникомъ очень недолго, такъ какъ скоро переѣхалъ изъ борзенскаго уѣзда въ свое конотопское имѣніе.

Очень типичнымъ являлся предсѣдатель борзенскаго мирового съѣзда, К. А. Гамалѣя. Это былъ уже старый человѣкъ, занимавшій предводительскую должность съ 1837 г., послѣ своей военной службы. Военная его служба была примѣчательна тѣмъ, что поступивъ юнкеромъ въ гусарскій полкъ, стоявшій въ борзенскомъ уѣздѣ, Гамалѣя дослужился до штабъ-ротмистра, не покидая своего уѣзда. Послѣ отставки, Гамалѣя сейчасъ же былъ выбранъ предводителемъ; его цѣнили за безконечное добродушіе, которое давало возможность борзенскимъ дворянамъ распоряжаться своими дѣлами, (напр., на дворянскихъ выборахъ) кто какъ хотѣлъ и кто какъ умѣлъ. Никому и никакого противодѣйствія Гамалѣя не оказывалъ, потому что ко всему былъ безразличенъ. Ни друзей, ни враговъ онъ не имѣлъ; по малочисленности дворянъ въ борзенскомъ уѣздѣ—никакихъ партій тутъ не было. Вотъ поэтому Гамалѣя и выбирали предводителемъ до тѣхъ поръ, пока старость не сдѣлала его инвалидомъ. Какъ предсѣдатель съѣзда, Гамалѣя вполнѣ подчинялся большинству и даже охотно присоединялся къ рѣшеніямъ съѣзда въ щекотливыхъ вопросахъ объ обязательномъ перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, когда приходилось въ такихъ требованіяхъ помѣщикамъ отказывать (по этимъ вопросамъ на съѣздѣ по закону требовалось единогласіе).

Свое усердіе—относительно помощи съѣзду въ веденіи дѣлъ—Гамалѣя простиралъ до того, что разъ, при допросѣ свидѣтеля, видя, что послѣдній явно говоритъ неправду, Гамалѣя подошелъ къ нему и сдѣлалъ такое внушительное движеніе рукою, что свидѣтель покачнулся... Засѣданіе было закрыто и Гамалѣѣ тутъ же было внушено, что если когда-нибудь такой жестъ повторится, то объ этомъ будетъ составленъ „протоколъ“...

Можно впрочемъ сказать, что Гамалѣя, совершая этотъ „криминалъ“, мало вѣдалъ, что творилъ...

Въ Конотопскомъ уѣздѣ было три посредника: К. П. Тарновскій, Л. А. Астафьевъ и Ал. Г. Кандыба,—послѣдніе оба съ университетскимъ образованіемъ.

Тарновскій былъ сынъ небогатаго прилуцкаго помѣщика, по воспитанію инженеръ. Въ конотопскій уѣздъ онъ переселился, получивъ при дѣлежѣ богатаго наслѣдства Г. С. Тарновскаго, въ этомъ уѣздѣ д. Юрьевку. Посредникъ изъ Тарновскаго вышелъ полезный потому главнымъ образомъ, что онъ былъ въ уѣздѣ человѣкомъ чужимъ, не имѣвшимъ, слѣдовательно, тутъ ни друзей, ни враговъ... Бѣда была только въ томъ, что Тарновскій по природѣ былъ очень медлителенъ. Долго иногда приходилось крестьянамъ ожидать у этого посредника рѣшенія своего дѣла, но рѣшалъ онъ эти дѣла не въ обиду крестьянъ... Желая показать себя независимымъ человѣкомъ отъ тѣхъ или другихъ вліяній, Тарновскій требовалъ отъ помѣщиковъ точнаго исполненія закону и порождалъ межъ ними много недовольныхъ.

Такимъ же медлителемъ, если только не большимъ еще, былъ и посредникъ Астафьевъ, тоже человѣкъ въ уѣздѣ чужой. Отецъ его купилъ здѣсь часть разумовщины (извѣстный мазепинскій хуторъ Поросючку, передѣланную потомъ въ Богодаровку) и сталъ конотопскимъ помѣщикомъ. Какъ посредникъ, Астафьевъ велъ дѣла „по закону“, но медлитель онъ былъ чрезвычайный, къ чему присоединялось еще другое качество: неуступчивость въ томъ или другомъ своемъ мнѣніи... Неохотно обращались къ этому посреднику крестьяне, зная, что прійдется потерять много времени, пока посредникомъ данъ будетъ судъ, хотя послѣдній несправедливымъ бывалъ, можетъ быть, и не часто. Насколько Тарновскій и Астафьевъ—были медлительны, настолько быстро работалъ Ал. Г. Кандыба, но за то въ веденіи крестьянскаго дѣла онъ былъ неровенъ и очень субъективенъ... Дѣятельностью его губернское присутствіе, повидимому, не было довольно, такъ такъ „куриловскій мировой участокъ“, въ кото-

ромъ Ал. Г. Кандиба былъ посредникомъ, скоро былъ упраздненъ и раздѣленъ—между Тарновскимъ и Астафьевымъ.

Въ съѣздѣ конотопскомъ дѣла шли плохо, вслѣдствіе постоянныхъ пререканій членовъ его между собою. Тарновскій и Ал. Г. Кандиба *никогда* въ мнѣніяхъ не сходились. Предсѣдатель съѣзда П. Г. Кандыба съ Тарновскимъ тоже не соглашался, а Астафьевъ—при этихъ спорахъ—былъ нѣсколько формаленъ... Главная бѣда конотопскаго съѣзда заключалась въ томъ, что въ немъ невозможно было спокойное обсужденіе дѣла, потому что большею частью бывало такъ, что если одинъ говоритъ *да*, то другой говоритъ *нѣтъ*. Обыкновенно споръ кончался тѣмъ, что Тарновскій вмѣстѣ съ членомъ отъ правительства—оставались въ меньшинствѣ.

Перехожу къ кролевецкому уѣзду. Здѣсь было четыре посредника. Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ назвать В. А. Кочубея,[1]) который выдѣлялся между посредниками едва ли не всей губерніи, своимъ богатствомъ. Жилъ онъ прежде большею частью заграницей, жизнь народа зналъ мало, и почему онъ согласился взять на себя посредническія обязанности—хорошо не знаю. Вѣроятно, что тутъ дѣйствовалъ Галаганъ, который по женѣ былъ въ близкомъ родствѣ съ Кочубеями. Галагану пріятно было видѣть въ средѣ посредниковъ—родовитаго „пана“ и при томъ близкаго своего родича. Какъ посредникъ, Кочубей былъ дѣятелемъ малоучастливымъ, но по добротѣ своего характера—былъ полезенъ.

Посредническое дѣло въ его участкѣ лежало почти исключительно на рукахъ его письмоводителя Войцеховича, который и замѣнилъ Кочубея, когда послѣдній въ 1862 г. оставилъ посредничество.

Замѣтнѣйшимъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣздѣ былъ Т. И. Соломка, дѣлецъ изъ маленькихъ коропскихъ „панковъ“, почти поголовно занимавшихся мелкимъ винокуреніемъ и ви-

---

[1]) Братъ его Н. А. Кочубей тоже былъ посредникомъ въ кролевецкомъ уѣздѣ.

новодствомъ. [1]) Этою промышленностью тамошніе владѣльцы наживали хорошія средства. Такимъ хозяиномъ былъ и Соломка. Это былъ хорошій знакомый Заики, которымъ и былъ рекомендованъ Голицыну. Соломка обладалъ незаурядным умомъ, но въ его дѣятельности слишкомъ проглядывалъ оппортунизмъ... При реформѣ уѣздной полиціи въ 1862 г., Соломка сдѣланъ былъ кролевецкимъ исправникомъ, а кончилъ жизнь онъ членомъ харьковской судебной палаты.

Затѣмъ остальными двумя посредниками были П. А. Марковичъ (тогда жилъ въ с. Крискахъ) и М. П. Ворожченко; первый принадлежалъ къ стариннымъ черниговскимъ панамъ и былъ правнукомъ извѣстнаго автора „Дневныхъ записокъ“ Якова Марковича, а второй—изъ военныхъ (бывшій полковой командиръ) былъ зять тоже стариннаго черниговскаго пана—П. И. Забѣлы (изъ Лушниковъ). Несмотря на полное различіе въ характерахъ, и Марковичъ и Ворожченко дѣйствовали одинаково, не „наровя“ ни въ ту, ни въ другую сторону. Марковичъ, по природѣ своей, очень добрый человѣкъ, конечно, жалѣлъ тѣхъ, которые лишались даровой рабочей силы, но по своему характеру, активно выражать этого сожалѣнія не могъ. Дѣло развода крестьянъ съ помѣщиками въ участкѣ Марковича шло правильно. Не желая наживать себѣ недруговъ, Марковичъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ съѣзду, предоставляя эти случаи окончательному разрѣшенію послѣдняго. Ворожченко былъ человѣкъ совсѣмъ чужой въ уѣздѣ; это обстоятельство нисколько не связывало его общественной дѣятельности, которую онъ и велъ неуклонно „по закону“; при томъ же, будучи по характеру человѣкомъ очень осторожнымъ, Вороженко старался—не расходиться съ направленіемъ губернскаго присутствія и—попадать ему въ тонъ... Характеръ всѣхъ четырехъ кролевецкихъ посредниковъ давалъ

---

[1]) Это были панки, число крестьянъ у которыхъ простиралось отъ одной до пятнадцати «душъ»... У самого Соломки было только шесть душъ крестьянъ, какъ значится въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ.

возможность рѣшать безобидно для крестьянъ и тѣ дѣла, которыя подлежали разрѣшенію съѣзда, причемъ голосъ предсѣдателя съѣзда всегда присоединялся къ большинству. Предсѣдателемъ, т. е. предводителемъ дворянства, былъ тогда Н. М. Дурновъ, ставшій кролевецкимъ помѣщикомъ по женитьбѣ его на дочери владѣлицы с. Обтова, Х. А. Иваненковой, пользовавшейся громкою извѣстностью въ околоткѣ за свою энергію. По своему характеру Дурново относился къ дѣлу безразлично...

Вотъ весь персоналъ дѣятелей, по освободительной реформѣ, въ тѣхъ четырехъ уѣздахъ губерніи, въ которыхъ и я близко стоялъ ко этой реформѣ.

VI.

Оглядываясь теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, назадъ, я вижу, что изъ четырнадцати посредниковъ, мною названныхъ, лишь объ одномъ изъ нихъ я могу сказать, что онъ вполнѣ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и радовался этой реформѣ. Изъ остальныхъ, значительное большинство, конечно, сожалѣло объ утраченномъ крѣпостномъ правѣ уже по одному тому, что воочію видѣло всѣ грядущія для нихъ экономическія затрудненія... И тѣмъ не менѣе—разводъ крестьянъ съ помѣщиками—въ четырехъ *моихъ* уѣздахъ сдѣланъ былъ болѣе или менѣе правомѣрно, и крестьяне при составленіи уставныхъ грамотъ—обижены, намѣренно, не были.—

Главная заслуга такого безобиднаго развода принадлежала губернскому присутствію, а послѣднему тонъ давалъ кн. Голицынъ. Съ самаго открытія губернскаго присутствія, Голицынъ очень удачно установилъ порядокъ его дѣятельности. Всѣ поступавшія въ присутствіе бумаги разрѣшались двоякимъ способомъ: всѣ сложныя и требовавшія кабинетнаго изученія—поручались (по назначенію губернатора) членамъ присут-

ствія, которые затѣмъ представляли письменные „доклады“. Послѣдніе читались въ присутствіи и послѣ преній, принимались или исправлялись, а иногда и отвергались. Менѣе сложныя бумаги читались, обсуждались и рѣшались тутъ же, въ присутствіи, а затѣмъ мотивированную по нимъ резолюцію писалъ секретарь. Всѣ опредѣленія губернскаго присутствіи, въ томъ числѣ и пространные доклады членовъ присутствія, печатались полностью въ *журналахъ* присутствія, которые и разсылались всѣмъ посредникамъ губерніи. Такимъ образомъ *всѣ посредники* вполнѣ были знакомы съ характеромъ и направленіемъ дѣятельности губернскаго присутствія, и волей-неволей подчинялись этому направленію, видя, что присутствіе неуклонно преслѣдуетъ правомѣрное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла.—Кромѣ того, кн. Голицынъ постоянно приглашалъ въ засѣданія присутствія пріѣзжавшихъ въ Черниговъ какъ посредниковъ, такъ и помѣщиковъ, болѣе или менѣе значительныхъ, несмотря на тотъ или другой цвѣтъ послѣднихъ. Приглашенія эти были полезны въ томъ отношеніи, что побывавшіе въ засѣданіяхъ присутствія помѣщики видѣли безполезность протестовъ... Наиболѣе частымъ гостемъ въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія, сколько помню, былъ родной братъ члена присутствія, В. И. Лизогубъ, отставной уланъ, приходившій всегда съ своей трубкой на длинномъ чубукѣ. (Въ засѣданіяхъ присутствія, происходившихъ вечеромъ, куреніе было свободно, при чемъ къ нему добавлялось непрерывное чаепитіе). Этотъ гость, не будучи сторонникомъ освобожденія крестьянъ, сначала очень будировалъ противъ „либеральныхъ“ наклонностей губернатора, но потомъ настолько примирился съ характеромъ веденія дѣлъ въ присутствіи, что посѣщая его засѣданія, свое несочувствіе тому или другому рѣшенію вопроса выражалъ лишь добродушно-ироническими улыбками, какъ бы говорившими: ну, что съ вами дѣлать, продолжайте!.. Ревностнымъ помощникомъ Голицына въ веденіи дѣла былъ Заика, который предварительно просматривалъ всѣ поступавшіе въ присутствіе бумаги

и сортировалъ ихъ для дальнѣйшаго направленія, такимъ образомъ, чтобы какой-нибудь важный вопросъ, требовавшій принципіальнаго разрѣшенія, попадалъ въ докладъ правительственнаго члена... На обязанности Заики лежалъ просмотръ журналовъ мировыхъ съѣздовъ (по распоряженію присутствія, присылались копіи съѣздовыхъ журналовъ послѣ каждаго засѣданія). При этомъ если встрѣчалось неправильное разрѣшеніе того или другого вопроса, то рѣшеніе съѣзда подвергалось пересмотру присутствія (безъ всякой жалобы) и перерѣшенію. Помню, что разъ въ Сосницкомъ съѣздѣ состоялось постановленіе о лишеніи крестьянина права на надѣлъ на томъ основаніи, что онъ пользовался пахатною землею только въ качествѣ живущаго въ лѣсу сторожа. А между тѣмъ видно было, что крестьянинъ жилъ въ лѣсу помѣщика не сторожемъ, а самостоятельнымъ хозяиномъ, который своимъ скотомъ и своимъ „желѣзомъ“ обработывалъ отведенное помѣщикомъ ему поле. Я написалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ подробно изложилъ экономическое положеніе крестьянина, дававшее ему несомнѣнное право на полученіе надѣла. Это было въ первый годъ дѣятельности съѣздовъ, когда порядокъ обжалованія его рѣшеній былъ почти невѣдомъ тѣмъ, кому можно было жаловаться.—Заика, перечитывая журналы сосницкаго съѣзда, замѣтилъ это рѣшеніе и доложилъ о немъ присутствію, а послѣднее рѣшеніе съѣзда отмѣнило, признавъ за крестьяниномъ право на пользованіе на надѣлъ.

Въ заключеніе скажу, что Голицыну несомнѣнно принадлежитъ великая заслуга безобиднаго, болѣе или менѣе, разрѣшенія въ черниговской губерніи крестьянскаго дѣла. Онъ далъ въ губерніи тотъ тонъ, котораго слушали и которому вторили посредники, видя, что тонъ дается настойчивый. Тонъ этотъ, производилъ то, что даже тѣ лица, отъ которыхъ, повидимому, нельзя было ожидать „плодотворной“ дѣятельности, по ихъ прошлому,—сдѣлавшись посредниками, исполняли свои обязанности такъ закономѣрно, что результаты получались наилучшіе.

На этомъ оканчиваю. Быть можетъ, позже когда-нибудь, пополню и продолжу свой разсказъ, если только Богъ продлитъ вѣку. [1])

А. Л.

---

[1]) *Добавленіе.* Раньше я сказалъ (февр., 361), что отдѣльные факты, указывавшіе (въ 1861 г.) «на такое возбужденіе умовъ», едва ли записаны, разумѣя запись мемуаристовъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ факты эти, конечно, записаны и «дѣла» о нихъ вѣроятно еще существуютъ въ черниговскихъ архивахъ. Указаніе на эти «дѣла» заключаетъ въ себѣ напечатанная въ 1864 г. оффиціальная записка подъ заглавіемъ «Обзоръ дѣйствій м—ва внутр. дѣлъ по крестьянскому дѣлу съ января 1861 по 19 февр. 1864 г.» (Спб., въ л., 199 стр.). При перечисленіи «безпорядковъ», возникшихъ по имперіи, среди крестьянъ, въ первой половинѣ 1861 г., относительно Черниговской губерніи въ «Обзорѣ» говорится: «Главнымъ пунктомъ безпорядковъ (въ Ч—ой губ.) долгое время были: въ Нѣжинск. у. селеніе *Безуглевка* и въ н.-сѣверск. у. слобода *Каменская*. Въ Безугловку, какъ центръ волненія, введено было 3 батальона войскъ. Въ то же время возникали безпорядки въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: н. сѣверскаго, городницкаго, конотопскаго, кролевецкаго, новозыбковскаго и мглинскаго. Въ н.-сѣверск. у. крестьяне слоб. Каменской не только сами отказывались отъ исполненія барщины, но препятствовали силою производству работъ въ усадьбѣ помѣщика вольнонаемными людьми. Примѣръ каменскихъ крестьянъ увлекъ къ безпорядкамъ 25 селеній съ населеніемъ до 9000 душъ. Безпорядокъ въ слоб. Каменской подавленъ при содѣйствіи военной силы, послѣ наказанія и заключенія въ оковы главныхъ зачинщиковъ».

ЛЫХО.

(*Картынка зъ жыття голодныхъ*).

Въ мистечку Б., на прыкинци, де стоялы задумани, зъ сывымы пасмамы вербы, а за нымы тяглысь по дорози струнки осокоры зъ срибнымъ, тремтячымъ лыстомъ, тамъ, геть на одшыби, ховалась мижъ корявыхъ яблонь и поломаныхъ слывъ горбата хатынка. Кругомъ неи не выдко було ни тыну, ни загороды; хозяйськи забудования стоялы руиною, порозваляни, порозламани, та и сама хата була мало не зовсимъ безъ покривли, и кризь диркы на ій свитылы ребрамы кроквы.

У тій хатци жыла соби удова Марта Супоныха зъ своею едыною донькою Присею, дивчыною литъ девъяты-десяты. За покійного чоловика, якого брусомъ пры будованни церквы убыто, симъя Супони вважалась за заможню и жыла, по теперешнихъ часахъ, навить зъ достаткомъ. Чоловикъ Марты, кримъ свого надила, державъ у посесіи ще два, мавъ пару воливъ, корову и килько овечатъ, та теслярствомъ ще зароблявъ копійчыну. У ти благословенни часы оця хатка вызырала билымъ грыбкомъ середъ кучерявыхъ деревъ; вся садыба була огороджена на дыво плетенымъ тыномъ зъ воротамы, вси хозяйськи забудóвання булы опоряджени, добре укрыти; середъ ныхъ здіймалась до горы высокою пырамыдою клуня, а округъ

неи у осени́ одбывалы золотомъ стижкы жыта, пшеныци, червонила гречка, зеленило въ добу упоране сино,—и скризь тутъ грало веселе жыття: метушни куры ныпорылы повсюды, поважни качкы ныкалы перевагы-вагы то туды, то сюды, мекалы овечата, ревла, вертаючысь зъ пашы, корова и выщала, плыгаючы то до хозяйкы, то до ій маненькои донечкы, кудлата Найда.

И отъ, мынуло чотыри рокы по смерти Супони—и зъ цёго видрадисного куточка сталось ниме кладовыще.

Хозяй, заразъ, за плечемъ старшыны, видибралы у вдовы свои надилы; а на власный надилъ ій чоловика знайшовсь опекунъ, якыйсь родычъ, та й загарбавъ ёго за небезпечнистью нибы опла́тъ. На вси Ма́ртыны скаргы, старшына тлумачывъ одно: „выходь замижъ, або выдавай свою дочку,—тоди й пошу́куй надила“. Марта любыла свого небижчыка, а ще бильше дочку, то й не захотила побратысь у-другге, а видъ того й лышылася безъ земелькы.

Ото-жъ худобу содержуваты вдови було уже годи, то й почала вона ій по-троху збуваты: отымъ, мовлявъ, и жылы, та ще поденщыною, де траплялась. Хутко повіялось за витромъ по́томъ надбане добро: запанувавъ недородъ, скоты́нка пишла за бе́зцинь, а про рукы нихто й не пытався... Довелось продаты на зносъ и комору, и клуню... Повитки та тыны розвалылы негоды та бури, а решту рознеслы добри люде...

Все спродала уже Марта, навить одежу; одніеи тилько коровы не мала вона сылъ збуты: Бура нибы стала кревною у симьи и прыросла до серця матери й дони... Останнимъ шматкомъ хлиба дилылась зъ нею симья, и корова въ подяку надиляла ій молокомъ та прыплодкомъ... Але надійшовъ скрутъ, и ни за що було уже бидній вдови рукъ зачепыты... Недородъ въ останній рикъ зминывсь справжнимъ голодомъ—и теперъ выпадало очевыдячкы имъ усимъ трёмъ загыбаты...

Уже два мисяци зъ голоду пухнуть и симья, и корова; уже Прися була занепала смертельне, та Господь покы пиднявъ ій, тилько чы на́-довго, бо ледве-ледве хату перейде, ажъ свитыться, мовъ зъ хреста знята...

Думала Марта, думала, чымъ розважыты свое горе велыке, та й думокъ не зибрала: втысся въ іи хату убогу зеленый, зъ запалымы очыма, голодъ и застукотивъ своимы кисткамы по лавахъ; за нымъ розляглась на доливци зубата, ненатла нужда, а темна, якъ пивничъ, нудьга сила на покути.

Нарешти наважылась Марта своій доньци сказаты, що нема бильше сылы, що треба Буру зà що не зà що, а продать.

Прися заломыла рукы въ слёзахъ и стала свою матирь благаты, щобъ заждала хочъ тыждень, хочъ трохы,—покы ось-ось уже буде травычка...

— Покы здохне корова?—усмихнулась гирко маты и выйшла на подвирья. Прися кынулась до викна и прыпала лычкомъ до щыбкы; на іи рясныхъ віяхъ ще бренилы перлыны и росою спадалы на зеленкувате, мутнѐ шкло. Дивчынка пыльно зорыла, чы не пожене куды мама іи Буркы?

А Марта, насмыкавшы мокрои, трюхлои соломы зъ покривли, понесла іи до коровы; але та лызнула у господыни руку, а трюхы не взяла й въ губу; хозяйка набрала ще видро воды и хотила іи напоиты, але Бура й голову одвернула... Ударылась рукамы объ полы вдова, обдывылась кругомъ свою добродійку, погладыла іи по шыи, та й вернулась змертвилою въ хату.

— Не выпаде, дытыно моя, продавать намъ корову,—промовыла вона, видчыняючы двери,—прыбере іи, певно, Господь!

— Мамо!—зплеснула лоненькимы, якъ прутыки, ручкамы Прися, вырячывшы зъ жахомъ чорни, якъ теренъ той, оченята.

— Охъ, прогнивалы мы, лыбонь, Бога, и нема видъ Ёго ни ласкы намъ, а ни мылосердя! Хвора наша Бурка зовсимъ слаба: не йисть и не пье, а якось жалибно стогне... Може, видъ голоду... бо чымъ и кормылы?—Всю хату обдерла... та хиба жъ то наша? Ну, й подалась... Марта утерла хвартушыною нисъ и заплакани очи.—Уже, якъ я выглядала тіеи весны, сонця красного, якъ сподивалась на зеленый морижокъ,—та не диждалысь мы зъ Бурою ласкы Божои... Отъ ты прохала мене,

щобъ не продавала коровы,—та хиба мени самій не шкода іи, не жаль? Все йидно, що серце вырвать зъ грудей: одже-жъ у тій коривци зныклы вси мои радощи, все мое щастя мынуле! То-жъ покійный мій батько, а твій дидъ, подарувавъ мени на весилли телычку, а зъ телычкы выросла онъ-то яка корова... Якъ-же вона тишыла мене й твого татка, якъ мы упадалы за нею,—и тебе, мою зирочьку, вона выгодувала... а колы, зъ воли Божои, я овдовила, то Бура ще въ бильшій прыгоди намъ стала. Якъ-же мени не вболиваты за нею? Остатня-жъ худобына, та ще ридна, та кревна!.. А отъ, не здолала догодуваты іи... сами пухнемо зъ голоду,—и пропаде, згыне...—докинчыла маты, хлыпаючы, свою ка́зань и осила пидъ тяжаромъ безпораднёго горя на лаву.

А дивчына все стояла, устромывшы кудысь свои очи, стояла нерухомо, безмовно, тилько немовъ пропасныця трусыла іи все дужче, та дужче... а це раптомъ якъ заголосыть: „ой, ненечко, ой, лышенько“! та такъ и залылась буйнымъ плачемъ, такъ и захлынулась, та й упала на стилъ.

Довго розлягалось по хати дытяче рыдання, и маты спыныть ёго не здолала,—бо й у самои гирки спадалы дрибнымъ дощемъ на полы протертои кохты. Нарешти Марта встала и пидійшла ришуче до Приси.

— Не плачъ, дытыно,—поцилувала вона іи въ голову,—я ось пиду до дядька Охрима: винъ знахарь, винъ порадыть... и вивсянои соломы выпрошу у старшыны... або краще—на одробитокъ у жыда,—той швыдче зглянется... А ты пожды, помолысь Богу, та гляды, не выходь зъ хаты: на двори холодно, а ты ледве на ногахъ стоишъ,—и Марта, хапливо накынувшы на плечи дыряву свытыну, выйшла зъ хаты.

Прися, утершы кулакамы заплакани очи, сила соби пидъ образомъ въ кутку и замыслылась. Невесели, не дытячи думкы окрылы хмарою ій голивку: ясни дни недавнёго дытынства мрилысь ій зъ-по-за хмары якымсь непевнымъ проминнямъ... яснище выризувавсь вже на очи пожовклый трупъ іи батька, зъ проламаною, кривавою головою... дали—пипъ, дячокъ и тыскъ

люду... А потимъ уже пишлы нудни, самотлывіи дни... нужда та слёзы... а радощивъ та смиху—а ни прòслидку... отъ тилько пестощи матери; але й ти булы якись порывчасти, болисни, и видбывалась безкрая нудьга. Дытячыхъ забавокъ Прися майже не знала: селянськи диты цуралысь іи, та й вона ихъ боялась; отъ тилько й тишыла іи Бура: йила зъ рукъ іи капустяне лыстя, моркву, гарбузови скыбкы, а то й хлибъ... И знала-жъ якъ, мовъ свое телятко: ледве, бувало, Присю забачыть,—заразъ замука радисно и протягне до дивчыны свои мняки губы; а то й языкомъ лызне по щоци,—такъ уже ото одна одну любылы! И отъ,—колы не дай Боже...,—у дивчатка заворушылысь справжни бажання умерты, а не зостатысь на цимъ нуднимъ, та труднимъ свити безъ останнёи втихы...

— Господы!.. Маты Божа!.. Свята Варваро... Богородыце,— схопылась вона на ногы и стала молытысь збурено, палко, притыскуючы рученята до свого лона.—Рятуйте коривку,—Бога рады, рятуйте!.. Отче нашъ, иже есы... Рятуйте, згляньтесь! А не то, пріймить краще мене!—И вона упала на-вколишкы и стала ревно быты поклоны.

А тымъ часомъ мама іи зъ дядькомъ Охримомъ наблыжалысь до хаты, и маты, кланяючысь знахареви у поясъ, все прохала ёго:

— Дядечку, голубчыку! Пошануйте, й пожалуйте, та дайте пораду: послидня-жъ худобынка, якъ сорочка на ныщому...

— Що-жъ, це мы можемо, здолаемо,—глыбокодумно видповивъ знахарь, чухаючы потылыцю:—небижчыкъ-то, земля надъ нымъ перомъ,—гордувавъ намы, все було до хвершала въ хутиръ... Гмъ! А ось и прыйшлось! Проте—байдуже: окомъ накыну и зразу все, якъ на долони—чы зъ витру, чы зъ нашепту, чы видъ порухы... А то, часомъ, скотына зъисть що уредне—паука, або-що... Ну, дакъ іи шыломъ въ бокъ шпортонешъ,—и тилько засвыще: значыть, у дирку тоби хвороба и вылетыть... Такъ-то воно—эге! Все у нашыхъ рукахъ... и колы звычайно за трудъ...

— Подякую, заплачу, якъ зароблю чы продамъ коривку, щобъ я пъятинкы святои не диждала!.. А теперъ,—отъ Богомъ клянусь,—копійкы нема за душею!—ударыла себе Марта кулакомъ у груды.

— Гмъ!—замугыкавъ знахарь, та й додавъ:—Ну, що-жъ—обицянкы—цяцянкы, а дурневи радисть!

Бильше не зронывъ и слова, а мовчкы, понуро пидійшовъ до коровы, що середъ двору лежала.

Марта стала пыльнувать за выразомъ ёго облычча; не вищувало воно добра: зелене, опухле, воно здавалося ище бильшъ негарнымъ одъ неголеной щытыны; клочковати, объидени вусы пидъ закандзюбленымъ носомъ робылы ёго ще гиршымъ; найбильшъ непріемне вражиння чынылы мовъ осокою проризани, олывьяного колёру очи,—знидъ навыслыхъ рудыхъ бривъ воны свитылысь якымсь лыховистнымъ вогнемъ.

— Ге, ге, ге!—протягъ знахарь нарешти, ударывшы двичы кійкомъ корову, щобъ звелася на ногы.—Онъ воно що!—бурчавъ винъ, заглядаючы пыльно ій въ очи.—Хтобъ и подумавъ!—Знахарь ухопывъ корову рукою за ригъ, а кійкомъ сылувавсь роззявыть ій рота и тыкавъ у зубы. Корова крутыла головою и видъ кійка ухылялася.

— Не видкрутышся!—бачу! накынувъ окомъ—и якъ на долони,—доводывъ знахарь корови зъ докоромъ,—а ты не махай пыскомъ!—Ачъ, каторжна, сибирна!

Ни жыва, ни мертва стояла Марта и нарешти наважылась спытать:—Що зъ нею, дядечку, що зъ моею коривкою скоилось?

— Та що,—сказылась,—та й годи! сказылась—и квита!

— Якъ сказылась? Зъ якои прычыны? Іи нихто не вкусывъ, хочъ огляньте!

— Та що тамъ глядить,—накынувъ окомъ—и квита... якъ на долони! Этъ, ляпнула—„не вкусывъ“?.. Та скажена собака колы трычи духомъ дыхне—чы на людыну, чы на скотыну, чы на звиря,—дакъ уже те и сказыться небезпрéминно: колы

двичи—то ще дармá, а колы трычи,—заплющуй вичи! Та що тамъ базикаты? Сказылась твоя корова, та й край!

— Не може буты, брехня!—обурылась Марта.—На нашимъ кутку и скаженои собакы не було!

— Ты мени, бабо, брехни не завдавай! То може твоя маты брехала, якъ на лави лежала, онъ що! А мени зъ тобою не куматыся: мени треба довесты начальству, що корова, не доведы Господы...

— Та Бога бійтесь, хиба скажене такъ тыхо та покирно лежыть?

— А отъ ты побачышъ, якъ вона за яку тамъ голыну тыхо лежатыме? Вона уже проковтнула щенятъ, що пидъ языкомъ ій сыдилы... Ну, такъ отъ незабаромъ и задере хвистъ...

Марта стала була знахаря слизно благаты, щобъ винъ передъ старшыною и уряднымкомъ хочъ до завтрёго покрывъ ій горе; але знахарь бувъ невпросымый и видкупне правывъ... Нарешти Марта, розпалывшысь, стала похвалятысь, що побижыть заразъ у хутиръ до хвершала, и той ій захыстыть видъ напасти.

Це ажъ розсатаныло знахаря.

— Иды соби хочъ до чорта пухлого!—сплюнувъ винъ люто.—А я пиду те-жъ, куды треба,—и винъ справди попрямувавъ хаплыво до мистечка. А прыбыта горемъ вдова, не завернувшы й у хату, кынулася у другый бикъ—до хутора, що бувъ верстоюъ за дви-за тры видъ ій садыбы.

Прися, почувшы сварлывый гоминъ коло хаты, кынулась перелякана до викна; глянула, ажъ ій маты зъ якымсь дядькомъ кудысь-то пишлы, а коривка лежыть соби безпешно на дворыщи,—глянула й заспокоилась. Теперъ, писля турботъ, ій опанувала тыха знемога, що ни рукы, ни ногы не звесты, и Прися ледве-ледве допленталась до полу, де лежало рядно й подушка, на превелыку сылу зипъялась на ёго, упала и зразу-жъ такы заснула.

А за яку годыну у вдовыну пустошъ ввиходыла юрба селянъ: пèредъ вивъ знахарь, за нымъ пышно выступавъ стар-

шына зъ „мегдаліею“ на шыи, за старшыною пливсь зъ урядныкомъ пысарь, подали плуталысь двое соцькыхъ, та двое хозяивъ-понятыхъ, зъ заступамы на плечахъ, а на хвости процесіи замиталы слидъ чотыри бабы.

— Добра садыба була,—завважывъ рѣздумно старшына, якъ наблызывсь до хаты,—а теперъ пустка та пустошъ... Ачъ, на що перевела ледача баба таке добро!

— Рукъ дасть-би,—обизвався урядныкъ.

— Головы чортма,—додавъ знахарь.

— Н-да, мозоку бракъ,—завершывъ пысарь.

— Мене за покійного Супоню ажъ вздрощи хапалы, якъ гляну було на ёго прыдобы, а теперъ ажъ сумъ огортае,—зитхнувъ старшына.

— У вашыхъ рукахъ, Ныкихвóръ Ивановичъ, и нынькы може оця руина перевернутысь чаривнымъ робомъ, якъ у казци, въ роскóши,—усмихнувсь пысарь вызнáчно.

— Та даймо,—мотнувъ головою старшына и обернувся до знахаря:—а де-жъ та корова?

— Генъ,—показавъ знахарь и застеригъ:—блызько, глядить, не пидходьте, бо вонá вже щенятъ зъ-пидъ языка проковтнула.

Обережно, виддаля обступылы прысутни корову и спершысь на высоки ципкы, глыбокодумно замыслылысь; цикави бабы зупынылысь поштыво по-за коломъ старшы́хъ.

Корова глянула на гостей нудлывымъ байдужымъ поглядомъ и не звелась навить передъ начальствомъ на ногы...

— Що-жъ... тее... убыть, та й уже!—сказавъ старшына. Поняти повелы плечыма и кывнулы шапкамы, знаты—на певну, безперечну згоду.

— И заразъ-же мени закопать, щобъ часомъ не зидралы ще шкуры,—додавъ старшына, а потимъ—до пысаря:—вы тамъ досвидчыте, що тее... и проче...

— Само собою,—буркнувъ той и поправывъ на голови „картуза“.

— А чы захопывъ хто сокыру?—гукнувъ старшына соцькымъ.

— Эге, есть,—одмовывъ одынъ чоловикъ зъ бляхою, знявшы шапку, и пидійшовъ до коровы.

— Трывай, стій!—зупынывъ знахарь.—Хиба скажену скотыну можна вбывать? Адже-жъ вона, конаючы, скаженый духъ вытхне, а вже колы трычи отымъ скаженымъ духомъ на кого дыхне, то той немынуче сказытся... себе-то мы перши... та и причъ того, скаженый духъ може и на мистечко повіятысь...

— Охъ, моя матинко! Не доведы, Господы!—почулысь мижъ бабамы сполохани выгукы.

Чоловикы переглянулысь.

— Що-жъ ёго тее... чыныты?—запытавъ зтурбованый старшына.

— Що чыныты?—ажъ здывовавсь знахарь,—закопаты жывою, та й край!

— Жывою??

— Жывисенькою! Такъ и слидъ въ такій прыгоди... такъ скризь и водытся... бо земля зразу прыкрые скаженый той духъ—и шабашъ!.. А инакъ немынуче лыхо.

— Такъ, такъ,—пидтрымала несмилыво одна баба:—чула и я, що скажене заколюють живымъ.

— Ой, Боженку!—промовыла друга, жалислывыша, стара Сохроныха,—та може коривка ще й не скажена, щось не скыдае...

— Товчы!—зневажно кынувъ ій знахарь.

— А цикаво, якъ вона, ота корова, чы буде ревты пидъ землею?—заохотывся пысарь.

— Та воно якось нибы не тее... жыву, и въ яму... якось моторошно,—розвывъ старшына рукамы,—адже и скотына чуствуе, а на велыкдень такъ и говорыть у святу ничъ... а тутъ раптомъ на зрячи очи земля... та чы то-жъ и порядокъ? Щобъ бува не тее... и проче,—не зважувавсь винъ, обводючы гуртъ очыма, мовъ шукаючы рады...

— Що-жъ тутъ такого, пане старшыно?—подалась смилывище впередъ ота баба, що згодылась зъ знахаремъ; выйшла,

утерла пальцемъ заиды и вклонылась начальству.—Ось у сусиднимъ сели, въ Корбачахъ, та не зъ скотыною, а зъ людыною трапылась прыгода... Отъ, щобъ я луснула, колы не правда, хочъ довидайтесь сами, здорови! Одна молодыця—Ивга Скулыха, колы чувалы, та прывела... уже Господь ёго Святый зна, зъ якои прычыны, а тилько прывела песыголовця... усе въ шерсти, а пысокъ—точнисенько, якъ у собакы, такъ вамъ и скавчыть, якъ щеня... Ну, що ёго було въ свити Божимъ чыныты? Порадылась бабка зъ родомъ, пишла до батюшкы, поблагословылася, та й закопала того песыголовця жывымъ.

— Закопала?—ажъ скрыкнувъ староста.

— Закопала, хрестъ мене вбый—закопала; такъ жывымъ и засыпалы... ще й пидъ землею скавчало. Та инакъ нечыстои сылы и збутысь неможна,—заневныла вона.

Дви молодыци зашепотилы про щось нышкомъ и захихикалы.

— Такъ копай генъ-тамъ яму, блыжче до ричкы,—загадавъ старшына и, геть заспокоившысь, сивъ соби на прызьби и ставъ цыгарку палыты.

Кынулысь понятои зъ соцькымы справлять наказъ старшыны; цикави бабы подалысь теожъ до ричкы, а пысарь зъ урядныкомъ сталы на горбочку пыльнувать за робочымы. Робота йшла споро. Килька день уже стояла одлыга и земля одтала й розмъякла. Почорнилый снигъ хочъ и лежавъ ще дене-де лышаямы, а проте паводь лелила затокою и зъ веселымъ шумомъ спадала бурчакамы до ричкы; пронызоватый витеръ розгонывъ туманъ, що зрывався изъ таловынъ хвылямы. Въ повитри пахло уже весною, хоча й стоявъ ище мокрый холодь.

За яку тамъ годыну була выкопана край ричкы глыбока яма, и соцьки довелы про те старшыни.

— Визьмить на налыгачъ корову и волочить туды!—заверховодывъ той, пидводючысь зъ прызьбы.

Соцьки кынулысь до коровы, залыгалы ій рогы налыгачемъ и сталы тягты, щобъ звесты на ногы; а корова проте и не важылась уставаты, а уперто лежала. До соцькыхъ пры-

сталы и поняти, та мерщій за кіи, щобъ пидбадёрыть корову; надійшлы и бабы допомогты своимъ верескомъ... Чоловикы заходылысь зъ зáпаломъ молотыты Буру по ребрахъ и нарешти такы гуртомъ прымусылы бидну пидвестыся на ногы: спочатку вона за надмирною натугою зипьялась на передни, а дали, смыкнувшысь килька разивъ, згарячу звелась и на задни; про те, ставшы на вси чотыри, уперлась и стала опынатысь назадъ... Молотьба и гвалтъ подвоилысь, бабы сталы корову взаду штовхаты...

— Уперта,—зауважывъ старшына,—насылу зрушылы.

— Охъ, выдыма смерть усякому, пане, страшна,—зитхнула Сохроныха, що не брала участи въ гвалти.

Видъ галасу, крыку прокынулась нарешти и Црися; обвела вона кругъ себе зляканымы очыма и не постерегла зъ просоння въ чимъ ричъ, а потимъ уже, розмиркувавшысь, заразъ кынулась до викна и уздрила, що юрба людей кудысь тягне іи корову.

Стерялась вона въ жаху́ и якъ стояла у одній сорочци, та спидныччи, босонижъ, такъ и кынулась прождгомъ у двери, такъ и майнула на леваду, розбываючы въ брызкы босымы нижкамы крыжняну воду и безъ памьяты лементуючы:—Ой проби! Хто въ Бога вируе... Корову грабують!

Озырнувся на той дытячый крыкъ старшына и гукнувъ до бабивъ:

— Умкны котора дурну дытыну!

Добра Сохроныха переняла дивчыну и обвела іи тоненькый станыкъ рукамы:—Куды ты, безталанна сыритко? Ничого-жъ не вдіешъ!

— Скажы ій, що за корову казна заплатыть,—пояснывъ старшына,—хай и матери перекаже!

— Отъ, бачъ, яки добри та мылостыви панъ старшына, поклопочуть и вернуть за корову гроши... А ты бижы соби до хаты: ачъ, ажъ посынила... дрижакивъ найилась! И якъ такы у такый холодъ, та на снигъ выходыты босою й голою?—Ходимъ лыпень у хату!

— Не пиду, бабусю! Ой, не пиду!.. Я до коривки, до Буркы! Рятуйте!!—кынулась була вона упередъ, такъ баба-жъ не выпустыла іи зъ рукъ, а мицно трымала.

А корову прытяглы ажъ до ямы и сылкувалысь теперъ туды іи впхнуты; але бидна скотына, забачывшы смертельне провалля, стала жахатыся и видкыдатысь навиженно назадъ; выдыма смерть пиджывыла въ іи знеможени сылы, и чымъ бильшъ гвалтувалы озвирени люде, тымъ дужче вона упыралася. Видъ боротьбы и шаленосты у коровы занялысь вогнемъ очи и выступыла пина изъ рота.

— Гей, вырвется! налыгачъ увирве!—крычалы соцьки, хапаючысь обиручъ за вирёвку.

— Не подужаете, чы що?—затривожывся старшына.—Ще вырвется и насадыть кого на рогы!

— Ого, ще й якъ насадыть,—пидхопывъ знахарь,—всихъ переколе: а чы жъ я не казавъ, що щенятъ проковтнула, ну й занялысь...

— Та що-жъ вы, ёлопы?—перелякався ще гиршъ старшына.—Пъять чоловика и тры бабы на одну корову! Страмовыще!

— А ось що!—видизвавсь знахарь, ухопывшы у рукы добрый уломокъ голобли, що валявсь биля ямы,—я іи улагоджу, уконтентую!—И зъ усіеи сылы, на-ôдмашъ ударывъ голоблею корову по заднихъ ногахъ.

Почувся ризкый, ураźлывый хрискъ... Бабы ойкнулы... Одна нога у коровы выпьялась рогомъ, тяжкый тулубъ, ришывшысь пидпоры, згубывъ ривновагу и схылывшись надъ ямою, всею тяжою урвався на дно... Корова забылась переднимы ногамы у ями, а на задни уже звестысь не могла,—певне и друга нога була перебыта.

— Закыдай, засыпай іи швыдче землею!—верховодывъ знахарь.

Пысарь зъ цикавистью ставъ доглядаты, якъ чотыри лопаты проворно кыдалы внызъ вохку землю, якъ грудкы розбывалысь на голови и на спыни у коровы и скочувалысь дрибнымъ грядомъ пидъ ногы; по малу-малу земля покрывала корову,

зростала у-гору: уже й червона скривавлена кистка, и вси чотыри ногы сховалысь пидъ нею, уже грузъ лежавъ зверхъ спины, а спереду сягавъ ажъ до шыи... Бура перестала уже борикатысь и борсатысь; конвульсійни пдрухы стыхалы, и тилько дрижакы пробигалы часамы по ій нерухомимъ погрудди; навить головок вона перестала ухылятысь одъ грудокъ земли и тилько—помымоволи шулыла віи, колы попадала въ око гостра скалка. Чуючы тяжку хвылыну сконання, корова жалибно, зъ протягомъ заревла, застогнала, немовъ бы хотила отымъ бдлиснымъ стогономъ выблагать у байдужыхъ людей мылосердя...

Сохроныха цупко трымала Присю, що былась и рвалася зъ ій рукъ, и старалась прыкрыты полою ій голову, абы не бачыла и не чула, якъ катувалы ій корову. Але ледве розлигсь Бурои стогинъ, якъ Прися зъ несамовытою сылою выпрыснула изъ бабыныхъ рукъ и стримголовъ кынулась на жалибный пдклыкъ своеи коханои. Нихто и не постеригъ дивчынкы, якъ вона бурею прорвалась до ямы и, забачывшы свою Бурку уже по шыю въ земли, порвалась до неи зъ страшнымъ крыкомъ „рятуйте“! Зъ розгону ударылась вона грудыною объ ригъ коровы и непрытомною звалылась пидъ ій голову; але гублячы й стямокъ, вона встыгла ще охопыть рученятамы шыю своеи нытымои Бурочкы... Корова, пизнавшы свою любу годованку, промукала жалибненько до неи, стала лызать ій побилиле, якъ полотно, лыченько.

— Убылась дивчына!—скрыкнулы каты-копачи.

— Отъ тоби й халепа! Новый протыколъ!—почухався пысарь.

— И якъ не догледилы, идолы!—грымнувъ стривоженый старшына.—Чорты бъ убылы вашого батька! Та дурна выпустыла зъ рукъ, а ци—проявы прогавылы!.. Гей, жвавишъ мени!—репетувавъ винъ, мовъ одъ завійны.—Въ яму скакай! Вирёвокъ сюды! Добувай дивча проворнишъ, а не то я васъ! Попущеніе Боже та й годи!

Кынулысь соцьки й поняти, навить урядныкъ вскочывъ у яму, и выхопылы на свитъ нечуствённе, похололе тильце див-

чатка. Баба Сохроныха й знахарь прыпалы мерщій ій до лона и объявылы, що серце ще стука и що дивча тилько зомлило.

— Може що й переламане, чы понивечене, а проте покы-що жытыме,—поришывъ знахарь.

— Хочъ-бы покы що,—побажавъ старшына.

— Видтерты-бъ ій снигомъ, та горилкы всыпаты въ ротъ,—дорадыла Сохроныха.

Понеслы дивчынку въ хату и завзялысь видтыраты ій, забувшы навить про корову.

Гуртомъ такы якось видхаялы ій по-малу; але хочъ дыхання ій и стало буйнищымъ, а проте вона не видкрывала очей и тилько часомъ верзла щось непутяще. Гарячка розпаляла ій тильце щедушне и займала полумьямъ мозокъ.

— Ну, годи!—поришывъ накинець старшына,—що здолалы—зробылы, а тамъ уже не наше дило, а Боже. Вси мы пидъ Богомъ,—завершывъ винъ поважно.

Вси понурылысь, зитхнулы й занышклы. Але знахарь видразу порвавъ сумный настрій:

— А що-жъ корова? такъ-же не можна ій лышыты!

— Ге, и забулы!—похопывся пысарь.—Ходимъ,—цикаво!

Зъ галасомъ, зъ ожвавленымъ почуттямъ рушыла зъ хаты юрба. При слабій лышылась-що жалисливa бабуся, якій и старшына наказавъ не кыдаты дивчаткы, покы не поверне до-дому хазяйка.

Сила Сохроныха и зажурылася, не зводячы погляду зъ трудноі, нещаснои Приси. А та лежала розметано зъ тмянымы очыма; груды ій здіймалысь порывчасто, важко; скризь пазуху розирванои сорочкы вбачалась враза, навкругы якои ажъ чорнивъ страшенный сынякъ.

— Не жыть тоби, сыритко, не жыты,—думала, хытаючы головою, стара,—уже и въ горли клекоче, и видъ тила ажъ пашыть, мовъ изъ печи... Де-жъ такы такому худесенькому та слабесенькому подолать таке лыхо?—Видъ голоду ажъ пидвело, высмоктало останни сылы... а тутъ ще снигъ та вода, та ви-

теръ... Выскочыло и босе, й голе, та ще ударылось тяжко,—може й печинкы видбыло.

Тутъ почулася видъ левады якась тупотня, немовъ тамъ выбывалы пары тры, або й чотыри доброго гопака, навить долитавъ мижъ тупання й смихъ; бракувало тилько музыкы. Баба догадалась, що то утоптувалы свижу могылу коровы...

— Зобидылы безпорадну вдову,—промовыла въ голосъ Сохроныха:—корова скаженою й не була, а просто охляла видъ голоду... Напосилы на беззастунну, щобъ пожывытысь останнимъ прытулкомъ... Эхъ, жыроїиды, багатыри!—зитхнула вона важко.—Вси вы однымъ мыромъ мазани!

Часъ збигавъ; панувала тыша, яку зрыдка будывъ ледве чутный стогинъ слабои...

Смеркомъ уже рыпнулы двери, и въ ныхъ тыхо, крадькома ввійшла Марта.

— Бабусю! Це вы, Сохроныхо?—прыдывлялась вона пыльно, зъ подывомъ, до старои.

— Я, безталанна, я...

— Отъ, спасыби, що навидалы... А хвершалъ—добра душа,—поквапылась вона подилытысь радистью,—забижыть сюды и сповистыть заразъ земського ликаря...

— Эхъ, не поможуть уже земськи,—перебыла іи стара и переказала хутко про корову и про Присю, якои й не запримитыла за бабою у пômеркахъ маты.

Спочатку слухала вона бабу зъ якымсь запеклымъ спокоемъ, и тилько тремтила, але якъ дійшла ричъ до Приси, якъ глянула вона на свою почорнилу дытыну, то несамовыто, не людськымъ голосомъ скрыкнула: „вбылы“! и вытяглась правцемъ, занимила, каминемъ стала...

Кынулась бабуся іи рятуваты; але ни рукъ, ни нигъ не можна було у Марты зигнуть: тило іи взялось деревомъ, очи нерухомо, непрытомно стоялы, а выразъ облычча зробывсь страшнымъ, холоднымъ, байдужымъ...

Цилу ничъ упадала Сохроныха; хочъ вона и домоглась таки одигриты и виджыты по-малу тило Марты, та не домоглась повернуты ій до розуму, воскресыты ій душу...

Передъ свитомъ виддала духъ Богови Прися. На сконанни вона страшенно металась и крычала въ гарячци: „рятуйте, рятуйте корову!.. Ой, ій мордують, катують... Ой, стогне вона! Закопайте и мене зъ нею краще"!

Марта байдуже слухала лементъ своеи едыной втихы, едыной дони; тилько останній выкрыкъ немовъ запавъ ій въ душу, и вона шепотомъ переказала: „закопайте,—такъ краще"!

Поховалы Присю на громадськый коштъ. Хату й садыбу за недоимкы продалы зъ молотка... Купывъ усе старшына...

А Марта?—Одійшла трохы... ходыть зъ довгою рукою по мистечку: хто хлиба дасть—зъисть, хто що заставыть—зробыть... але все мовчкы и до людыны не промовыть и слова... Тилько часамы, на самоти, въ глупу ничъ, прошепоче соби, устромывшы у темряву очи: „закопайте,—такъ краще"!..

М. Старыцькый.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Максимовичъ подъ фирмою Кулиша. Открывшаяся въ февралѣ, въ помѣщеніи Кіевскаго музея, и продолжавшаяся до Ѳоминой недѣли выставка старыхъ и новыхъ картинъ изъ частныхъ собраній представила три картины, имѣющія мѣстный интересъ: недурной этюдъ Вл. Г. Маковскаго «Парубокъ», превосходный портретъ Н. И. Костомарова работы И. Н. Крамского и еще одинъ портретъ его же работы, который въ каталогѣ выставки (подъ № 32) былъ названъ: «Портретъ Кулиша» и который, въ дѣйствительности, не имѣя ничего общаго съ Кулишемъ, изображаетъ хорошо извѣстнаго Кіеву Мих. Алекс. Максимовича, какъ это могли замѣтить всѣ тѣ посѣтители выставки, которые или лично знали покойнаго М. А. Максимовича, или когда-нибудь видѣли его портреты. Это допущенное устроившимъ выставку Кіевскимъ Обществомъ Древностей смѣшеніе двухъ писателей наводитъ на грустныя размышленія, такъ какъ оно могло дать посѣтителямъ ея поводъ думать, что не только теперешнему собственнику портрета неизвѣстно, кого въ дѣйствительности онъ изображаетъ, но и Обществу древностей, которое, допустивъ это смѣшеніе, не исправило ошибки въ теченіе всего времени существованія выставки, вводя такимъ образомъ несвѣдущихъ посѣтителей въ заблужденіе. А казалось бы, память обоихъ ихъ слишкомъ свѣжа, чтобъ можно было ихъ забыть, и были они слишкомъ непохожи другъ на друга, чтобъ можно было ихъ смѣшивать, а въ особенности – въ Кіевѣ, въ которомъ оба они жили когда-то и который былъ такъ близокъ имъ по ихъ интересамъ и литературнымъ трудамъ. Sic transit gloria mundi...

Неудачное вѣнчаніе монаха. Въ концѣ девяностыхъ годовъ XVIII ст. въ Уманскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, случилось изъ ряда вонъ выходящее происшествіе: одинъ изъ безмѣстныхъ священниковъ—«въ чужой церкви воспитанницу свою скоропостижно, безъ собранія народа и всякихъ предрасужденій», обвѣнчалъ съ бродячимъ монахомъ, да еще къ тому, «что всего непростительнѣе—въ 18 день ноября, т. е. въ Филипповъ постъ». Учиня сіе беззаконное дѣяніе, упомянутый безмѣстный священникъ резонно счелъ за наиболѣе благоразумное поскорѣе оставить предѣлы Уманщины и перенесть сферу своей дѣятельности въ другую епархію. Но недремлющее око блюстителя общественныхъ нравовъ не дало ему возможности избѣжать правосудія: священникъ былъ гдѣ-то арестованъ и «къ крайнему для всего священства предосужденію» за карауломъ, какъ арестантъ, доставленъ въ Кіевъ». Здѣсь тогда-то и открылись подробности злополучнаго вѣнчанія, такъ дорого обошедшагося безмѣстному священнику. Оказалось, что въ томъ незаконномъ браковѣнчаніи дѣйствовали два дьячка, изъ коихъ «одинъ тому монаху, хотя въ свѣцкомъ одѣяніи обращающемуся, но имѣющему отращенную бороду, и коего всѣ называли отцемъ Тарасіемъ, держалъ вѣнца, а другой исправлялъ должность старосты и дружка; третій же, священническій сынъ, нынѣшній (въ началѣ 1799 года) уже священникъ, пѣлъ тогда на крыласѣ. Первѣйшій же (виновникъ) такому странному происшествію оказался нѣкоторый благочинный», который, «вѣдая, что тотъ бродяга написанъ въ представленномъ имъ билетѣ бродячимъ монахомъ, не только не представилъ о немъ по командѣ, но принялъ его къ себѣ за письмоводителя», и при отпускѣ отъ сей должности «снабдѣвалъ его въ чужую епархію билетомъ», означивъ въ немъ монахомъ того бродягу, который, «пользуясь занятіемъ себе при томъ благочинномъ письменными дѣлами, имѣли случай извѣсными ему дѣлами, судбами достигнуть, за подписомъ руки того жъ благочинного, свидѣтельство, дозволявшее, подъ именемъ Тимофея Федорова, обвѣнчать его безъ сомнѣнія». На допросѣ однако благочинный всячески отговаривался отъ взводимаго на него обвиненія въ соучастіи въ преступленіи,—онъ увѣрялъ, что «показанній бродяга» уворовалъ у него, благочиннаго, бумагу за его подписью для свидѣтельства и самъ уже сочинилъ подложный документъ. Кіевская дикастерія, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, вынесла соучастникамъ незаконнаго вѣнчанія слѣдующій вердиктъ: 1) Свя-

щенникъ, дезнувшій совершить «вовся неправелнаго браковѣнчанія», и который уже раньше, вмѣсто заслуженнаго имъ „изверженія изъ священства, по единому лишь снисхожденію на немолодые его лѣта, которыхъ ему 55", въ семъ санѣ былъ оставленъ,—теперь лишенъ навсегда надежды къ полученію гдѣ-либо настоятельскаго мѣста, оставленъ до смерти въ запрещеніи священнослуженія и исправленія всѣхъ требъ, и кромѣ того лишенъ права облачиться въ ризы и епитрахиль и долженъ оставаться въ дьячковскомъ званіи, съ дозволеніемъ впрочемъ пріобщаться Св. Таинъ отъ рукъ служащаго священника; 2) «Бывшіе при бракѣ три церковники» наказаны ссылкой на годъ на «труды монастырскіе»; 3) Благочинный лишается своей должности, обязанъ вернуть инструкцію, и «хотя онъ и протоіерей», долженъ стать въ подчиненіе Духовному Правленію, «наравнѣ съ прочимъ священствомъ»... А бродяга съ своею женою „удержанъ въ другой епархіи отъ сожитія".

„Для предосторожности" же священно и церковно-служителямъ „отъ таковыхъ и сему подобныхъ случаевъ", дабы послѣдніе знали, чему, виновные въ томъ, они себя подвергаютъ, и чтобы всѣ благочинные и священство не дерзали подписывать чистыхъ бумагъ бланкетами называемыхъ, въ явномъ къ должности своей, требующей осмотрительныхъ обратовъ, пренебреженіи, и встыду»—велѣно «распубликовать» объ этомъ по всему Уманскому уѣзду.

Одинъ изъ экземпляровъ этой „публикаціи", присланный благочиннымъ уманскаго уѣзда іереемъ Александромъ Кошутскимъ (въ с. Вышнопольѣ) въ с. Глубочекъ, хранится въ церковномъ архивѣ этого села.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Неизданныя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.

Намъ доставлена небольшая тетрадка, содержащая нѣсколько произведеній П. П. Гулака-Артемовскаго. Эта тетрадка, переданная наслѣдниками бывш. сначала харьковскаго, а затѣмъ казанскаго проф. А. Станиславскаго (ум. въ 1883 году), была прислана ему изъ Харькова, какъ видно изъ помѣтки на рукописи, 2 января 1856 г. Къ тетрадкѣ приложенъ на отдѣльномъ листкѣ, очевидно позже присланный, списокъ стихотворенія „До Любкы", помѣченный 16 марта 1856 г. Въ

тетрадкѣ заключаются слѣдующія стихотворенія,—всѣ писанныя собственноручно Гулакомъ-Артемовскимъ: 1) Овдовѣвшей матери семейства, В. И. Кичив—ой (Купчиновой), [1])—2) 4 стихотворенія „Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ", въ томъ числѣ одно на французскомъ языкѣ „A ma bien-aimée Apollinaire, sur l'oubbi de son beau manchon" — всѣ ненапечатанныя [2])—3) переводъ трехъ одъ Горація: XXXIV, кн. I „Отъ и допывсь! и дохмелывсь" [3])—съ неизвѣстнымъ донынѣ польскимъ эпиграфомъ:

Ja uwielbiam dziewczęta własne, a Pan cudze:
Ma więc każden z nas żyskać ćoś na téy posłudze.
Gdy ma być zysk tak wielki, z tak słodkiej posługi,
Radbym na tej posłudzie wiek przepędzić długi";

XIV ода, изъ кн. II: «Ой часъ бы, Грыцьку, намъ, ой часъ пошановаться!» [4]) и 9 ода II кн. „Невже жъ, якъ зъ лотокивъ, изъ хмаръ, Терешку, лье". [5]) Во всѣхъ одахъ замѣчаются значительныя разночтенія.—Стихотвореніе „До Любкы" (XXIII ода Горація, кн. I), напечатанное въ „Очеркахъ ист. украинск. литерат. XIX ст.", Н. Петрова, стр. 70—71, носитъ на себѣ слѣды значительныхъ передѣлокъ и исправленій.

Приводимъ четыре стихотворенія *„Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ"*, не бывшія еще въ печати.

I.

Колы бъ тебе, Полинашко,
Якъ я, зналы люды,
За тобою, моя пташко,
Литалы бъ усюды.

---

[1]) Напечатано М. Комаромъ въ „Зорі", 1896, стр. 336, подъ загл. „Матері удові, на смерть Н. А. Купчинова". Въ напечатанномъ варіантѣ встрѣчаются мелкія разночтенія.

[2]) Исключеніе составляетъ второе, первые два куплета котораго приведены г. Н. Петровымъ въ его „Очерки исторіи украинск. литературы XIX ст." стр. 71.

[3]) Напеч. впервые А. Потебней въ Кіев. Стар. 1888 г., кн. V ст. „Сочиненія П. П. Гулака-Артемовскаго"

[4]) Напеч. въ „Зорі", 1896 г., стр. 415—416 и Кіев. Стар. 1897 г., мартъ, стр. 488—489.

[5]) Напеч. въ Кіевск. Стар. 1897 г., мартъ, стр. 490.

Колы бъ тебе, якъ я, зналы
Багатіи й бидни,
Воны бъ тебе покохалы—
Якъ братикы ридни.

—

Колы бъ зналы хыстъ и сылы
Розуму й серденька,
На рукахъ тебе бъ носылы—
Якъ тато та ненька.

—

До серденька прыгорталы—
Якъ я прыгортаю,
За тобою бъ пропадалы—
Якъ я пропадаю.

—

Соловейко въ клитци тисній
Писни выспивуе...
А хто жъ тіи дывни писни
На улыци чуе!!

—

23 декабря 1855. Харьковъ.

П. А. Г.

II.

Текла ричка
Невелычка,
Та й понялась моремъ:
Була радисть—
Хочъ на старисть,—
Та й залылась горемъ!

—

Нема пташкы—
Полинашкы,
Нема й справди ридныхъ!
Полетила,
Не схотила
Тишыты насъ бидныхъ!

—

Ой, мы, доню,
Твою долю
Не ганьбымъ, не гудымъ:
Будь щаслыва,—
Добротлыва,—
То й мы въ добри будемъ.

—

Твои смихы—
Намъ утихы,
Поки тебе стане;
Твое сонце—
У виконце
И до насъ загляне.

—

Смійся жъ, серце,
На що-сердце,
Смійся и по страви:
Нехай пташку
Полинашку
Полюблять въ Полтави.

—

27 декабря 1855 года Харьковъ.

П. А. Г.

III.

A ma bien-aimèe Apollinaire, sur l'oubli de son beau manchon [1]).

Tu as bien fait, ma chère fille,
D'avoir oubliè ton manchon:
Le feu de ton esprit pétille
Sans la chaleur d'un vil torchon.

—

[1]) Мать, осмотрѣвшись въ Полтавѣ, что дочь не взяла съ собой своей нарядной муфты, была въ отчаяніи, и давай писать и умолять, чтобъ я поскорѣе выслалъ завѣтную муфту. Муфта не послана,—и дѣло обошлось какъ нельзя лучше.

Les étoffes les plus coûteuses
D'un sot sont un triste ornèment;
L'or et les pierreries précieuses
Pâlissent auprès d'un talent.

—

Lorsque d'un clavier mort tu tires
Des sons vivants et mèlodieux,
I'oublie la terre, et tu aspires,
Dans tes brûlants transports, aux Cieux.

—

Ou, lorsque ta main filiale
Veut caresser mes cheveux gris,
Mon coeur bondit, mon coeur tressaille,
Et jusqu'aux pleurs tu m' attendris.

—

Voilà tes joyaux, ta parure,
Ma chère enfant! soigne les bien,
Et que ta vertu nous assure
Et notre bonheur et le tien.

—

Et quand, par un sort immuable
Mon heure sonnera d'adieux,
Ange de paix! fille adorable
Ta main me fermera les yeux.

—

Le 30 Décembre 1855, à Harkoff.

P. A. G.

IV.

Сыдыть батько на лави,
Насупывсь... сумуе;
Дочка жъ ёго въ Пилтави
Зъ хлопцямы гарцюе.

—

Вылизъ батько въ хатыны—
Дочку выглядаты...
И не чувать дытыны!
Що за вража маты!

—

Вертайсь, дочко, до дому,
Годи гопцюваты,
Годи жъ сёго содому
Въ людяхъ выробляты!

—

Чы се жъ такы не дыво,
Та й не дывовы́на
Що бъ по тыжню медъ, пыво,
Смоктала дивчы́на!

—

Ой я бъ, тату, вернулась,—
Не пускае маты:
Въ шисть у́злыкивъ стягнулась,— [1])
Хоче танцёваты.

—

Ой я бъ, тату, не дуже
Тыхъ меди́въ бажала,
Колы жъ маты... байдуже!
„Пый, дочко!“, сказала.

—

„Та пый“ каже—„покы пьется!
Нехай легко тамъ икнется
И батькови, и дытыни,
И въ госпо́ди всій родыни!
Хай цыбулю батько лупыть,
А намъ капшукъ зъ скрыни цупыть,
Та въ Пилтаву надсылае,
Покы маты тутъ гуляе!
Скачы жъ, дочко!... маты скаче:
Нехай дома батько плаче!“

—

31 декабря 1855 года. Харьковъ.

П. А. Г.

---

[1]) Un corsage à six noeuds. Прим. Г. Арт.

Народная пѣсня о Шевченкѣ. Въ № 9 «Кіевской Старины» за 1885 г., (отд. II, стр. 187) помѣщена была М. Васильевымъ народная пѣсня о Шевченкѣ, записанная имъ отъ бывшаго кантониста въ с. Лебединѣ, кіевской губ., чигиринскаго уѣзда. Въ настоящее время намъ доставленъ еще варіантъ народной пѣсни о Шевченкѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ сходный съ упомянутымъ варіантомъ с. Васильева, сохранившійся въ болѣе чистомъ видѣ. Этотъ варіантъ, записанный проф. А. Станиславскимъ въ Казани въ 1879 г. отъ старухи Домахи, родомъ изъ с. Товстого, звенигородскаго уѣзда, лично знавшей Шевченка,—по легендарному, несообразному съ дѣйствительностью, разсказу, приписывался самому Шевченку, который будто бы, послѣ назначенія его въ солдаты, *пріѣзжалъ* къ своимъ родственникамъ и между прочимъ посѣтилъ нѣкоего Каракоца, садовника въ м. Ольшаной (имѣн. гр. Владисл. Браницкаго старш.). На пирушкѣ у этого послѣдняго, наканунѣ отъѣзда, Шевченко, немного подвыпившій, въ присутствіи всего собранія, въ томъ числѣ и Домахи (?), пѣлъ, будто бы, сочиненную о самомъ себѣ слѣдующую пѣсню:

Уродывся Шевченко,
Уродывся, вдався,
Тилько ёго дурный розумъ,
Що въ салдаты дався.
Ой, повезлы Шевченка
Та й бытымы дорижкамы,—
За нымъ, за нымъ стороженькы
Зъ голымы шаблямы.
А де на ничъ прыставалы,
Тамъ виконця забывалы,
А до мене, молодого,
Отця й ненькы не пускалы.
Ой повезлы Шевченка
Рано до прыёму,
Та й крыкнулы на Шевченка:
Голите лобъ ёму!"
На стильчыку посадылы,
Чорни кудри обголылы,
Чорни кудри обголылы
Та й до полку прыдилылы...

— Ой лягай же, Шевченку,
Лягай, просыпляйся,
А завтра день ранесенько
Та й на муштръ збирайся.
Положывся Шевченко,
Положывсь, проспався,
А по-утру вже ранéнько
Та й на муштръ зибрався.

«Есть еще строфы,—сообщала Домаха,—но она ихъ не помнитъ, да и за достовѣрность тѣхъ, что сообщила, не можетъ ручаться». Не говоря о томъ, что пѣсня эта ничего общаго не можетъ имѣть съ творчествомъ Шевченка, нужно имѣть въ виду, что это есть только пріуроченная къ Шевченку общеизвѣстнаго типа рекрутская пѣсня.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. а) *Изъ эпохи гоненія на усы и бороды.* Кіевскій генералъ-губернаторъ гр. А. Д. Гурьевъ получилъ отъ статсъ-секретаря А. Танѣева приводимое нами письмо: «Милостивый Государь, Графъ Александръ Дмитріевичъ! Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образцу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобъ ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру.

Сообщая Вашему Сіятельству о таковой Монаршей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Танѣевъ.

17 марта 1837 г.

б) *Заботы Кіевскаго Генералъ-Губернатора гр. А. Д. Гурьева о помѣщичьихъ крестьянахъ.* 2 іюля 1840 г. Генералъ-Губернаторъ

разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Ю.-Зап. края секретный циркуляръ, въ коемъ ставилъ на видъ, что помѣщичьи крестьяне слишкомъ стѣснены своими владѣльцами, которые сплошь да рядомъ заботятся лишь о томъ, какъ бы извлечь изъ крѣпостныхъ наибольшую для себя выгоду. Замѣчено, что наказанія, примѣняемыя въ экономіяхъ, нерѣдко слишкомъ жестоки; для истязанія крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ заведены были деревянныя колодки и кандалы; въ наказаніе крестьянамъ перебривались головы...

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ я побуждаюсь довести до свѣдѣнія господъ предводителей, что въ теченіе управленія моего ввѣренными мнѣ губерніями, въ 2 года и пять мѣсяцевъ, было болѣе 500 крестьянъ, посягнувшихъ на жизнь свою [1])».

Предводителямъ предложено не уклоняться отъ исполненія возложенныхъ на нихъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 сентября 1826 г. обязанностей по наблюденію за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ; они предупреждаются, что въ упущеніяхъ будетъ усмотрѣно явное уклоненіе отъ исполненія Высочайшаго повелѣнія и невниманіе, сколько къ долгу, возложенному сословіемъ, ихъ избравшимъ въ настоящее званіе, столько же и къ данному Генералъ-Губернаторомъ порученію.

—

в) *О командированіи по Высочайшему повелѣнію художника Шурупова въ Кіевъ.* На имя Генералъ-Губернатора Генерала Бибикова, весною 1838 г., получено слѣдующее письмо: Милостивый Государь Дмитрій Гавриловичъ! Вручитель сего, бывшій питомецъ Императорской Академіи художествъ, нынѣ художникъ XIV класса, Шуруповъ отправленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Кіевъ для снятія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ живописи и мозаики. Такъ какъ Государь Императоръ изволитъ съ особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изображающихъ въ точности старинное наше зодчество, и всѣмъ, что можетъ напомнить степень прежнихъ нашихъ успѣховъ въ художествахъ, то я, какъ президентъ Императорской Академіи Художествъ,

---

[1]) Предполагается, что причиною, въ большинствѣ случаевъ—тягость положенія крѣпостныхъ.

которому сіе дѣло поручено въ особенный надзоръ и руководство, долгомъ почитаю просить Ваше Превосходительство о принятіи въ милостивое Ваше покровительство сказаннаго Шурупова и дать ему, какъ человѣку, на котораго возложено Высочайшее порученіе,—небольшую казенную квартиру, гдѣ онъ могъ бы удобно заниматься окончательно своею работою. За тѣмъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Алексѣй Оленинъ.

9 мая 1838 г.

31 мая Шуруповъ прибылъ въ Кіевъ. Къ ноябрю работы его были закончены, а въ декабрѣ онъ выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

—

г) «*Города Кіева Общей Думы*» орудія, хранившіяся въ Кіевскомъ Арсеналѣ. 12 Іюля 1838 года командиръ Кіевскаго Арсенала представилъ Инспектору мѣстныхъ арсеналовъ опись хранящимся съ 1831 года орудіямъ: семи пушкамъ, четыремъ единорогамъ мѣднымъ и одной гаубицѣ чугунной, принадлежащихъ Кіевскому городскому Магистрату [1]), «изъ коихъ два раза въ годъ Кіевское купечество и мѣщанство, составляя вооруженный строй, 6 Января слѣ-

---

[1]) Полковникомъ Меньшовымъ любезно сообщены слѣдующія свѣдѣнія о сихъ орудіяхъ: Чугунная гаубица—ломъ; пушки мѣдныя: 1) вѣсъ 10 п. 9 ф. отливки 1768 г. 2)—9 п. 38 ф., лита въ 1768; 3, 4, 5 и 6) годъ изготовленія неизвѣстенъ; вѣсъ 8 п. 16 ф., 13 п 16 ф., 5 п. 6 ф. и 5 п. 3 ф. и 7) 1757 года—вѣсомъ 4 п. 30 ф. Единороги мѣдные, съ надписью на нихъ «города Кіева Общей Думы», годъ отливки 1790; вѣсъ: 11 п. 8 ф., 10 п. 32 ф., 11 п. 14 ф. и 11 п. 3 ф.

Въ 1836 г. Артиллерійскій Департаментъ разрѣшилъ, для украшенія залъ Склада, выписать въ расходъ два мѣдные единорога «Города Кіева Общей Думы», вѣсомъ 11 п. 8 ф. и 11 п. 14 ф., которые записаны затѣмъ на приходъ, какъ арматура къ Орлу.

Остальныя орудія, можно думать, въ разное время отправлены въ СПБ. въ Кронверкскій Музей.

Въ семъ музеѣ мною разыскана одна изъ двухъ чугунныхъ пушечекъ, поднесенныхъ Императору Николаю I кіевскимъ купцемъ Тереховымъ, якобы отлитая въ 1371 году; лѣвый дельфинъ у нея отбитъ; въ украшающей ее цифрѣ 1371, или ILEI, Управленіе Музея усматриваетъ № или клеймо. Дѣйствительное время отливки—начало XVII вѣка. Ея пара находится и по сей день въ кіевскомъ артиллерійскомъ складѣ: думная часть, виноградъ и дельфины отбиты.

См. Мартъ 1901, Кіев. Ст.

довало за духовною процессіею ко Іордани, а 1 Августа, на церковномъ парадѣ, производило холостую пальбу».

«Нынѣ», писалъ командиръ арсенала, «согласно Высочайшей волѣ, объявленной Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, таковое шествіе отмѣнено, и уповательно оныя (орудія) въ Магистратъ обращены не будутъ, то имѣю честь покорнѣйше просить записать мѣдныя орудія въ ломъ мѣди, а гаубицу передать въ гарнизонъ—въ ломъ чугуна».

18 Октября того же года Инспекторъ Арсеналовъ предписалъ: орудія хранить, выдавая таковыя Магистрату для всѣхъ церемоній, при коихъ употребленіе орудій было въ обычаѣ.

Сообщилъ **Алексѣй Мёрдеръ.**

Стоимость похоронъ барышевской обывателки, въ 1756 г.

„*Реестръ что імяно денегъ і протчего здержано на помяновение умершой Костомашихи значитъ подъ симъ 1756 году, марта 3 д. учиненъ*“. За служение і за понахиду Отцу Михайлу Крестовому, протопопѣ баришовскому, дано 50 коп.—отцу Захару пречискому—50 к. отцу Іосифу сулиминскому (с. Сулимовки)—50 к. Діаконамъ двомъ баришовскимъ—40 к. Отцу Ручцѣ Петру—30 к. Дякамъ і паламарамъ разныхъ школъ—18 к. Дано за работу и за готованя обѣда і що нищихъ кормили—20 к. Меду сиченого полдванадцята гарця, всякой гарнецъ по 4 коп.,—46 к. Риби свѣжой разной, великой і малой, куплено за 40 к. Вина до церкви кварту дано 12 к. Ганусовой оковитой горѣлки сѣмъ квартъ, всяка кварта по 12 коп.,—83 к. Сливянки пять квартъ, всяка кварта по 8 к.,—40 к. Перепустъ сивухи простой—1 р. Пива на обѣдъ за 1 р. Риби сотце, за 50 к. Ряжу (рису) полфунта, за 4 к. Розинковъ чвертка, за 3 к. Гороху полчвертки, за 5 к. Просолной риби, щуки, куплено за 30 к. Осетрини полдесята фунта, всякой фунтъ по 3 коп. з денежкою,—35 к. Булокъ сорокъ, денежныхъ, куплено за 20 к. Ситницъ пять, всяка ситница по едной коп.,—5 к. Олѣи пять квартъ—30 к. Цыбулѣ два вѣнки, за 8 к. Оселедцовъ 15, всякой оселедецъ по денежки,—7 к. 3 д. Ікри осятровой чорной 4 фунта, ксякой фунтъ по 5 коп.,—20 к. Свѣчокъ восковыхъ денежныхъ 36, куплено за 18 к. Свѣчка една восковая велика, за 5 к. Оливи чвертка, за 3 к. Соли цурки, за 3 к. Соли гусокъ за 2 к. *(Съ подлинника)*

Рѣчь идетъ о цѣнахъ на рынкѣ м. Барышевки, переяславскаго уѣзда.

Для исторіи торговли въ старой Малороссіи. «*Виденіе почему, по прежнему обикновенію и по данной графу Гаврилу Владиславичу (Рагузинскому), въ 1725 году, вѣдомости, съ товаровъ великороссійскихъ, малороссійскихъ и заграничныхъ индукту собирать.*» [1])

Съ товару великороссійскою. Отъ тисячи бѣлки—60 коп., отъ бунта лисицъ—50 к., отъ сорока горностаевъ—10 к., отъ бунта корсаковъ—14 к., отъ сорока норокъ—16 к., отъ пари вушекъ лисѣхъ—2 к., отъ косяка лудану—16 к., отъ тюма китайки—16 к., отъ 1000 арш. крашанини—80 к., отъ конца московского полотна—20 к.

Противъ дробязки раховать и отъ ста—два (2%) индукти принимать.

—

Съ товару малороссійского. Отъ воза тютюну—50 к., отъ воза ганусу—60 к., отъ вола, что до Шленска ходятъ—10 к., отъ вола, что на Москву ходятъ—4 к., отъ куфи горѣлки—20 к., отъ воза пенки—20 к.

—

Съ товару грецкою. Отъ кумача красного—2 к., отъ одного киндяка—1 к., отъ кипи красной бумаги—1 р. 60 к., отъ кипи поясовъ румелецкихъ—1 р. 60 к., отъ десятка поясовъ верблюжихъ—6 к., отъ бунта сафяна—10 к., отъ матерій шелковихъ и злотоглавнихъ раховать почему продается, то съ того брать индукти отъ ста—два и отъ прочихъ товаровъ также, которіи на рахубу приходятъ по тому же брать.

—

Съ товару полского. Отъ чвертки тонкого сукна—80 к., отъ штуки каруну—30 к., отъ штуки локтевого сукна—12 к., отъ штуки штаметы—30 к., отъ каменя мѣди—14 к., отъ одного рубка—2 к., отъ мажи соли—20 к., отъ прочихъ дробязговъ также раховать и отъ ста—два индукти брать.

---

[1]) Взято изъ сборника (*Silva rerum*), принадлежавшаго Якову Марковичу.

На оному подпись: секретарь Иванъ Авраамовъ. Подканцеляристъ Василь Леонтіевъ.

Іюня 6 дня 1729 году.

Годовой доходъ переяславской ратуши и урядниковъ въ нач. XVIII в. «*Реестръ зборамъ, которие в прошломъ 1722 году присланние в малороссійскую Коллегію изъ войсковой генералной канцеляріи зборщики въ въдомостяхъ своихъ показали, что оние збори при прежнихъ гетманахъ збиривани которие и нынѣ по силѣ присланного из високого сенату указъ в казну его императорского величества надлежитъ. 1727 года.*» *Городъ Переяславль.* Въ томъ городѣ имѣетъ быть 3 ярмарка: 1) о десятой пятницѣ; 2) сентября 1 числа и 3) генваря 6 дня. И во время тѣхъ ярмарковъ имѣютъ быть сбори: *На полковника.* С приниждихъ людей ярмаркового, од воза по 10 коп. Съ продажи, кто продастъ лошадь и вола—поводного по 2 коп. З овецъ по 1 коп. *На ратушу.* З привозних и мѣстовихъ продажних куфъ вина, которие в тѣхъ ярмаркахъ продаютъ гуртомъ, з такихъ продавцовъ скатного одъ куфи по 20 коп. З шинкарей, которие в тѣхъ ярмаркахъ шинкуютъ на мѣсте, по 2 р. Скатного с куфи по 30 коп. А с переяславскихъ жителей одъ куфи по 20 коп. З дехтю з вишинкового, какъ во время ярманку, такъ и безъ ярманку, с куфи по 1 р. А хто продастъ гуртомъ, скатного отъ куфи по 10 коп. З воскобойнѣ от закладу по 4 коп. З важни вагового одъ пуда с продавца по копейки; з купца по томужъ. З семи будовъ ратушних, которие при ярманкахъ в годъ отдаются крамарамъ, по 60 и по 40 коп. Одъ коморъ шинковихъ и одъ резницкихъ в годъ по 20 коп. З пяних брагъ, кто шинкуетъ по 20 коп., а кто менше шинкуетъ по 10 коп. З приезджихъ людей, которие приездятъ в торговие дни для покупки хлѣбу и протчего, мѣстового од воза по 2 коп. Одъ гончаровъ мѣстового в годъ по 10 коп. Одъ колачницъ в годъ по 5 коп. Около города пашенная десятина и с той пашнѣ, кто сѣетъ хлѣбъ, берется десятий снопъ. З мелници на реке Трубежѣ, в которой 2 кола мучних, третее ступное, емлется доходу десятая мѣрка, а та мелница построена в 720 году. З подданних той ратушѣ селъ а именно: Пристрони, Каратулъ, Великая, Леляки, Денисы, Полѣжаи, Плужники, Коморевка, Столпяги—емлется годо-

вого овладу с тихъ селъ, с лошади по 10 коп., з вола по 10 коп. да по полосминѣ овса. Перевозъ на рекѣ Днѣпрѣ, противъ Переяславля подъ селомъ Андрушами, переяловского Вознесенского монастыря, с которого емлется с проижихъ изъ переяловскихъ всякихъ чиновъ людей з воза по 8 коп. на оный монастырь. *На старшинъ ратушнихъ.* З приезжихъ людей ярмарково с воза мостового по 2 коп., за квитъ по 2 коп. *Сторожамъ*, которие служатъ при тихъ ярмаркахъ. С возовъ по 1 коп. Да особъ обще на полковника и на ратушу з барилъ двойного и простого вина, которие в ярмаркахъ в ташахъ шинкуютъ, а имѣютъ тіе барили битъ мерою в пари ведерка, по 30 коп. А ежелижъ будетъ болший или меншій противъ того—по росчету. На ратушъ и на полковника и до шкатули гетманской шинкарь одъ куфи вина 2 р., а буде вино подлое и с такихъ куфъ по 1 р. по 50 коп. и 1 р. *На войта.* Померного отъ продажной пашнѣ четверика—по ковшу. С продажного меду отъ ведерка с купця по 1 коп., с продавца по 1 коп. В ономъ же городѣ и в уѣздѣ з посполитихъ людей и со владѣльцевихъ подданнихъ збирается на дачу компанѣйцомъ, двомъ человѣкомъ месячной дачи по 80 коп. на мѣсяцъ человѣку.

Збиралась на гетмана со пчелъ десятина. *(Арх. генер. канцеляріи, № 3817).*

Нѣсколько словъ къ фотографамъ-любителямъ. Около пяти лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ „Кіевской Старины“ нѣчто въ родѣ обращенія къ фотографамъ-любителямъ. [1]) Тамъ было указано на ту помощь, какую могутъ оказать фотографы-любители дѣлу описанія памятниковъ старины и внѣшней стороны народной жизни; была также вкратцѣ намѣчена и программа, слѣдуя которой можно быть полезнымъ вышеупомянутымъ областямъ знанія.

Въ настоящей замѣткѣ мы снова повторяемъ раньше высказанную просьбу и дѣлаемъ это въ виду слѣдующихъ соображеній.

Въ послѣднее время, благодаря иниціативѣ Московскаго Археологическаго Общества, выступилъ на очередь вопросъ объ описаніи и изданіи памятниковъ украинской старины. Съ этой цѣлью при

---

[1]) Вниманію фотографовъ-любителей, іюнь, 1896 г.

Обществѣ Нестора Лѣтописца образована особая Коммиссія, совершенъ прошлымъ лѣтомъ рядъ экскурсій, и намѣчены новыя. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ фотографія—безъ нея, какъ говорится, нельзя ступить шагу. Но имѣя въ виду небольшой составъ членовъ Коммиссіи, совершающихъ экскурсіи, и обширность раіона (юго-западный край и лѣвобережная Малороссія), трудно надѣяться, чтобы памятники старины были описаны и сняты въ достаточной полнотѣ. Большую услугу могутъ оказать фотографы-любители. Фотографія теперь—очень распространенное занятіе, на каждомъ шагу можно встрѣтить фотографа-любителя, сотни пластинокъ изводятся зачастую совершенно безполезно, превращая это интересное занятіе въ простую забаву, въ скоро пріѣдающійся спортъ. Въ каждомъ селѣ, въ каждомъ городѣ всегда найдутся какіе-нибь. памятники старины: старинная церковь или другая постройка, въ церкви—иконостасы, иконы, утварь, въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ—обстановка, предметы домашняго обихода. Если фотографъ-любитель обратитъ на нихъ свое вниманіе, сфотографируетъ, снабдитъ хотя самымъ краткимъ описаніемъ (время, матеріалъ, размѣры), то этимъ самымъ принесетъ несомнѣнную пользу серьезному дѣлу. [1])

Еще больше матеріала для фотографа-любителя, живущаго въ деревнѣ, дастъ народная жизнь, ея внѣшняя сторона. Сколько разнообразныхъ типовъ, костюмовъ, особенностей въ устройствѣ жилища можно встрѣтить въ каждомъ уголкѣ! Если прибавить къ этому характерные виды мѣстности, групповые снимки, напр. во время крестныхъ ходовъ, праздничныхъ игръ деревенской молодежи, то, результатомъ даже одного мѣсяца, проведеннаго въ деревнѣ, можетъ быть очень интересный альбомъ фотографій. Эта область ближе, доступнѣе для фотографа-любителя; намъ не разъ приходилось встрѣчать гдѣ-нибудь въ деревнѣ или въ уѣздномъ городкѣ любителей, имѣвшихъ цѣлыя коллекціи такихъ фотографій. Но бѣда въ томъ, что почти всегда дѣло и оканчивается сниманіемъ, проявленіемъ и печатаніемъ,—съ теченіемъ времени негативы, да и отпечатки, портятся, расходятся по рукамъ, затериваются. Между тѣмъ, такого рода снимки представляютъ цѣнный матеріалъ для этнографіи,—на матеріальную сторону народной жизни все больше и больше начинаютъ обращать

---

[2]) Фотографіи и описанія адресовать въ г. Кіевъ, въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

вниманія, она становится предметомъ серьезнаго изученія. Въ будущемъ году въ Харьковѣ устраивается археологическій съѣздъ, при немъ организуется первая малорусская этнографическая выставка, и снимки вышеупомянутаго характера будутъ цѣннымъ вкладомъ какъ для выставки, такъ и для предполагаемаго къ устройству въ Харьковѣ этнографическаго малорусскаго музея. [1])

Въ заключеніе, не лишнимъ будетъ коснуться еще одного вопроса, связаннаго съ фотографіей, но болѣе общаго характера. Въ крупныхъ центрахъ Россіи существуютъ фотографическія общества, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ между прочимъ и вышеуказанныя цѣли. Такъ напр., члены Московскаго Русскаго Фотографическаго Общества устраиваютъ ежегодно экскурсіи, дающія въ результатѣ очень интересный матеріалъ. Помимо того что экскурсантами снимаются виды мѣстностей и другіе памятники, имъ иногда открываются новые памятники старины. Въ прошломъ году, въ одномъ изъ засѣданій этого Общества, было, напр., доложено, что въ с. Коломенскомъ, подъ церковью Вознесенія, въ подвалѣ, фотографы нашли среди мусора старинныя царскія врата красивой рѣзной работы и старинную икону Божіей Матери,—съ этихъ предметовъ сняты, конечно, фотографіи и о находкѣ сообщено Московскому Археологическому Обществу. Въ томъ-же засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ объ образованіи коммиссіи по собиранію фотографій съ памятниковъ древности. Несомнѣнно, такая дѣятельность вышеназваннаго общества заслуживаетъ подражанія. Имѣемъ въ виду нашъ Кіевъ—центръ области, полной остатковъ прошлаго. Пора и Кіеву начать работать въ этомъ направленіи. Здѣсь существуетъ фотографическій отдѣлъ Кіевскаго отдѣленія Русскаго Техническаго общества, но о работахъ его по фотографированію памятниковъ мѣстностей старины что-то не слышно, а вѣдь одинъ Кіевъ можетъ дать массу матеріала!

Въ 1896 г. возникъ было проекъ образованія общества фотографовъ любителей, подъ названіемъ «Кіевскій Фотоклубъ», съ цѣлью, по примѣру парижскаго «Photoclub», теоретической и практической разработки дѣла свѣтописи по всѣмъ отраслямъ, поощренія возможно большаго и разнообразнаго примѣненія фотографіи въ научныхъ

---

[1]) Адресъ для посылокъ: Харьковъ, Университетъ, въ Предварительный Комитетъ по устройству XII-го Археологическаго Съѣзда. Тамъ-же можно получить и подробныя программы по описанію древностей и по этнографіи.

трудахъ и изслѣдованіяхъ и поддержки и содѣйствія экскурсіямъ фотографовъ-любителей, предпринимаемымъ съ научной и художественной цѣлью для собиранія матеріаловъ по изученію родины. Кромѣ того, новое Общество предполагало заняться систематическимъ фотографированіемъ памятниковъ мѣстной старины, выдающихся архитектурныхъ сооруженій, живописныхъ мѣстностей, видовъ городовъ и вообще всего, имѣющаго значеніе для исторіи мѣстнаго края и характеризующаго его съ художественной, живописной стороны.

Очень жаль, что этотъ симпатичный проектъ до сихъ поръ не получилъ осуществленія,—такое Общество сдѣлало бы многое для той цѣли, для которой и написана настоящая замѣтка. Хорошо былобы снова подумать объ устройствѣ „Кіевскаго Фотоклуба".

Н. Вѣляшевскій.

Письмо въ редакцію. Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно—значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально-историческаго и научно-этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а поэтому обращаюсь черезъ посредство вашего уважаемаго изданія ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой ока-

зать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома, губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще ненапечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи *всѣхъ* корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для безплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій пчеловодъ *Г. А. Кузьминъ*

Текущія извѣстія.

Объ ознаменованіи въ г. Екатеринодарѣ 40-лѣтія со дня смерти поэта Т. Г. Шевченка. Въ виду истекавшаго 40-лѣтія со дня смерти Т. Г. Шевченка, 26 февраля этого года, почитатели таланта малорусскаго поэта подали въ городскую управу слѣдующее заявленіе.

„Городская Дума, въ засѣданіи своемъ 14-сего февраля, постановила ознаменовать сорокалѣтній юбилей великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости наименованіемъ одного изъ новыхъ училищъ «открытымъ въ память 19 февраля 1861 г.». 26-го февраля настоящаго же года истекаетъ 40 лѣтъ со дня смерти величайшаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, лично испытавшаго ужасы крѣпостного ига и съ такой силой излившаго въ геніальныхъ стихахъ всю скорбь негодующей и возмущенной нехристіанскими отношеніями своей правдивой души".

„Геній великаго пѣвца и печальника народнаго горя признанъ повсемѣстно: произведенія Т. Г. Шевченка выдержали много изданій и переводились на языки: французскій, нѣмецкій, чешскій, польскій,

русскій, итальянскій, сербскій и другіе; два общества: научное въ австрійскомъ университетскомъ городѣ Львовѣ (Лембергъ) и благотворительное въ С.-Петербургѣ названы обществами имени Т. Г. Шевченка; ежегодно 26 февраля повсюду въ Малороссіи, Галиціи и въ крупныхъ центрахъ Россіи устраиваются вечера, посвященные памяти покойнаго Т. Г—ча; могила поэта на вершинѣ горы у з. Канева посѣщается массой почитателей и туристовъ; въ Австріи одна изъ улицъ г. Львова называется «улицей Шевченка». Общество литераторовъ въ С.-Петербургѣ возбудило ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи открыть всероссійскую подписку для сооруженія памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ на высокомъ берегу Днѣпра и проч. и проч.

Полагая, что чествованіе великихъ людей имѣетъ воспитательное значеніе; полагая, что Екатеринодаръ, находящійся въ центрѣ малорусскаго населенія, можетъ и долженъ пріобщиться къ выраженію знаковъ уваженія къ величайшему изъ поэтовъ Украйны, мы нижеподписавшіеся граждане г. Екетеринодара, предлагаемъ и покорнѣйше просимъ Городскую Думу почтить память Т. Г. Шевченка въ сороковую годовщину смерти его: во 1-хъ, наименовавъ одно изъ городскихъ училищъ «училищемъ имени Т. Г. Шевченка», во 2-хъ, назвавъ именемъ поэта одну изъ улицъ Екатеринодара или бульваръ у Маріинскаго училища, на каковомъ средствами, собранными по подпискѣ, можно затѣмъ поставить бюстъ поэта».

Заявленіе подписано 45-ю лицами.

Дума единогласно постановила назвать одно училище «Училищемъ имени Т. Г. Шевченка»; но, вмѣсто бульвара противъ Маріинскаго училища, рѣшила переименовать Ростовскій бульваръ въ Шевченковскій. Такимъ образомъ память поэта будетъ надолго увѣковѣчена въ г. Екатеринодарѣ.

Сообщ. **Г. Малышенко.**

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о чествованіи памяти Т. Г. Шевченка въ различныхъ пунктахъ Россіи и Галицкой Руси, сообщаемъ свѣдѣніе о чествованіи, происходившемъ 17 марта въ Екатеринославѣ въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Самыми интересными частями программы, по словамъ газеты «Приднѣпровскій край», были чтеніе А. Я. Ефименко «Памяти Т. Г. Шевченка» и исполненіе народныхъ думъ бандуристомъ Гнатомъ Галайдою. А. Я. Ефименко прочла свой очеркъ удивительно хорошо и задушевно. Нарисованная ею картина прошлой жизни Украйны, поскольку она отразилась въ поэзіи Шевченка, прямо захватила слушателей. „Поэзія Шевченка есть пробужденіе народнаго самосознанія, а разъ народъ созналъ себя,—онъ уже выступилъ на путь къ своему возрожденію“,—вотъ выводъ, къ которому пришелъ авторъ.

Гораздо менѣе удовлетворилъ автора замѣтки о вечерѣ бандуристъ. „Онъ,—говоритъ послѣдній—нарядился для чего-то въ театральный козацкій костюмъ, совершенно не шедшій ни къ его фигурѣ, ни къ его лицу, да и поетъ онъ немного театрально, что, при исполненіи народныхъ думъ, неумѣстно“.

Изъ остальныхъ исполнителей можно было отмѣтить одушевленную декламацію г. Краницкаго и прекрасное пѣніе г-жи Муравьевой. Особенно хорошо вышла у нея прелестная идиллія на слова Шевченка „Садокъ вышневый коло хаты“.

Хоръ очень дружно исполнилъ всѣ свои номера, и руководитель его С. О. Михмель вполнѣ заслужилъ за свой усердный и безкорыстный трудъ ту благодарность, которая была ему выражена тутъ же отъ имени хора въ адресѣ, поднесенномъ ему съ подаркомъ отъ секціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ.

Судьба родственниковъ Т. Г. Шевченка. Тяжелая участь выпала на долю нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ родственниковъ Тараса Григорьевича Шевченка. Его внучкѣ грозитъ исключеніе изъ школы за невзносъ платы. Мать исключаемой, Ольга Бойко, пишетъ объ этомъ слѣдующее въ письмѣ въ редакцію „Кіевской Газеты“:

„Внезапно постигшее меня горе заставляетъ обратиться къ вамъ о содѣйствіи. Всѣмъ извѣстно, что дѣти мои—внуки родной сестры украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка, Ирины Григорьевны Бойко. Извѣстно также и то, что я воспитывала своихъ дѣтей на средства, жертвуемыя почитателями покойнаго поэта. Какъ ни тяжело мнѣ было воспитывать моихъ дѣтей, но я утѣшала себя надеждой, что сынъ мой скоро окончитъ курсъ семинаріи и будетъ под-

держкой моей старости, такъ какъ онъ всегда утѣшалъ меня, въ чемъ я ничуть не сомнѣвалась, потому что учился онъ очень хорошо и притомъ унаслѣдовалъ талантъ своего дѣдушки Т. Г. Шевченка. Но Господь Всемогущій иначе распорядился, давъ мнѣ крестъ нести новый. И вотъ единственный мой сынъ, единственная моя надежда въ будущемъ и отрада, теперь находится въ кіевскомъ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи душевно-больныхъ. Старшая моя дочь тоже лечится въ клиникѣ, а младшая воспитывается въ кременецкомъ епархіальномъ училищѣ, за право ученія которой я должна 90 рублей. Если я не уплачу слѣдуемый долгъ до Пасхи, то дочь моя будетъ уволена изъ училища. Я слышала,—не знаю, насколько это вѣрно,—что въ Кіевѣ будетъ вечеръ, посвященный памяти Шевченка: я прошу васъ, г. редакторъ, не отказать въ моей просьбѣ—объявить въ редактируемой вами газетѣ о нашемъ положеніи. Можетъ быть, присутствующіе на вечерѣ почитатели памяти покойнаго Шевченка и вообще добрые люди великодушно отнесутся къ положенію внуковъ его родной сестры, а моихъ дѣтей, и окажутъ посильную помощь, хотя-бы на уплату за право ученія моей дочери 90 рублей".

Насколько намъ извѣстно, нѣкоторые изъ почитателей таланта Т. Г. Шевченка—въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и друг. мѣстахъ откликнулись на этотъ призывъ. Желательно было бы, чтобы извѣстіе о бѣдственномъ положеніи родственниковъ поэта дошло до свѣдѣнія какъ можно большаго числа почитателей кобзаря.

Отчетъ о вечерѣ въ Петербургѣ въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Т. Г. Шевченка. По сообщенію Правленія общества имени Т. Г. Шевченка, 16 марта съ вечера въ память 40-лѣтней годовщины со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченка за проданные билеты поступило 1405 руб. 20 коп., за афиши—20 руб., кромѣ того отъ г-жи Е. А. Муркенъ, безплатно украсившей бюстъ Т. Г. Шевченка, поступило вырученныхъ ею отъ продажи цвѣтовъ 43 руб., а всего 1468 р. 20 к. Расходовъ по устройству вечера было 485 р. Такимъ образомъ чистаго остатка поступило въ кассу общества 983 руб. 20 коп. (С.-Петерб. Вѣдом. № 80).

Животрепещущій вопросъ. Газета «Волынь», говоря о положеніи языковъ инородческихъ въ Россіи, совершенно основательно и резонно указываетъ на ненормальное положеніе цѣлой вѣтви русскаго языка, языка малорусскаго.

«Не смотря на то, что этотъ языкъ отчасти приближается къ русскому, но ребенокъ до поступленія въ школу ни слова не знаетъ по-русски, и учителю, если онъ не малороссъ, приходится чрезвычайно туго при исполненіи своихъ обязанностей. Какъ ни старайся учитель, какой-бы педагогической опытностью онъ ни обладалъ, но совершенно обойтись при обученіи безъ помощи роднаго дѣтямъ малорусскаго языка ему невозможно. Недопущеніе-же учебниковъ на этомъ языкѣ, хотя бы для низшихъ группъ учащихся, въ концѣ-концовъ, неблагопріятно отражается на знаніяхъ дѣтей. Но вотъ ребенокъ прошелъ уже положенный курсъ въ школѣ грамоты или даже министерской, а все-таки знаніе русскаго языка у него далеко еще недостаточно для того, чтобы продолжать свое умственное развитіе исключительно по русскимъ книгамъ. И здѣсь неограниченное допущеніе переводовъ русскихъ авторовъ на малорусскій языкъ сыгралобы огромную роль. Вѣдь, если имѣть въ виду одну только конечную и единственно важную цѣль внѣшкольнаго образованія—поднятіе культурнаго и умственнаго уровня населенія, то съ этой точки зрѣнія представляется почти безразличнымъ, на какомъ языкѣ оно совершится. И ужъ, во всякомъ случаѣ, это произойдетъ скорѣе, если народный языкъ того или иного окраиннаго населенія будетъ уравненъ въ гражданскихъ правахъ съ общегосударственнымъ».

„Уѣздная консерваторія“. Намъ сообщаютъ о симпатичномъ предпріятіи, начатомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и обязанномъ своимъ существованіемъ исключительно усиліямъ и энергіи одного почтеннаго дѣятеля. Собиратель малорусскихъ пѣсенъ и бывшій профессоръ петербургской консерваторіи, Александръ Ивановичъ Рубецъ, потерявъ зрѣніе, поселился въ Стародубѣ и открылъ въ этомъ городѣ курсы, которые онъ въ шутку называетъ «консерваторіей» и которые, дѣйствительно, представляютъ собою нѣчто въ родѣ уѣздной консерваторіи. Здѣсь безплатно для всѣхъ желающихъ преподается пѣніе, хоровое и сольное, и игра на

разныхъ инструментахъ. Занимаясь съ своими учениками ежедневно отъ восьми часовъ утра до восьми часовъ вечера, энергичный труженикъ не оставляетъ ихъ своими попеченіями и по прохожденіи у него курса, если они отличаются хорошими музыкальными способностями: пользуясь своими связями съ музыкальнымъ міромъ Петербурга, онъ уже помѣстилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ въ хоръ Петербургской оперы, а другихъ, для довершенія музыкальнаго образованія, устроилъ въ Петербургской консерваторіи на благотворительныя суммы. Обращаемъ на эти курсы вниманіе всѣхъ, для кого безвозмездные уроки А. И. Рубца могли бы быть полезны.

Національно-политическая дѣятельность галицкихъ русиновъ. 25 марта н. с. въ помѣщеніи «Русскої Бесіди», во Львовѣ, открылись засѣданія областного съѣзда галицко-русскихъ національ-демократовъ. Делегатовъ съѣзда явилось свыше 100 человѣкъ, большинство которыхъ—крестьяне. Главнымъ образомъ съѣздъ занимался вопросомъ о предстоящихъ сеймовыхъ выборахъ. Принято рѣшеніе—выступить на выборахъ по возможности общими силами, совмѣстно съ русскими (русинскими) оппозиціонными и польскими партіями. Веденіе переговоровъ съ упомянутыми партіями рѣшено поручить независимымъ русскимъ депутатамъ вѣнскаго рейхсрата. Продолжительные дебаты вызвалъ вопросъ о поведеніи русскихъ депутатовъ въ общеимперскомъ парламентѣ. Докладывалъ депутатъ Романчукъ. Принято съ удовольствіемъ къ свѣдѣнію, что независимые русскіе депутаты образовали русскій клубъ, и что къ этому клубу присоединились также русско-буковинскій депутатъ Василько и, въ качествѣ «гостя», оппозиціонный, а отчасти русскимъ народомъ избранный польскій депутатъ Брайтеръ, и что этотъ клубъ имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ парламентскихъ коммиссіяхъ.

Затѣмъ д-ръ Левицкій докладывалъ предложеніе центральнаго бюро объ основаніи русской популярной газеты. Эта газета должна имѣть своимъ назначеніемъ воспитаніе и политическое образованіе народа, вслѣдствіе чего она должна затрогивать всѣ жизненные вопросы (въ особенности политическіе и экономическіе) и писать при этомъ горячо и остро.

Въ заключеніе засѣданія, съѣздъ выбралъ новый комитетъ народной демократической партіи, въ составъ которой вошли Романчукъ—предсѣдателемъ комитета и Борковскій—товарищемъ предсѣдателя. (С.-Петерб. Вѣд., № 77).

Дѣятельность Наукового Товариства ім. Шевченка" въ 1900 году. Львовское общество имени Шевченка обнародовало интересный отчетъ о дѣятельности своей въ 1900 году, изъ котораго извлекаемъ слѣдующія данныя:

Дѣйствительныхъ членовъ въ отчетномъ году общество насчитывало 34, которые распредѣлялись на три отдѣла—историко-философскій, филологическій, математическо-естественный, а также по коммиссіямъ: юридической, археологической и этнографической. Состоялось въ общемъ 45 научныхъ засѣданій, въ которыхъ было прочитано и обсуждено 30 болѣе крупныхъ труловъ, появившихся затѣмъ въ „Запискахъ Товариства" или же въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Если принять во вниманіе, что весь капиталъ общества чрезвычайно малъ и что главнымъ источникомъ его доходовъ являются типографія, членскіе взносы и добровольныя пожертвованія и 14000 кронъ правительственной субсидіи, то изъ приведенныхъ ниже цифръ можно вывести весьма лестныя заключенія о распорядительности лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія. Такъ, изданіе «Записок Товариства» стоило 9,000 кронъ, изданіе вышеупомянутыхъ отдѣловъ 5,200 кронъ, изданія этнографической коммиссіи 6,000 кронъ, археографической 3,200 кронъ, юридической 2,400 кр., исторической библіотеки 1,250 кр., наконецъ изданіе «хроники» общества 1,600. Такимъ образомъ, научныя изданія стоили въ общемъ 28,650 кронъ, т. е. слишкомъ вдвое больше того, что составляетъ субсидія. На эти деньги издано 38 томовъ большихъ сочиненій въ количествѣ 25,300 экземпляровъ и множество мелкихъ книжекъ и брошюръ. Въ научномъ отношеніи изъ этихъ изданій выдѣляются три тома «Історіи Украини - Руси», написанной профессоромъ Грушевскимъ, далѣе VIII и IX томы «Этнографичного збірника» и III томъ «Матеріалів для українсько-руської этнольогиі», редактируемые гг. д-ромъ Иваномъ Франкомъ, д-ромъ Федоромъ Вовкомъ и В. Гнатюкомъ. Кромѣ расходовъ на эти изданія, общество израсходовало на стипендіи и вспомо-

ществованія 2,700 кронъ, на этнографическія экскурсіи 1,000 кронъ и на администрацію 5,300 кронъ. При обществѣ существуютъ богатая библіотека, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ, интересный національный музей, а также издается единственный русинскій научно-литературный журналъ «Літературно-Науковий Вістник».

Коммиссія по описанію древностей Украины. Коммиссія по описанію древностей Украины образовалась послѣ XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ при историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Предсѣдатель предварительнаго комитета предстоящаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, графиня Уварова, возбудила ходатайство о разрѣшеніи этой коммиссіи разослать, черезъ посредство инспекторовъ народныхъ училищъ кіевскаго учебнаго округа, учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ запросы о нахожденіи въ ближайшихъ къ нимъ мѣстахъ городищъ, кургановъ, древнихъ сооруженій, построекъ или развалинъ, съ тѣмъ, чтобы учители дали на эти запросы соотвѣтствующіе отвѣты. Въ настоящее время въ округѣ уже получено разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія удовлетворить ходатайство графини Уваровой, и запросы разосланы. (Бирж. Вѣд., № 82).

Такіе же запросы разосланы, съ разрѣшенія духовныхъ властей, при посредствѣ кіевской Духовной Консисторіи, и всѣмъ священникамъ Кіевской епархіи. Въ настоящее время въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца начинаютъ уже поступать отвѣты на запросы.

Этнографическая командировка въ Харьковскую губернію. Петербургское этнографическое общество командируетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Харьковскую губернію нѣсколько пѣвцовъ и музыкантовъ, для записыванія малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. (Придн. Край, № 1160).

Проектъ выкупа о-ва Хортицы. Письмомъ въ редакцію «Вѣстника Козачьихъ Войскъ» г. Коноваловъ поднимаетъ вопросъ о вы-

купѣ острова Хортицы,—гнѣзда Запорожья,—нынѣ заселеннаго колоніями нѣмцевъ-колонистовъ. По мнѣнію автора, починъ въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя кубанцы, какъ прямые потомки запорожцевъ, тѣмъ болѣе, что основаніе богатства войскового капитала кубанскаго войска положено, какъ говорятъ, вывезенными изъ Сѣчи денежными суммами, а потому справедливо было бы нынѣ употребить нѣкоторую долю ихъ на это святое дѣло. Главнымъ же образомъ, конечно, надо разсчитывать на средства, которыя соберутся путемъ добровольныхъ пожертвованій какъ во всѣхъ козачьихъ войскахъ, такъ и, быть можетъ, среди бывшихъ малороссійскихъ козаковъ (губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской). Что же касается назначенія, которое должно быть дано выкупленному у колонистовъ острову, то отчего-бы,—спрашиваетъ г. Коноваловъ,—въ память заслугъ Запорожской Сѣчи, сослужившей свою историческую службу для всей Россіи, не устроить на о. Хортицѣ какое-нибудь русское общеполезное образовательное учрежденіе, какъ напримѣръ, высшее сельско-хозяйственное училище, благо по географическому своему положенію и климату, островъ Хортица соотвѣтствуетъ большинству районовъ земель козачьихъ войскъ, съ стипендіями для дѣтей козаковъ и потомковъ запорожцевъ, или другое какое-либо подходящее учрежденіе, а тутъ же одновременно позаботиться о собраніи и охраненіи остатковъ запорожской старины—въ бывшей колыбели Запорожья...

Библіографія.

Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. [1814—1861]. Очеркъ В. П. Краинхфельда. *Съ портретомъ и 8 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Петербургъ, стр. 1—64, in 8°. Изданіе «Вѣстника Казачьихъ войскъ».*

До сихъ поръ мы имѣли нѣсколько популярныхъ брошюръ о Шевченкѣ, какъ то: изданіе Павленкова, Вѣтринскаго, Яковенка, А—ра, Кулябки—на русскомъ языкѣ; на дняхъ вышло еще двѣ брошюры—на украинскомъ языкѣ—одна въ Петербургѣ, другая въ Кіевѣ. Наконецъ, передъ нами лежитъ еще одна брошюра, изданная въ качествѣ приложенія къ новой еженедѣльной общественной, политической и литературной газетѣ «Вѣстникъ Казачьихъ войскъ», выходящей въ Петербургѣ.

Первое преимущество данной брошюры передъ другими заключается въ томъ, что при составленіи ея авторъ принялъ въ разсчетъ, помимо многихъ другихъ источниковъ, и наиболѣе полную біографію Шевченка, составленную покойнымъ А. Я. Конисскимъ. Затѣмъ, послѣ довольно обстоятельной передачи фактовъ тяжелой жизни поэта, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и до послѣдней минуты, авторъ удѣляетъ немало мѣста разбору произведеній поэта, что дѣлаютъ далеко не всѣ біографы Шевченка; этому разбору имъ посвящено двѣ самостоятельныхъ главы. Въ первой изъ нихъ, послѣ краткаго отзыва объ общемъ содержаніи произведеній поэта, разсматривается, насколько, и въ какомъ видѣ отразилась украинская исторія въ этихъ

произведеніяхъ:—герои XVI и XVII в.в., состояніе Малороссіи въ срединѣ XVIII в., гайдамаки, итоги гайдамаччины; далѣе, насколько Шевченко сознавалъ практическую потребность въ твердомъ знаніи вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности; какія противорѣчія, замѣчаемыя Шевченкомъ въ современномъ ему общественномъ строѣ, становятся его постоянной темой.

Во второй главѣ авторъ касается вопросовъ о простотѣ и силѣ стиховъ Шевченка, о такъ называемыхъ «декоративныхъ украшеніяхъ» (сине море, широкый Днипръ, степъ, могилы, калына, тополя, явиръ, верба, барвинокъ), объ основныхъ мотивахъ у Шевченка (грусть и гнѣвъ, любовь къ родинѣ), о лирическихъ отступленіяхъ въ его крупныхъ произведеніяхъ, наконецъ о томъ, что содержаніе и форма стиховъ Шевченка «слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно».

Въ послѣдней (3-ей второго отдѣла) главѣ, авторъ подводитъ общіе итоги значенія Шевченка для великороссовъ, а въ особенности для культурной жизни Малороссіи.—«Тамъ» (на родинѣ) онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія человѣка образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія, и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ».

Брошюра, написанная, несомнѣнно, человѣкомъ дорожащимъ именемъ поэта и интересами роднаго поэту народа, даетъ яркое представленіе о жизни и великомъ значеніи поэта для этого послѣдняго; при характеристикѣ произведеній, по возможности, приводятся подлинныя выраженія изъ нихъ. Замѣтимъ только, что, говоря объ основныхъ настроеніяхъ музы Шевченка (стр. 57), авторъ напрасно ссылается на стихотвореніе «До сестры» и беретъ оттуда выдержку: это стихотвореніе, ложно приписываемое Шевченку, въ послѣднемъ изданіи „Кобзаря"—«Кіевск. Старины» (1899)—исключено, какъ не принадлежащее ему.

Къ брошюрѣ приложенъ недурной портретъ Шевченка въ шапкѣ, съ литографіи А. Э. Мюнстера, а въ текстѣ и на нижней половинѣ обложки неизвѣстное донынѣ изображеніе Шевченка въ военномъ костюмѣ, маршерующаго, со штыкомъ въ лѣвой(!) рукѣ. Происхожденіе этого портрета приписывается, какъ намъ пришлось слышать, нѣкоему ротному командиру въ Новопетровскомъ укрѣпленіи В. П.

Воронцову, бывшему, будто бы, съ Шевченкомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но, кажется, не только ротнаго командира, но и вообще никого изъ знакомыхъ Шевченка по Новопетровскому укрѣпленію—съ такимъ именемъ мы нигдѣ не встрѣчали. По крайней мѣрѣ, въ наиболѣе полной біографіи Шевченка, А. Конисскаго—такой фамиліи нѣтъ.

Кромѣ того, въ текстѣ помѣщены рисунокъ хаты, гдѣ провелъ дѣтство Шевченко (изъ книги А. Конисскаго), Новопетровское укрѣпленіе (изъ «Кіевск. Старины»), Шевченко по возвращеніи изъ ссылки (изъ книги А. Конисскаго), а также 4 своеобразныхъ, чтобы не сказать больше, рисунка покойнаго Микѣшина къ «Наймычкѣ», «Прычынной», «Катерынѣ» и «Думы мои, думы».

Изданіе брошюры В. П. Кранихфельда можно привѣтствовать, какъ весьма желательное и полезное въ ряду популярныхъ книгъ о Шевченкѣ.

В. Д.

Свящ. Василій Романовъ. Объ изученіи нашей церковной старины. *Полтава, 1900, 8⁰, 35 стр.*

Вышеназванная брошюра является очень своевременной. Гибель памятниковъ церковной старины, небрежное отношеніе къ нимъ—стали избитымъ мѣстомъ. Въ печати очень часто можно встрѣтить факты огульнаго истребленія старины, но большинство ихъ совершается въ тиши нашихъ захолустьевъ—свѣдѣнія о нихъ не доходятъ. Устройство церковно-археологическихъ музеевъ немного подвинуло впередъ дѣло охраны и сохраненія: музеи (оговариваемся—не всѣ) въ большинствѣ случаевъ играютъ лишь пассивную роль: принимаютъ то, что даритъ,—такимъ путемъ многаго не соберешь.

О. Василій Романовъ прекрасно ознакомленъ съ положеніемъ дѣла.—Его брошюра—воззваніе, проникнутое серьезнымъ желаніемъ помочь дѣлу. Повидимому, мало надѣясь на то, что задачи и цѣли науки тронутъ наше приходское духовенство (*послѣднее авторъ и имѣетъ въ виду*), авторъ ставитъ вопросъ на утилитарную почву: путемъ знакомства съ прошлымъ данной мѣстности, храма, съ духовной стороной паствы, хранящей много пережитковъ, облегчается служеніе священника.

Брошюра даетъ рядъ указаній, послѣдовательно намѣчаетъ тѣ стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Изложеніе ведется просто, безъ излишняго пафоса, снабжено примѣрами; чувствуется любовь къ дѣлу.

Памятники церковной старины авторъ разбиваетъ на четыре группы: 1) вещественные—храмы, сооруженія при нихъ и церковная утварь; 2) письменные—книги, бумаги, надписи; 3) устные—преданія и разсказы о предметахъ церковнаго вѣдѣнія, передаваемые изъ глубокой старины и 4) жизненные—религіозные обряды, обычаи, отношенія къ религіи и ея предметамъ. Для изученія всего этого, для того, чтобы дать возможность желающему приступить къ дѣлу, намѣчены четыре «ступени». Первая—собственно изученіе. По этому поводу авторъ замѣчаетъ: «приходскимъ пастырямъ, которые въ приходѣ большею частію бываютъ не мѣстными уроженцами, а пришельцами со стороны, было бы очень полезно предварительно знать хоть главнѣйшія черты и особенности своего прихода, чтобы съ перваго вступленія на приходъ цѣлесообразно направлять свою дѣятельность и не впадать въ горькія ошибки, которыя иногда бываютъ непоправимы и приносятъ весьма плачевные результаты. Отсюда и вытекаетъ прямая необходимость изучить въ каждомъ приходѣ церковную старину по матеріаламъ, имѣющимся, какъ въ мѣстной церкви, такъ и внѣ ея, т. е. изучить исторію и черты мѣстной, какъ собственно церковной, такъ и вообще религіозной и духовно-нравственной сферы». Вторая ступень—запись матеріаловъ, третья—взаимный обмѣнъ путемъ печати добытыми матеріалами; послѣдняя стадія—обработка и сводка матеріала въ видѣ приходской лѣтописи. Въ дальнѣйшемъ, авторъ останавливается на каждомъ изъ видовъ намѣченныхъ имъ памятниковъ, классифицируетъ ихъ и даетъ указанія для описанія, не сходя все время съ точки зрѣнія полезности такой работы.

Заканчивается брошюра указаніемъ на нѣкоторыя правительственныя распоряженія, касающіяся охраны старины; такъ напр., приводится указъ Синода еще николаевскихъ временъ: «Подтвердить всѣмъ преосвященнымъ Архіереямъ печатными указами: дабы нигдѣ ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквахъ не дозволять ни малѣйшаго исправленія, возобновленія и измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода»,—кто слѣдитъ за тѣмъ, какъ у

насъ «реставрируются» церковные памятники даже въ большихъ центрахъ, тотъ, сопоставивъ съ фактами этотъ указъ, можетъ только развесть руками... Указываетъ о. Романовъ также и на одно изъ позднѣйшихъ распоряженій (1890 г.)—о составленіи описей старинныхъ предметовъ,—какъ намъ извѣстно по опыту, почти ни въ одной изъ приходскихъ церквей такихъ описей не ведется...

Если бы настоящій призывъ о. Романова возымѣлъ хотя какое нибудь дѣйствіе, если бы на него отозвались хотя немногіе, то и тогда было бы сохранено *для науки* много новыхъ фактовъ. Говоримъ «для науки», такъ какъ, помимо практическихъ цѣлей, программа о. Романова имѣетъ прямое отношеніе и къ церковной археологіи и къ этнографіи. Но что-то плохо вѣрится въ эту отзывчивость...

Н. В.

---

1) Лыхо зъ горилкою! *(Правдыве оповидання.—Пьяныця). Москва, 1901, стр. 1—31. Изд. Т—ва И. Д. Сытина. Ц. 3 коп.*

2) М. О. Островскій. *Вирне средство отъ пьянства и запоя. Разсказъ Малоросса. Житомиръ, 1901, стр. 1—32, in 8⁰. Ц. 20 коп.*

Въ украинской популярной литературѣ, по одному изъ наиболѣе серьезныхъ и тяжелыхъ вопросовъ въ народномъ быту, по вопросу о пьянствѣ и способахъ избавленія отъ него, появилось въ послѣднее время нѣсколько брошюръ. Еще въ 1898 г. въ Бердичевѣ была издана г. Острожинскимъ популярная брошюра «Ный, та дило розумій!», съ указаніемъ, между прочимъ, на всѣ тѣ ужасы, которые предстоитъ испытать „въ пекли“ любителямъ «монополькы»; затѣмъ въ Черниговѣ въ 1899 г. вышло въ свѣтъ очень полезное изданіе: «Лыхый ворогъ», гдѣ вполнѣ научно и въ то же время вполнѣ просто и удобопонятно приводятся данныя, иллюстрирующія несомнѣнный вредъ для организма отъ излишняго употребленія алкоголя. Теперь передъ нами лежатъ двѣ брошюры подъ приведенными въ началѣ заголовками. Первая изъ нихъ—«Лыхо зъ горилкою»—заключаетъ въ себѣ два разсказа, оба на тему о томъ, до чего можетъ довести человѣка водка. Первый—«Правдыве оповидання», герой котораго Мыкыта Бурлій, пьянствовавшій смолоду, сначала никакъ не могъ

найти себѣ подруги жизни, а затѣмъ, когда ему удалось жениться, по прежнему продолжалъ пьянствовать, пока на него однажды, въ первый день Рождества, нашло внезапное просвѣтлѣніе: онъ устыдился самого себя и поклялся никогда больше не пить, что и исполнялъ неукоснительно до самой своей смерти. Разсказъ не производитъ впечатлѣнія художественности, но и не заслуживаетъ ни въ чемъ упрековъ, являясь простой записью правдиваго, надо думать, разсказа, не представляющаго однако ничего типичнаго.

Второй разсказъ «Пьяница», принадлежащій перу извѣстной писательницы Ганны Барвинокъ (Кулишъ), носитъ на себѣ печать художественности, раскрывая передъ читателями тяжелую семейную драму, созданную мужемъ-пьяницею. Въ довершеніе всего, исходъ драмы не столь благопріятенъ, какъ въ первомъ разсказѣ: виновникъ семейнаго горя, Панасъ, возвращаясь въ пьяномъ видѣ изъ шинка, внезапно умираетъ «пидъ тыномъ». Этотъ разсказъ, несомнѣнно, оставляетъ въ душѣ читателя нѣкоторый осадокъ не своей, бьющей по нервамъ, формой, а очевиднымъ тяжелымъ безысходнымъ положеніемъ вещей, обязаннымъ одному лишь злоупотребленію водкой.

Жаль только, что брошюра набрана мелкимъ шрифтомъ, совершенно не пригоднымъ для народнаго чтенія.

Другая брошюра „*Вирне средство отъ пьянства и запоя*“ М. О. Островскаго,—содержаніемъ которой служитъ разсказъ испытавшаго на себѣ всѣ бѣдствія отъ запоя, представляетъ довольно оригинальное явленіе. Начинается оно тѣмъ, что авторъ его, нѣкій Иванъ Пьянчевскій, ополчается противъ больницъ для алкоголиковъ въ городахъ на томъ основаніи, что «якъ то може буты, щобъ запій и пьянство—булы слабисть, та ще и наслидованная отъ батькивъ. Не вирю я цёму и никгды на повирю... Не вирте и вы, хлопци, а отъ лучче послухайте, якъ я самъ себе выкуровавъ отъ пьянства и запою», и затѣмъ разсказываетъ, довольно остроумно и живо, какъ вся жизнь крестьянина, при желаніи, можетъ быть обращена въ сплошное выпиваніе; какъ онъ распился и, женившись, продолжалъ пьянствовать; какъ возила его жена къ знахарю, которая, оказалось, и сама не прочь выпить, какъ онъ дошелъ, наконецъ, до того, что укралъ у сосѣда изъ клуни мѣшокъ пшеницы и сосѣдъ его поймалъ на мѣстѣ преступленія, но по добротѣ сердечной повернулъ это дѣло такъ, будто Иванъ одолжилъ у него эту пшеницу, и какъ Иванъ, съ этого момента, начинаетъ отвыкать отъ водки, пока совершенно не отвыкъ

и не сталъ честнымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ. «Вирне» же средство, къ которому онъ прибѣгалъ для этой цѣли и которое совѣтуетъ всѣмъ, оказывается довольно простымъ: перестать пить.... Разсказъ, какъ уже было упомянуто выше, написанъ очень живо и остроумно, но не безъ утрировки въ самомъ изложеніи и не безъ нѣкоторыхъ неправдоподобностей. Такъ, напримѣръ, по словамъ разсказчика, когда онъ пересталъ пить и уничтожилъ священный, въ нѣкоторомъ родѣ, обычай выпивки при всевозможныхъ «оказіяхъ», люди его села «дывлячысь на мене, та й соби пересталы справлять оказіи; перше по-троху пылы горилку, а дали й зовсимъ пересталы пыть». Намъ думается, что это—несомнѣнное увлеченіе автора, желавшаго какъ можно рельефнѣе представить благотворные результаты вліянія своей личности на окружающую среду. Затѣмъ, въ самомъ изложеніи, носящемъ на себѣ слѣды особенностей волынскаго говора, нерѣдко попадаются излишнія bons mots, какъ: „легкоголыкы“ (алкоголики), «легкогольна больныця», употребленіе «панськыхъ» словъ—«компузія», „слинатычне средство“. Неизвѣстно также, почему авторъ считаетъ нужнымъ дѣлать примѣчанія по-русски, равнымъ образомъ и заставляетъ священника говорить на этомъ языкѣ съ крестьянами.

Вообще же брошюра оставляетъ по прочтеніи довольно пріятное впечатлѣніе. Жаль только, что самое «средство» отъ запоя, какъ оказывается—столь незамысловатое, стоитъ такъ дорого—цѣлыхъ 20 коп.!

В. Д.

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. *Москва, 1901, стр. I—VII, 1—589 Цѣна 3 р. 50 коп.*

Въ Москвѣ вышло цѣнное изданіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, содержащее 253 краткихъ біографіи и столько же портретовъ русскихъ писателей, отъ Кантеміра и до нашихъ дней. Біографіи, содержащія краткія свѣдѣнія о жизни и литературной дѣятельности писателей, снабжены, по возможности, характеристикой, въ которой указывается лишь на то, въ чемъ проявлялась дѣятельность писателей, и какое мѣсто занимаетъ каждый писатель въ рус-

ской литературѣ. Встрѣчаемъ здѣсь и нѣсколько украинскихъ писателей—повидимому тѣхъ, которые писали также и по-русски. Такимъ образомъ, въ данную галлерею вошли Шевченко, Квитка-Основъяненко, Гребенка, Марко-Вовчокъ (Марковичъ), Костомаровъ, Мордовцевъ... да и только. Невольно напрашивается вопросъ: гдѣ же Котляревскій и Кулишъ, если ужъ не упоминать о другихъ? Увы, ихъ нѣтъ, не смотря на то, что, напримѣръ, Кулишъ несомнѣнно больше писалъ по-русски, чѣмъ по-малорусски, а Котляревскій является родоначальникомъ художественной украинской литературы. Правда, редакція сборника въ предисловіи оговариваетъ, что причинъ неномѣщенія нѣкоторыхъ писателей въ „Галерею“ четыре: невозможность достать нѣкоторые портреты; поздняя доставка ихъ редакціи; желаніе дать возможно большее количество изображеній современныхъ авторовъ и, наконецъ—необходимость ограничиться опредѣленнымъ числомъ портретовъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, что ни одна изъ вышеупомянутыхъ причинъ неумѣстна по отношенію къ Котляревскому и Кулишу, сыгравшимъ слишкомъ значительную роль въ исторіи литературы.

Обратимся теперь къ портретамъ и біографіямъ тѣхъ шести малорусскихъ писателей, которые внесены редакціей „Галлереи“ въ сборникъ. *Шевченко* снабженъ сравнительно большой (болѣе 1 страницы) біографіей и прекраснымъ портретомъ (найденнымъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ); портреты *Основъяненка и Гребенки*—извѣстны,—первый напр., былъ помѣщенъ въ 1893 году въ «Кіевской Старинѣ», а второй заимствованъ изъ сборника „Ластивка“). Біографія *Марка-Вочка* (Маріи Александровны Марковичъ)—не представляетъ ничего новаго, т. к. въ ней нѣтъ почти ничего біографическаго, за то портретъ, изображающій ее еще въ молодости, является совершенной новинкой. *Костомаровъ* изображенъ старикомъ съ сѣдой бородой,—съ портрета, помѣщеннаго въ «Кіев. Стар.» въ 1895 году. Наконецъ, *Мордовцевъ* представленъ сидящимъ въ креслѣ,—очевидно, съ позднѣйшаго снимка.

Вотъ и все, что попало изъ нашей украинской литературы въ «Галлерею русскихъ писателей». Конечно, немного всего этого, но будемъ благодарны и за то, что есть. Даже сравнительно значительная цѣна (3 р. 50 к.), если принять во вниманіе огромныя затраты на воспроизведеніе $2^1/_2$ сотенъ клише, не должна показаться чрезмѣрной.

В. Д.

Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей. *Томъ XVI. Вып. 2-й. Кіевъ, 1900 г., 8°, CCXII+съ 241 по 496 стр.*

Отмѣтимъ нѣкоторыя сообщенія и статьи этого тома: 1)*П. Я. Армашевскаго.*—О геологическомъ строеніи окрестностей м. Корсуня; 2) *Его же.*—О Трощинской буровой скважинѣ; 3) *Его-же.*—Къ геологіи Кіева; 4) *К. Жука.*—О градѣ, выпавшемъ $^{10}/_{22}$ сентября 1897 г. въ с. Сальковѣ, Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда; 5) *Г. А. Радкевича.*—О фаунѣ мѣловыхъ песковъ и песчаниковъ Подольской губ.; 6) *А. Г. Ракочи.*—О растительности нѣкоторыхъ болотъ Черниговской губ.; 7) *В. Е. Тарасенко.*—Объ эффузивной горной породѣ изъ Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ,; 8) *Л. А. Тутковскаго.*—О лессѣ Луцкаго уѣзда; 9) *Его же.*—Микрофауна спондилувой глины изъ Черниговской губ. (буровая скважина на станціи Бобровицѣ); 10) *Его же.*—О нѣкоторыхъ новыхъ колодцахъ въ Кіевѣ; 11) *Его же.*—Фораминиферы изъ буровой скважины въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полт. губ.; 12) *Его же.*—Новое глубокое буреніе въ Кіевской губ.; 13) *Его же.*—Нѣсколько словъ о кіевской спондилувой глинѣ и оматитовыхъ пескахъ; 14) *Н. В. Цингера.*—Весенняя флора южной части Полтавской губ.; 15) *Г. А. Радкевича.*—О нижнетретичныхъ отложеніяхъ окрестностей Канева; 16) *Л. А. Тутковскаго.*—Библіографическій указатель литературы по ископаемымъ и нынѣ живущимъ фораминиферамъ (1888—1898).

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 4; 2) Русская Старина, № 4; 3) Историческій Вѣстникъ, № 4; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4; 6) Вѣстникъ Европы, № 4; 7)Русская Мысль, № 4; 8) Научное Обозрѣніе, № 4; 9) Книжки Восхода, № 4; 10) Літературно-Науковий Вістник, № 4; 11) Ateneum, № 4; 12) Biblioteka Warszawska, № 3; 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 4; 14) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2; 15) Кіевскія Университетскія Извѣстія № 3; 16) Міръ Божій, № 4; 17) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3; 18) Slovansky přehled, № 7; 19) Kwartalnik Historyczny № 1.

Русскій Архивъ, № 4.

А. П. К. Императоръ Николай Первый въ Южной Бессарабіи (стр. 638—645). Упоминается о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1828 г., во время войны съ Турціей, Императоръ Николай прибылъ въ Измаилъ, „гдѣ находилась главная квартира государя, и разные запасы для арміи, и часть флотилій: русской и Запорожскихъ козаковъ, покинувшихъ незадолго передъ симъ Турецкія владѣнія (правый берегъ устьевъ Дуная), чтобы возвратиться въ нѣдра своего отечества". По прибытіи въ Измаилъ, императоръ, 19 мая осмотрѣвъ въ карантинѣ Запорожцевъ, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ кошевому Осипу Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что вы за люди», сказалъ государь кошевому, и затѣмъ повторилъ всему составу Сѣчи.

Въ примѣчаніи (стр. 644—645) упоминается о храмѣ (къ сожалѣнію, не указанъ ясно пунктъ), сооруженномъ Запорожцами въ память выхода ихъ изъ Турецкихъ владѣній. Въ этомъ храмѣ сохранилась и донынѣ надпись: «Въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя императора Николая Павловича всея Россіи, сооруженъ храмъ сей иждивеніемъ всѣхъ обществъ Задунайскихъ переселенцевъ, въ память выхода ихъ изъ Турецкаго владѣнія подъ Россійскую державу, и освященъ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ и кавалеромъ, въ теченіе 15, 16 и 17-го чиселъ мѣсяца Октября 1838».

—

Русская Старина, № 4

П. П. Россія и папскій престолъ (перев. съ французскаго). Глава I—II (стр. 83—118). Это интересное изслѣдованіе о Дмитріи Самозванцѣ въ главѣ 2-й очень живо разсказываетъ о времени появленія Дмитрія на Волыни у Вишневецкаго и о докладѣ послѣдняго королю о судьбѣ спасеннаго царевича, а также о появленіи его еще раньше въ Кіевѣ и въ Гощѣ.

Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ; сообщ. А. Мёрдеръ. (стр. 119—121). Въ 1843 году нѣкоторые изъ жителей Бердичева возбудили ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ. Генералъ-губернаторъ Бибиковъ по этому поводу вошелъ съ представленіемъ не о переименованіи Бердичева изъ *мѣстечка* въ *городъ*, а о перечисленіи

его въ Махновскій уѣздъ, кіевской губерніи, при чемъ имъ сдѣлана была характеристика прежняго и современнаго ему Бердичева. Эта характеристика и составляетъ главное въ замѣткѣ г. Мёрдера.

Измѣна Мазепы; сообщ. М. К. Марченко (стр. 151—152). Сообщается: 1) письмо князя Матвѣя Гагарина къ кн. А. Д. Меншикову (23 февр. 1708 г.); 2) отрывокъ изъ письма Петра Салтыкова къ кн. А. Д. Меншикову.

—

Историческій Вѣстникъ, № 4.

Въ Таврію за волей (воспоминанія очевидца) А. А. Романова (стр. 264—273). Разсказанъ одинъ эпизодъ изъ движенія крестьянъ екатеринославской и херсонской губ. въ 1856 году, когда крестьяне, возбужденные какими-то темными слухами, толпами двинулись въ Крымъ получать волю отъ царя. Разсказанный г. Романовымъ эпизодъ передаетъ случай, какъ кулачное воздѣйствіе нѣкоего Фрола Ивановича Демьяновскаго, письмоводителя станового пристава, пріостановило во многихъ мѣстамъ это движеніе.

Некрологъ извѣстнаго галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля А. И. Добрянскаго, скончавшагося 9 марта 1901 года на 98-мъ году жизни (стр. 416).

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 4.

Лже-Павелъ Петровичъ и наша самозванщина. Е. Д. Витте (стр. 105—116). Этотъ небезъинтересный эпизодъ, относящійся къ 1783 году, разсказанъ авторомъ на основаніи документовъ, хранящихся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ и раскрывающихъ одну страничку яко-бы самозванства нѣкоего Григорія Зайцева, который въ теченіе не полныхъ сутокъ разыгрывалъ роль царевича Павла Петровича въ Коропскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, но затѣмъ, будучи арестованъ, признанъ былъ въ концѣ концовъ виновнымъ только лишь *во враньѣ*, какъ это и выражено въ предложеніи новгородъ-сѣверской палатѣ уголовнаго суда генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

Первый проектъ освобожденія. Всеподданнѣйшая записка Великой Княгини Елены Павловны объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами. Сообщ. П. А. Шафановъ (стр. 164—201). Записка Вел. Кн. Елены Павловны, приведенная въ этой

статьѣ, представляетъ тотъ интересъ, что многія мысли, высказанныя въ ней въ октябрѣ 1856 года, въ очень скоромъ времени были осуществлены правительственными распоряженіями, какъ напр.: мысль объ учрежденіи по губерніямъ дворянскихъ комитетовъ для обсужденія вопросовъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Интересна эта записка для насъ еще и потому, что Вел. кн. Елена Павловна имѣла въ виду примѣнить эти мѣры, въ случаѣ согласія Императора, въ своихъ имѣніяхъ въ Полтавской губерніи и пригласить къ тому-же нѣкоторыхъ полтавскихъ помѣщиковъ.

Литературная лѣтопись въ этомъ номерѣ открывается нѣсколько непонятными лично для насъ строчками о томъ, что объявленный редакціей журнала „Кіевская Старина“ конкурсъ на премію за лучшую популярную Исторію Малороссіи никогда не можетъ состояться, потому-что исторія Малороссіи есть такая исторія, „которую нельзя написать ни на какую премію“. Мотивировано это мнѣніе составителя Литературной Лѣтописи тѣмъ, что будто бы „украинская жизнь не оставила почти никакихъ письменныхъ матеріаловъ: прессы не существовало (какъ будто она была въ Россіи?), мемуаровъ вести было некому(?), лѣтописи, дипломатическія ноты, законодательные памятники оказываются до-нельзя скудными количественно“ и пр. Мнѣнія, конечно, свободны, а потому мы не будемъ здѣсь дѣлать возраженій. Однако не можемъ отказаться отъ одного объясненія. Составитель „Лѣтописи“ утверждаетъ, будто и редакція „Кіевской Старины“ признала эту невозможность написанія курса Исторіи Малороссіи и потому рѣшила печатать отдѣльные очерки по исторіи Малороссіи, для начала которыхъ помѣщаетъ съ этого года очерки Ор. Левицкаго (Очерки народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ 17-го стол.). Мы печатно (см. № 1-й) заявили, что закрываемъ конкурсъ и надѣемся достигнуть составленія курса исторіи Малороссіи путемъ заказа; помѣщая-же „Очерки“ О. И. Левицкаго, мы совершенно не думали ими замѣнить предположенный редакціей къ изданію курсъ исторіи Малороссіи, т. к. между этими „очерками“ и „курсомъ исторіи“ видимъ очень мало общаго.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 4.

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщена маленькая рецензія на книгу *Виталія Эйнгорна* «Очерки изъ исторіи Мало-

россіи въ 17 вѣкѣ. I. Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича». М. 1899 г., стр. XIV+1104.

—

Літературно-Науковий Вістник, № 4.

Наш альбом: 1) Мерці. 2) Патріотам, Мик. Вороного. 3) Зернятка, XI—XX, Бориса Грінченка. 4) Мрія, Осипа Маковея. 5) Притомленному братови, В. Л. 6) Разочарованя, Х. С. 7) І знов зима, Осипа Шпитка. 8) Памятай дивчино, Ол. Коваленка. 9) Галицьке село, Евг. Мадичевського. 10) В місячну нич, Одарки Романової. 11) Сильськи мотивы, М. И. Вдовиченка. 12) Хмари, Жарка (стр. 1—8).

Генеральна репетиция, етюд у двох діях Наталки-Полтавки (стр. 2—24).

Добре заробив, оповіданє Стефана Пятки (стр 25—35).

Нариси В. Кравченка. II. Діти (стр. 36—42).

Із поетичної спадщины: Ш. Пісні Анатоля Свидницького (I—IV); IV. Із недрукованих поезий О. Я. Конисського (стр. 43—45).

Мінятюри: X Перед відъіздом, Ант. Крушельницького... (стр. 46—50). XI Знайшли. Надіі Кибальчич (стр. 51—54). XII Легка смерть, Василя Загаэвича (стр. 54—58). XIII Сікуция, Гр. Коваленка-Коломацького (стр. 58—60). XIV Осінні хвилі, Леся Гр. (стр. 60—61). XV Шпаки, Дніпровоі Чайки (стр. 61—63).

Із Естонськихъ поетів (Янсена-Михельсона, Івана Якса, Гренцштайна, Михайла Веске, Густава Луйги, Івана Кунцера, Фрідріха Крайцвальда, Якова Томма). Переспіви II. Грабовського (64—68).

Із оповідань Владислава Оркана: I. Підвечірок. II. Недовірок. III. Ясна Поляна. IV. З краіни горців (стр. 69—103).

Із оповідань Анатоля Франса: II. Кимейський співак (стр. 104—113).

Із слова о полку Ігоревім: Плач Ярославни, М. Вербицького (стр. 116).

Молоді сили: *П Йоанна Амброзіюс*, Е. Дегена. 1—17.

Біографическій очеркъ и оцѣнка степени поэтическаго настроенія нѣмецкаго народнаго поэта—Іоганны Амброзіусъ.

Маруся Богуславка в українській літературі, Ст. Томашівського стр. (18—37).

Авторъ устанавливаетъ, въ какой мѣрѣ отразилась дума «Маруся Богуславка» въ произведеніяхъ подъ тѣмъ же заглавіемъ П. Кулиша, Евгенія Згарскаго (Львовъ, 1861), Ивана Нечуя—Левицкаго.

Жертвы нашого лихоліття: *М. Т. Симоновъ і С. Д. Ніс.* Сергія Ефремова (стр. 38—55).

Обстоятельные некрологи и критическая оцѣнка дѣятельности двухъ украинскихъ писателей, недавно сошедшихъ въ могилу, съ указаніемъ на нѣкоторыя обстоятельства, не будь которыхъ, украинская литература могла бы ожидать большей продуктивности отъ обоихъ этихъ писателей.

Діяльність Наук. Тов. ім. Шевченка за 1900 рік. (56—60).

Хроніка і бібліографія (стр. 1—20).

По обыкновенію, обстоятельныя и интересныя данныя по исторіи текущей культурной жизни всей Украины.

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. II.

Е. Ѳ. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (стр. 433—484) (продолженіе).

Снимки съ рѣдкихъ и замѣчательныхъ изданій и рукописей XV—XVIII вв., между прочимъ Западно-русской грамоты 1516 г., Пересопницкаго евангелія 1561 г., Западно-русской псалтыри XVI в., Рукописи западно-русскаго письма 1562 г., Западно-русской грамоты 1613 г., Документа юго-западно-русскаго письма 1630 г., западно-русской псалтыри XVII в.

Дополненія и поправки къ тексту, помѣщенному въ предыдущихъ №№ «Извѣстій».

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. В. Довнаръ Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе; стр. 313—366). Заканчивается обзоръ господарскихъ повинностей и податей сельскаго населенія, при чемъ, главнымъ образомъ, разсматривается *лѣсное хозяйство.* Затѣмъ авторъ переходитъ въ обзору такихъ же платежей городского класса населенія. Послѣдняя глава въ этой книгѣ раз-

сматриваетъ статистическія данныя о господарскихъ дѣбрахъ и о доходахъ ихъ.

Міръ Божій, № 4.

Въ отдѣлѣ «*На родинѣ*» помѣщено краткое извѣстіе *о народномъ университетѣ въ Одессѣ*, на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ «Южномъ Обозрѣніи» (стр. 12—14). Встрѣчаемъ здѣсь также и коротенькую замѣтку «Къ біографіи Шевченка», написанную по поводу помѣщенныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» матеріаловъ для біографіи поэта (стр. 38—39).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1136 газ. „Приднѣпровскій Край“ Г. Ѳ. Чеботаревъ помѣстилъ весьма интересную статью подъ заглав. „Перелицованный „Кобзарь“, по поводу двухъ изданій: „*Думы мои, думы... Стихотворенія русскихъ поэтовъ. СПбр. 1900*“ и въ особенности: „*Т. Г. Шевченко*“. *Кобзарь—въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей И. Бѣлоусова, Москва 1900*“.

Сличивъ различныя мѣста произведеній и отдѣльныя выраженія переводовъ съ оригиналомъ, авторъ приходитъ въ ужасъ. „Оптимистически настроеннымъ она (книга эта) принесетъ не мало смѣхотворнаго удовольствія“,—говоритъ авторъ: оцѣнивая же это явленіе съ болѣе серьезной точки зрѣнія, приходится глубоко возмутиться. 26 февраля сего года минуло сорокъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка, этого великаго борца, великаго страдальца за любовь къ людямъ, за правду и свѣтъ, вся поэзія котораго, по справедливому замѣчанію одного изъ виднѣйшихъ біографовъ покойнаго, „есть и стоны и слезы за людей“! Мы слишкомъ еще въ большомъ, неоплатномъ долгу передъ этимъ великимъ пѣвцомъ неволи, всю убійственную, растлѣвающую тяжесть которой онъ испыталъ на себѣ самомъ, чтобъ къ тому-жъ еще такъ варварски издѣваться надъ тѣмъ, что онъ выплакалъ слезами и кровью своего великаго сердца“!..

Дѣйствительно, достаточно уже отмѣченныхъ Чеботаревымъ въ его небольшой статьѣ перловъ, чтобы возмутиться до глубины души. Напр. „мене бъ не пытали“—передается въ смыслѣ „пытать“ (мучить). „Ты

вже выросла, дивуешъ, съ хлопцямы гуляешъ"—„Не успѣла подрости, съ парнями уже *блудить* пошла" и т. д.

—

Въ № 33 газ. „Буковина" помѣщена статья С. Леонїда „Шевченко в робітничій і в академічній хаті (святковане 40-вих роковин смерти Тараса товариствами „Поступ" і „Січ" у Відні".

Авторъ подробно сообщаетъ о празднованія 40-тней годовщины со дня смерти Шевченка въ Вѣнѣ,—украинскимъ рабочимъ обществомъ „Поступ" и студенческимъ „Січ".

—

Въ № 46 газ. „Сибирская Жизнь", „Сибирскаго Листка„ и „Сибирск. Вѣстника" помѣщены отчеты о вечерѣ 26 февраля въ память Т. Г. Шевченка, въ безплатной библіотекѣ въ Томскѣ.

—

Въ № 14 еженед. журнала „Недѣля" г. *И. А.* помѣстилъ небольшую статью, въ видѣ письма съ Волыни, подъ заглавіемъ *„Древнія* училища", подъ которыми надо разумѣть „фундушевыя", существующія и понынѣ въ различныхъ пунктахъ нашего Ю.-Западнаго края.

Авторъ приводитъ интересный документъ, сохранившійся въ Клеванскомъ приходскомъ училищѣ, свидѣтельствующій о томъ, какъ велика была нужда въ началѣ 40-хъ г.г. прошл. столѣтія среди учителей фундушевыхъ училищъ.

—

Въ № 16 начавшей снова выходить газеты-журнала „Днѣпровская Молва" помѣщены, въ переводѣ А. Егорова, переводы „Изъ скорбныхъ пѣсенъ Перебенди" (Александра Яковл. Конисскаго).

Всѣхъ переводовъ, довольно удачныхъ, представлено девять.

Тамъ же помѣщенъ обстоятельный разборъ изданія „Екатеринославская губернія. Выпускъ II. Памятная книжка и адресъ-календарь на 1901 годъ. Изд. Ек. губ. Статист. Комитета, подъ редакціей Секрет. Комитета Я. Г. Гололобова".

—

Въ №№ 1155, 1156 и 1157 газ. „Приднѣпровскій Край" проф. Д. Эварницкій помѣстилъ статью „Какъ побѣждали Запорожцы мусульманъ".

Авторъ избралъ темой моментъ, относящійся къ 70-мъ г.г. XVII ст., когда при кошевомъ Иванѣ Сиркѣ (1674), турецкій султанъ задумалъ истребить все запорожское войско и уничтожить самый Кошъ, что, какъ извѣстно, окончилось большой неудачей для султана и отвѣтнымъ походомъ Сирка въ Крымъ. Въ заключеніе приведенъ извѣстный отвѣтъ запорожцевъ Султану (въ 1680 г.), художественно запечатлѣнный картиной Рѣпина подъ тѣмъ же названіемъ. Письмо это автору доставлено священникомъ с. Выше-Тарасовки, екатеринославск. у., о. Іоанномъ Курилинымъ, добытое имъ 40 лѣтъ тому назадъ въ архивѣ екатеринославской духовн. Семинаріи.

—

Въ № 63 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщена небольшая статейка «Екатеринодаръ въ началѣ 20-хъ г.г. прошлаго столѣтія», составленная на основаніи нынѣ рѣдкаго уже сочиненія І. Дебу «О Кавказской линіи. СПБ. 1829».

—

Въ № 6968 газ. «Южный Край» помѣщена Н. Н. Балабухой старо-козацкая пасхальная легенда «Козакъ оборотень»,—о томъ, какъ нечистая сила, подъ видомъ козака, долгое время находилась въ рядахъ запорожцевъ, была выдающимся среди нихъ товарищемъ, но въ день Пасхи исчезнувшая,—вспыхнула, какъ огонекъ, и пропала. Сообщаются и другія козацкія повѣрья, связанныя съ праздникомъ Пасхи.

—

Въ ежедн. газетѣ «Хуторянинъ» (№ 15) помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ *Ф. И Немоловскаго. Бжильництво.* Изданіе Благотворительнаго общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

—

Въ № 97 газ. «Одесскій Листокъ» помѣщенъ сочувственный отзывъ о книжкѣ *М. Комаря «Оповидання про Антона Головатого та про початокъ чорноморського козацького війська.* Зъ малюнкамы А. Ждахы». Изд. Благотворит. Общества распространенія дешевыхъ и полезныхъ книгъ.

—

Въ № 8 нѣмецкаго журнала (въ Лейпцигѣ) «Aus fremden Zungen» помѣщены—переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Василя Стефаника «Камяний хрест» (Das steinerne Kreuz) и статья д-ра

Франка «Короткий погляд на українсько-руску літературу» (Die ukrainische [ruthenische] Litteratur).

—

Новое изданіе. Молодой галицкій писатель Романъ Сембратовичъ съ нынѣшняго года началъ изданіе журнала на нѣмецкомъ языкѣ (въ Вѣнѣ) «X—Strahlen» (X—лучи), въ значительной мѣрѣ посвященнаго освѣщенію интересовъ родной ему націи. Въ каждомъ № встрѣчаются статьи Ив. Франка, самого издателя и друг. украинскихъ писателей.

—

Виды Каменца-Подольскаго. Во Львовѣ Михаломъ Грейммомъ изданъ альбомъ, состоящій изъ двадцати съ лишнимъ снимковъ замѣчательныхъ историко-археологическихъ видовъ г. Каменца-Подольскаго. Цѣна альбома 2 короны (около 1 р. 60 к.) Складъ въ книжномъ магазинѣ С. В. Немоевскаго во Львовѣ. Тамъ же появились изящные бланки для открытыхъ писемъ съ видами польскихъ замковъ. (Gazeta Lwovska, № 86).

—

Украинскія пьесы, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію.

По 1 марта 1901 года.

1) *Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ній не бувае, або «Лисова квитка».* Комедія у 4-хъ діяхъ Л. Яновской.

2) *Купальна Искра.* Опера у 2-хъ діяхъ Л. Яновской. (Прав. Вѣстн., № 61).

По 1 апрѣля 1901 года.

1) *Злыодни.* Драматычни справы давенъ Украины зъ 3-ои четвертыны XVII вику (року Божого 1866), въ 5 одминахъ. Налагожено за початкомъ (?) П. Кулиша «Чорна Рада».

2) *Козак Байда.* Драматычни справы давенъ Украины 3-ои четвертыны XVI в. Року 1562—1566, въ 4-хъ одминахъ. О. Ц. . . . . батька.

3) *Прыхожа.* Сцена въ 1 діи. Переведено и перероблено зъ сочиненія Н. В. Гоголя „Лакейская". В. Русинова.

4) *Супротывни течіи.* Комедія въ 5 діяхъ и 4 одминахъ. М. Л. Кропивницкого.

5) *Тарасъ Бульба.* Драматычни справы въ 5 одминахъ. Налагожено по Гоголю и другимъ. Прыурочено (!) до другои четвертыны XVII в. (Рокивъ прынаймни 1638—1639).

6) *Чорный шляхъ.* Драматычни справы давенъ Украины кинця XV вику. Въ 5 одминахъ. О. Ц. . . . . батька.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Авдикович О. Демон руіни. Львів, 1901. Накладом автора. З друкарні В. А. Шийковского. Стр. 59, 8°. Ц. 90 сот. Зміст: Метаморфози.—Добрий день!—Елегія зневіри.—Муха.—Чорна рожа.—Гієни.—Сёма пісня руіни.—Чари уяви.—Відголоски.—Псалом відрожденя.

Бончевскій Ан. Якъ повставъ свѣтъ. Пôсля В. Туша. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant Pa, 1901. Мал. 8°. Ціна 15 цн.

Будзиновский Вячеслав. Хлопска посіліств. Друге справлене видане. Львів, 1901. З друкарні народової Ст. Манецкого і Сп. Ст. 194, 8°. Ціна 2 кор. Видане «Наукової Бібліотеки Видавничої Спілки».

Будилець Евграф. Студиі богословскі. Провідник на чудодійну тайну Каяня. Чернівці, 1899. З друкарні Тов. „Рускої Ради". Ст. 524, 16°. Ціна 4. 40 кор.

В. Б. Жите на віру у сибірських селян. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Веретельник А. Рубане і виготовлюване дерева. Львів, 1900. З друк. Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 6, 8° (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.).

Веретельникъ Андрей. Для своихъ рôдныхъ. Оповѣдане зъ житя славного чоловѣка. (Бібліотека для рускои молодежи. Т. XLVIII. В XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатнѣ А. І. Мізевича Ст. 96, 16. Ціна 50 сот.

Вовк. Хв. Звістки й листи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 10, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р этнол.)

Вовк. Хв. Знахідки у могилах між Веремем і Стретівкою і біля Трипіля. Львів, 1900. Ст. 12, 8°. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. (Відб. з Мат. до укр.-р. этнол.)

Гавлічек Боровський Кароль. Вибір поезий. Переклад Ів. Франка. З портретом і житеписом Гавлічка. У Львові, 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевч. Ст. XXVI 404, 8°. Ціна 1. 60 кор. Видання «Белетристичної бібліотеки Видавничої Спілки».

Гнатюк В. Ткацтво у східній Галичині. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 14, 8°. (Відб. з. Мат. до у.-рук. етнол).

Гоголь Микола. Ревізор, комедия в пяти діях. Переклав Василь Сімович. Видданне «Молодої України», ч. 1. Чернівці, 1901.

Гошовський Андрій. Про новий напрям в науці приватного права. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 12, 8°. (Відб. з Часоп. Правничої і Економичої).

Гринченко Б. Кулишъ (Ганна Барвинокъ). По поводу сорокалѣтія ея литературной дѣятельности. Черниговъ, 1901. Земская типографія. Ст. 207, in 8°. Ціна 15 коп.

Грушевський Михайло. Хронольогія подій Галицько-Волинської літописи. У Львові, 1901, стр. 72. 8°. (Одбитк. з XLI т. Записок).

Дикарів М. Програма до збираня відомостей про громади і збірки сільскої молоді (вулиця, вечерниці, досвітки і складки). З друкарни Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8°. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Дністрянський Станіслав. Берненська унія и наше відношене до неи. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 56, 8°. (Відб. з Часописи Правнич. і Економічної).

Доманицький Василь. Причинок до історіі повстання Наливайка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 6, 9°. (Відбитка із XL т. Записок).

Драгоманов М. Переписка. Зібрав і зладив М. Павлик. Т. I. (Наукова Бібліотека, ч. 7). У Львові, 1901. Накладом Укр.-Руської Видавничої Спілки. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 184+4, 8°. Ціна 1. 80 кор.

Журналы Полтавской губернской оцѣночной Коммиссіи. 32 дек. 1900 и 5 февр. 1901 г. съ прилож. Полт. 1901, 1—50.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. XL. Кн. II за 1901 р. Львів, 1901. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. З друкарні Н. Тов. ім. Шевченка. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Причинок до исторіі повстання Наливайка, подав Василь Доманицький, 2) 1848 рік і Львівська руська духовна семінарія, подав Юрий Кміт. 3) Знадоби до пізнаня угро-руських говорів. Говори з наголосом недвижимым,— подав Іван Верхратський (далі буде). 4) Miscellanea. Матвій Симонів (Номіс),—некрольогічна згадка М. Грушевського и др.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Р. 1901. кн. III. Т. XLI. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Львів, 1901. Ціна 3 кор. Зміст. 1) Хронольогія подій

Галицько-волинської літописи, розвідка Михайла Грушевського, стр. 1—72; 2) Студії на полі Карпаторуського письменства XVII—XVIII в. 1. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкрите Тибету, написав др. Іван Франко; стр. 1—50. 3) Miscellanea: а) Нові причинки до історії вірші на Україні, I—III, подав Ів. Франко, а) Сербський опис Єрусалима з XVIII в., подав др. М. Пачовський в) Питомець—агітатор, подав Ю. Кміт; 4) Наукова хроніка: огляд часописей за 1900 р. 5) Бібліографія.

Збірник математично-природописно-лікарської секциї Наукового Товариства ім Шевченка. Т. VI, вип. II. Часть лікарська під редакцією д-ра Евгена Озаркевича. У Львові, 1900. Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Вел. 9⁰. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Др. Евген Озаркевич. Про уробілінну жовтачку; 2) Др. Вячеслав Морачевський. Нові способи досліду білковини. 3) Др. Осип Дакура. Зі шпитальної казуістики за р. 1899.

Золя Еміль. Напад на млин. (Оповідане з війни 1870 року). Переклад Івана Франка. Видане «Укр. Руської Видавничої Спілки», ч. 10. Львів, 1901, стр. 59, 8⁰. Ціна 20 сот.

Зубрицький Мих. Народній календар, народні звичаї і повірки, привязані до днів въ тиждни і до рокових свят. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 28, 8⁰. (Відб. з Мат. до укр.-р. етнол.)

Ивакинъ И. М. Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. Ч. I. Поученіе къ дѣтямъ, Письмо къ Олегу и отрывки. Москва, 1901, 1—324. Ц. 2 р. 50 к.

Історична мапа Галичини й Волині XI—XIII віку. Уложив М. Грушевський (Відбитка з III т. «Історії України-Руси»). Ціна 40 сот.

Календарь для Американскихъ Русиновъ на 1901 р. Уложивъ Антинъ Левкивъ. З друкарнѣ «Свободы». Olyphant, 1901. Ст. 60. Ціна 50 сот. I. Часть календарска. II. Часть інформаційна. III. Часть научно-белетристична. Зміст: 1) Прощай вітер,—поезия С. Чарнецького, 2) Як повстав світ—Ант. Бончевського,) 3) Аж за море чути—поезия Чалого, 4) Борба за волю—А. Л.,—5) Присвята Стасюкови—поезия Ю. Сиротюка, 6) Чоловік и мула—I. Б—о, 7) One dollar and cost—Ярослав А. 8) Положене Русинів за морем—Ан. Бончевського. 9) Козак пана не зна з віка—а. б. 10) Пяній країні—поезия С. Чарнецького, 11) По христинах в кума Гриця—Чалого, 12) Сьмішне.

Квітка Основьяненко Григорий. Маруся. Повість. Видання «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 12. Львів, 1901, стр. 160, 8°. Ціна 50 сот.

Кміт Юрий. 1848 рік і Львівська руська духовна семінария. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 10 8°. (Відбита із XL т. Записок).

Комаръ М. Оповидання про Антона Головатого або про початокъ Чорноморського війська. Изд. Спб. Благот. Общества изд. общеполезн. и дешевыхъ книгъ. № 7. Ц. 5 и 10 коп.

Конiський Олександер. Варіянти на декотрі Шевченкові твори. З друк. Науков. Тов. ім. Шевченка, 1901, стр. 38, 8°. (Відбитка з Записок).

Конiський Олександер. Не друковані поезиі Т. Г. Шевченка. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товар. ім. Шевченка, in 8°. (Відбитка з Записок). Ціна 10 кр.

Коныський О. Я. Млынъ. Оповидання (съ портретомъ автора на обложкѣ). № 18. Кіевъ, 1901, 1—24. Ц. 3 коп.

Кос Андрій. Бесіда про пошість з Пів-Азии. Відбитка «Дѣла». Накладом В. Будзиновського. Львів, 1901, 18, 8°. Ц. 20 сот.

Корифеи украинской сцены. (Очеркъ исторіи украинскаго театра и біографіи 8 дѣятелей ея съ портретами). Кіевъ, 1901 г., стр. 192. Цѣна 65 коп.

Краинхфельдъ Вл. П. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины и Запорожья. Съ портретомъ и 8 иллюстрац. въ текстѣ. С.-Пет. 1901, 1—64 (in. 16°). Изд. «Вѣстника Казачьихъ Войскъ». Ц. 3 коп.

Кукулевський Ол. Оповидання про життя Кобзаря (съ 3 портретами и видомъ могилы). № 22. Кіевъ, 1901 стр. 1—18. Ц. 2 к.

Куліш П. Орися. Ідилля. Видання „Укр.-Руської Видавничої Спілки". Ч. 14. Львів, 1901, стр. 17, 8°. Ціна 6 сот.

Кулишъ П. О. Про злодія въ селі Гаквиныци. (Съ портретомъ автора на обложкѣ). № 19. Кіевъ, 1901, стр. 1—24.

Кулишъ П. О. Чорна Рада. Хроника 1663 року. Одесса, 1901 р. (съ рисунками художника Ждахи). Ц. 1 р. 20 к. и 2 руб.

Левитський Мыкола. Спілкова умова для хліборобских спілок. Видание «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 13. У Львові, 1901, стр. 47, in 8°. Ціна 20 сот.

Левицькый Иванъ. Баба Параска та баба Палажка. Выдане пяте. № 17 (съ портретомъ автора на обложкѣ) Кіевъ, 1901, стр. 41 Ц. 4 коп.

Лисенко С. И. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ. Вып. 2. Роменскій, Лохвицкій и Прилуцкій у. Ч. I. Роменскій у. Изд. Полт. Губ. Зем. Одесса 1900 г., 8 д. 1+224.

Литвинова-Бартош. Весільні обряди і звичаї у селі Землянці Глухівського повіту у Черниговщині. Львів 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 104 8 д. (Відб. з. Мат. до укр.-рус. етнол.).

Лотоцкій Левъ. Сила молитвы. Образокъ изъ сельского жытя.

Михаилъ Мусора. Сало. Народна казка. (Бібліот. для рускои молодежи. Т. XLIX. В. XXIX). Коломыя, 1901. Зъ печатни А. І. Мизевича Ст. 48, 16°. Ціна 30 сот.

Максимовичъ. Днѣпръ и его бассейнъ. 2 кн. съ прилож. 9 карт. и 36 видавн. Кіевъ, 1901 г., ц. 6 руб.

Маковей Осип. Наши знакомі (начерки). Заходом К. Студинського. Львів, 1901 З друк. В. Шийковского. Ст. 139+2, 8 д.

Мандичевский Евген. Новел. З живого і мертвого. Львів, 1901 Накладом власним. З печатні В. А. Шийковского. Ст. 94, 16°. Ціна 1 крона. Зміст. 1) Сиритский сон, 2) Мужицьке жите, 3) Харитина (образець з грецкоі давнини), 4) Білили полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 8) Вечер.

Марко-Вовчок. Народні оповідання. Видання Руского Тов. педагогичного. У Львові 1901. З друк. Н. Тов. ім. Шевченка. Ст. 32, 8 д. Ціна 30 сот. Зміст: 1) Козачка, 2) Чарі.

Матвіяс Софрон. Дещо про лучі Бекереля. Ст. 8, 8 д. У Львові, 1900 (Відб. изъ VII т. вып. 1. Збирника секціи мат.-природ. лікарскоі). Ціна 10 сот.

Материяли до украінско-руськоі етнольогіі. Выдане Етнографічноі Комисиі, за ред. Хв. Вовка. Т. III. Львів, 1900. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, ст. 182+27+6 вел. 8 д. Ціна 4 кор. Зміст: 1) Знахідки у могилах миж Веремем і Стретівкою і біля Трипіля, Хв. Вовка; 2) Ткацтво у східній Галичині, В. Гнатюка; 3) Рубане і выготовлюване дерева, В. Веретельника; 4) Народній календар (Звичаі і повірки), М. Зубрицького; 5) Жите на віру у сибірських селян, В. См.; 6) Весільні обряди и звичаі у С. Землянці, в Черниговщині, П. Литвиновоі—Бартош. Додатки: 1) Програма до збіраня відомостей про громади і збірки сільскоі молоді. Посмертный твир М. Дикарева 2) Показчик.

Мѣсяцесловъ на 1901 годъ, имѣющій дней 365. Составилъ отъ имени Общества св. Василія Великаго, священникъ Епарх. Мукачев-

ской Юлій Чучка, проф. церк.-слав. яз. въ духовномъ сѣменищи и редакторъ «Науки». Годъ изд. 33-ій. Въ Унгвари, 1900. Изданіе книгопечатни «Общества св. Василія Великаго». Ц. 80 сот.

Народні думи. Частина I (Виданэ Руского Товариства педагогичного, 34). Впорядкував та пояснив др. М. Начовский, ц. к. професcор акад. гімназиі. У Львові, 1901. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 68, in 8 д. Ціна 40 сот.

Отчетъ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1900 г. С.-Петерб., 1—36.

Падалка Л. В. Организація экономической дѣятельности въ Галиціи и ея поучительность для Полтавской губерніи. Полтава, 1901. Изд. Полтавскаго Общ. Сельскаго Хозяйства, стр. 1—24.

Подкарпатскій календарь съ типикомъ на 1901 простой годъ, имѣющій 365 дней. Въ пользу и употребленіе подкарпатскаго грекокат. народа. Въ Унгварѣ, 1901. Печаталъ и издалъ Варѳоломей Іегеръ. Цѣна 70 сот.

Руданський Стефан. Твори. Том V. Впорядкував А. Кримський. Ціна 1 кор. У Львові, 1901. Коштом і з друкарні Наук. Товариства ім Шевченка. Стр. VIII+208, in 16°. Зміст: Цар-Соловей (поема), Старочеські співи з Кральодвірського рукопису і другихъ.

Рудницкий Стефан. Про плями сонічні. Ст. 28, 8°. У Львові, 1900. (Відб. із „Збірн. секц. мат.-природ.-лікарскоі, т. VII, вип. I).

Рускі пісні в образах. I Серия. Накладом свящ. Н. Джулинського. В Перемишлі, 1901 (почтовые бланки съ иллюстраціями къ пѣснямъ: «Надъ Прутомъ, у лузи», «Сонце низенько», «Многая лита», «Ой послала мене маты», «Ой мисяцю, мисяченьку», «Родимый краю», «Ой спы, дыти»). Десять бланковъ ц. 1 корона.

Сводный Сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 г. Выпускъ I. Полтава, 1901, 1—278. Ц. 2 р.

С—ичъ Г. Музыка Янко (перекладъ). № 21. Кіевъ, 1901. стр. 1—16 in 32°. Ц. $1^1/_2$ к.

Сеньобо Ш. Австрия в XIX ст. З французького переклав і пояснив С. Томашівський (Наукова Бібліотека ч. 4). У Львові, 1901. Коштом С. Бриттана. Накладом «Укр.-руськоі Видавн. Спілки». З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 106, 8°. Ціна 80 сот.

Стороженко Олекса. Оповідання І. Не в добрий час. П. Вуси. Вид. «Укр.-Руської Видавничої Спілки», ч. 16. Львів, 1901, стр. 43, 8°. Ціна 20 сот.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів. 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 136, 8°. Ціна 1 кор. Зміст: 1) Козацтво і Гайдамаччина в «Енеіді» Котляревского, 2) Характеристика поезий Петра Гулака-Артемовского.

Studziński Cyryl. Z-za kulis schyzmatyckiej propahandy. Kraków. Nakład Spółki wydawnyczej polskiej 1901.

Толстой Лев Н. Відроджене. Роман у трьох частях. Переклав Василь Сімович. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Товариства ім. Шевченка. Т. I—ст. 316, II—272, III—144+18, in 8°. Ціна за 3 тома 3. 60 кор. Виданне «Белетристичної Бібліотеки Видавничої Спілки».

Філіппов М. Іван Гус, переповіла М. Кистяковська. Вид. «Українсько-Руської Видавничої Спілки», ч. 15. Львів, 1901, стр. 51, 8°. Ціна 20 сот.

Франко Іван. Історично-економічна студия. Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевч. Ст. 52, 8°. (Відб. Часоп. Правничої і Економічної).

Франко Іван. Студиі на полі Карпато—руського письменства XVII—XVIII в. I. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкрите Тибету. У Львові, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 50, 8°. (Відбитка із XLI Записок).

Франко Іван. Лесышына челядь. Малый Мыринъ. Грыцева шкильна наука. (Съ портрет. автора). № 20. Кіевъ, 1901, стр, 1—42, in 16°. Ц. 4 к.

Хроніка укр.-руського Наукового Товариства ім. Шевченка. 1900. ч. 4. За вересень-грудень. 1900 р. У Львові, 1901. З друкар. Наук. Товариства ім. Шевченка. Ст. 32, 8°. Ціна 30 сот. Зміст: Засідання Виділу, секцій, комисий; справоздання.

То же, ч. 5 (вип. I за 1901 г.) Львів, 1901. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка, стр. 68, 8°.

Chronik der ukrainichen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1900. September-December. 1900. № 4. У Львові, Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 36, 8°. Ціна 30 сот.

Часопись Правнича і Економічна. Правничі і економічні розвідки історично-фільософічної секциі Наукового Товариства ім. Шевченка. Рік I. Том I. Редактор др. Станіслав Дністрянський. У Львові,

1900. Накладом Наукового Товар. ім. Шевченка. З друкарні Наукового Товариства ім. Шевченка. Ціна 3 корони. Зміст: 1) Передмова 2) Андрій Гошовський. Про новий напрям в науці приватного права. 3) Др. Станіслав Дністрянський. Берненська унія і наше відношене до неї. 4) Др. Іван Франко. Грималівський ключ в р. 1800. 5) Оцінки і реферати.

Шептицкий Андрей, епископ станиславовский. Листъ пастырский до вѣрныхъ Косивского Деканата. Жовква, 1901. Печатня о.о. Василіян. стр. 48, 8°. Ціна 15 сот.

Его-же—Христіяньска робота. З 1 пастирського листа. Жовква, 1900. Накладомъ Видавництва ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ Ст. 38, 8°. Ціна 15 сот.

Его-же—Христіянська родина. Зъ II пастирского листа. Жовква, 1900. Накладомъ Выдавництва Ч. С. В. В. Зъ печатни оо. Василіянъ, ст. 32, 8°. Ціна 15 сот.

Его-же—О вѣрѣ. III листъ пастырскій. Жовква, 1901. Накладомъ Выдавництва Чина Св. Вас. Великаго. Печатня оо. Василіянъ. Ст. 48, 8°. Ціна 15 сот.

Экономическая и сельско-хозяйственная дѣятельность Полтавскаго Земства. Изданіе Экономич. Бюро Полт. Губ. Земства. Приложеніе къ журналу «Хуторянинъ» № 1. Полтава, 1901, стр. 1—62.

То-же, № 2. Полтава, 1901, стр. 1—64.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

26-го марта состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. Д. И. Багалѣй доложилъ о сообщеніи комитету секретаремъ статистическаго комитета В. В. Ивановымъ—дополнительныхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ Харьковской губ. и его предложеніе—обратиться ко всѣмъ губернаторамъ въ раіонѣ, подлежащемъ изученію предстоящаго съѣзда, съ просьбой о запросѣ земскихъ начальниковъ ихъ губерній по поводу древностей, коллекцій и т. п. Предложеніе это принято и рѣшено при обращеніи послать въ качествѣ образца тотъ циркуляръ, съ которымъ обратился харьковскій губернаторъ къ земскимъ начальникамъ.

Проф. Д. И. Багалѣй прочелъ докладъ предсѣдателя историко-филологическаго Общества при институтѣ князя Безбородко проф. А. Добіаша о результатахъ дѣятельности состоящей при Обществѣ особой коммиссіи по собиранію археологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, а также предметовъ древности, въ предѣлахъ Черниговской губерніи къ XII археологическому съѣзду. Изъ этого доклада видно, что работы коммиссіи со времени перваго отчета еще болѣе расширились, нашли сочувствіе и поддержку и среди общества, администраціи, духовенства и народныхъ учителей и учительницъ.

Благодаря помощи черниговскаго губернатора, коммиссія получаетъ свѣдѣнія о древностяхъ и самыя памятники даже изъ захолустныхъ мѣстъ Черниговской губерніи: пакеты доставляются и черезъ волостныя правленія и черезъ исправниковъ. Рѣшено докладъ напечатать въ „Трудахъ предварителнаго комитета“, исходатайствовать коммиссіи 200 руб. на различные расходы у московскаго археологическаго Общества, находящійся въ распоряженіи коммиссіи атласъ малороссійскихъ картъ и плановъ малороссійскихъ городовъ—просить для археологической выставки; равно просить: 1) доставить комитету брошюру П. Н. Тихонова „Черниговскіе старцы“ и Б. Д. Гринченки „Каталогъ музея Тарновскаго“; 2) доставить предметы, представленные коммиссіи М. И. Лилеевымъ: образъ Николая Чудотворца, два старинныхъ козацкихъ пояса изъ шелка-сырца, двѣ старинныхъ женскихъ рубашки съ расшитыми шелками по подолу узорами; отрывокъ изъ лѣчебника XVIII вѣка.

Д. П. Миллеръ познакомилъ съ содержаніемъ поступившаго отъ И. В. Попова въ распоряженіе комитета рукописнаго сборника подъ заглавіемъ: „Планъ Новороссійской губерніи“. Сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ печатныхъ указовъ Екатерины II; рукописные документы—копіи съ разныхъ распоряженій, касающихся устройства Новороссійской губерніи въ 1764 г.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ о согласіи г. Поддубнаго издать карты Харьковской губерніи, а также карты г. Харькова.

Проф. А. М. Покровскій сообщилъ свои наблюденія надъ Донецкимъ городищемъ, а г-жа А. Я. Ефименко обратила вниманіе на подвѣску, найденную въ числѣ прочихъ вещей въ городищѣ: ея звѣздистая кайма, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляетъ полную аналогію съ каймой серегъ такъ назыв. „черниговскаго“ типа.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ о пожертвованіи предварительному комитету его членомъ А. Ѳ. Баптышемъ ста рублей и познакомилъ съ памятниками, поступившими въ полное распоряженіе комитета для археологической выставки.

Въ Комитетъ присланы: Темнымъ (Казачья Лопань)—мѣдныя монеты XVIII в.; свщ. Антоновымъ (Казачья Лопань)—дарохранительница, служебникъ 1754 г., грамота епископа Ѳеоктиста Бѣлгородскаго; свящ. Д. Иваницкимъ (Русская Лозовая)—

Четвероевангеліе 1657 г. и 1717 г., желѣзные вѣнцы, иконы—Вознесеніе Иліи и Явленіе трехъ ангеловъ Аврааму (XVII в.), земельные документы XVIII в.; свящ. Хижняковымъ (сл. Терешновка)—ассигнація десятирублеваго достоинства 1812 г.; учительницей Кобзаревой (Васильевка)—мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; свящ. Краснокутскимъ—книга „Описаніе св. мѣстъ" Іерусалима; г. Шестеренко (Купъеваха)—мѣдныя монеты XVIII в., свящ. Грековымъ (Вабычина)—образъ св. Митрофанія, писанки; свящ. Рождественскимъ (с. Краснянское)—служебникъ 1754 г., кокошникъ, свѣчи, медаль за взятіе Очакова, мѣдныя монеты 1758 и 1759 г., щипцы, памятная тетрадь 1849 г.; г-жей М. Д. Квитковской—картина XVIII в. „Дѣвушка съ голубкою", мѣдныя монеты XVIII—XIX вв.; Фридкинъ—монета 1770 г.; Шкорбатовымъ—восточная монета; И. В. Поповымъ—документы по устройству Новороссійскаго края; свящ. Бородаевскимъ—брачный вѣнецъ, окладъ евангелія (XVIII в.), учительницей с. Брусовки—образцы вышивокъ и мережекъ, модель гончарнаго круга; свящ. Антоновымъ—Библія Кастелліона, лѣтопись Димитрія Ростовскаго; свящ. Давыдовымъ (Котельва)—кипарисовый крестъ 1774 года; свящ. Самойловымъ—оловянная чаша, крестъ, перламутровая икона (XVIII в.); свящ. Ковтуномъ (Угроѣдъ)—актъ 1800 г.; Захарьевымъ (Алексѣевка)—каменная лампада, иконы—Митрофанія, Богоматери, Знаменія Божіей Матери, св. Николая, Распятія, вмч. Варвары (всѣ XVIII в.); ахтырскимъ полицейскимъ управленіемъ—кипарисовый крестъ XVIII в., евангеліе 1654 г.; О. Прусовой—серебрян. монета 1757 г.; И. Л. Шимановымъ—мѣдная стрѣлка; г-жей Орловской—фотографіи съ различныхъ мѣстъ и предметовъ Кобелякскаго уѣзда, Полтавской губ.; Рудаковымъ (Харьковъ)—двѣ большихъ картины, писанныхъ акварелью и представляющихъ Михайловскую площадь и видъ съ горы Благотворительнаго Общества въ 40-хъ годахъ XIX-го столѣтія; А. Ѳ. Лукьяновой—фотографія съ картины жанроваго характера (поимка контрабандной водки объѣздчиками); В. В. Гюльцгофтъ—снимки съ видовъ гор. Харькова семидесятыхъ годовъ.

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность А. Ѳ. Бантышу, всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ и, вообще, всѣмъ, до-

ставившимъ ему различныя свѣдѣнія о древностяхъ Харьковской губ.

Е. Р.

Засѣданія обществъ.

15 февраля, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, состоялось общее собраніе членовъ и слушателей *Археологическаго института*. Г. М. Болсуновъ выступилъ вновь съ своими критическими замѣчаніями на существующія классификаціи доисторической культуры. На этотъ разъ онъ коснулся классификацій, основанныхъ на признакахъ антропологическихъ. Доисторическая антропологія, часто смѣшиваемая многими учеными съ доисторическою археологію, немного проливаетъ свѣта въ таинственную область жизни первобытнаго человѣка. Слишкомъ мало, и то въ фрагментахъ, сохранилось череповъ и костей, несомнѣнно принадлежащихъ доисторическому времени. Многіе изъ нихъ и даже знаменитый неандертальскій черепъ референтъ подвергаетъ сомнѣнію въ принадлежности первобытному обитателю земли. Существующія антропологическія классификаціи, касающіяся вопроса о хронологической послѣдовательности расъ, населявшихъ въ доисторическое время Европу, остроумны, но мало доказательны. Большинство ученыхъ признаютъ за древнѣйшимъ населеніемъ Европы одинъ общій признакъ—длинноголовость расы. Длинноголовое населеніе было отодвинуто впослѣдствіи на югъ и сѣверъ материка появившимся изъ Азіи короткоголовымъ племенемъ. Населеніе Россіи принадлежало также къ длинноголовымъ. Референтъ демонстрировалъ во время доклада интересную коллекцію череповъ. Докладъ вызвалъ возраженія князя П. А. Путятина, поддерживавшаго научный выводъ антропологовъ о существованіи неандертальской расы. В. Грюнейзенъ, въ рефератѣ „Стиль, художественная характеристика и оцѣнка произведеній живописи въ исторической ея динамикѣ“, прослѣдилъ постепенное развитіе искусства, выразившагося въ созданіи фресокъ и мозаикъ. Эти формы искусства существовали еще въ отдаленные вѣка въ Египтѣ, Персіи, Греціи и Римѣ. Въ Россіи фрески появляются въ X—XI вѣкахъ.

Вопросъ о византійскомъ искусствѣ вызвалъ разъясненія и возраженія со стороны проф. Н. В. Покровскаго. „Спб. Вѣд.“.

—

28-го февраля состоялось 5-ое годичное общее собраніе членовъ *Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ* подъ предсѣдательствомъ вице-прдсѣдателя Общества Б. И. Ханенко. Вице-предсѣдателемъ былъ доложенъ докладъ правленія, въ которомъ представленъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ за прошлый 1900 г., и смѣта на 1901 г.; кромѣ того, въ докладѣ изложенъ ходъ работъ по постройкѣ Музея. Зданіе Музея сооружено по проекту архитектора Бойцева, передѣланному затѣмъ академикомъ В. Н. Николаевымъ и окончательно разработанному архит. Городецкимъ. Закладка зданія состоялась 21 сент. 1897 г., къ работамъ приступленно осенью 1898 г. и принято зданіе отъ строителя въ ноябрѣ 1900 г. Общая стоимость зданія—226247 р. 68 к., но предстоятъ еще работы по окончательному устройству мѣстности вокругъ Музея на сумму 8320 руб. Изъ другихъ вопросовъ, касающихся постройки Музея и представленныхъ на утвержденіе общаго собранія, отмѣтимъ проектъ парадной лѣстницы, отсутствовавшей до сихъ поръ въ Музеѣ. Необходимыя на это средства, въ размѣрѣ 20-ти тысячъ руб., пожертвованы Н. А. Терещенко и къ устройству лѣстницы будетъ приступлено настоящимъ лѣтомъ. Въ теченіи прошлаго года правленіемъ были принимаемы мѣры къ образованію въ Музеѣ художественно промышленнаго отдѣла, необходимаго для Кіева, гдѣ уже существуютъ школы рисованія и гдѣ предполагается устройство художественно-промышленнаго училища на средства пожертвованныя въ недавнее время И. Н. Терещенко. Общее собраніе уполномочило, затѣмъ, правленіе ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи средствъ на содержаніе Музея и на пріобрѣтеніе коллекцій по художественному и художественно-промышленному отдѣламъ, а также на принятіе Музея въ вѣдомство Мин. Финансовъ или Императ. Двора. Закончилось собраніе выборомъ новыхъ членовъ правленія (проф. Г. Г. Павлуцкій, С. С. Могилевцевъ, М. В. Суринъ и В. Н. Бутовичъ), почетныхъ, дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ Общества (на 1-ое января 1901 г. числилось въ Обществѣ 116 членовъ).

—

Въ засѣданіи исторической секціи *Общества Изслѣдователей Волыни*, 1-го марта, Я. В. Яроцкимъ была произнесена рѣчь —„Доисторическая Волынь“, въ которой сдѣланъ обзоръ имѣющихся памятниковъ и изслѣдованій ихъ, а также, въ связи съ этимъ, намѣчена программа дѣятельности Общества, направленная къ разрѣшенію различныхъ вопросовъ доисторическаго прошлаго Волыни.

—

По ходатайству *Коммиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины*, состоящей при Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ настоящее время разосланы при посредствѣ инспекторовъ народныхъ училищъ и консисторій краткія программы для внесенія учителями народныхъ училищъ и приходскими священниками свѣдѣній объ имѣющихся памятникахъ старины. Такія свѣдѣнія необходимы для предполагаемыхъ настоящимъ лѣтомъ экскурсій членовъ Коммиссіи.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки на мѣстѣ неолитическаго поселенія съ керамикой до-микенскаго типа у с. Колодистаго, Звенигородск. у. Кіевск. г. Прошлымъ лѣтомъ, В. Н. Доманицкимъ былъ произведенъ рядъ раскопокъ у с. Колодистаго. Мѣсто раскопокъ расположено у каменоломень, на краю села. Здѣсь уже были раньше раскопки, веденныя какъ В. Н. Доманицкимъ (въ 1899 г.), [1]) такъ и А. А. Спицинымъ (въ прошломъ году). Поверхность имѣетъ уклонъ къ протекающему здѣсь ручью Колодистому и частью занята крестьянскими усадьбами. На основаніи предварительныхъ развѣдокъ, можно было установить, что остатки жилищъ съ расписными сосудами расположены въ 7 рядовъ, идущихъ параллельно ручью. Раскопки производились въ 1-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ рядахъ—промежуточные ряды очень испорчены каменоломней и отчасти скрыты подъ землей, вынутой изъ каменоломни.

[1]) См. «Лѣтопись», 1899 г. ноябрь.

Методъ раскопокъ состоялъ въ томъ, что очищенное отъ верхняго слоя земли мѣсто жилища разбивалось на квадратные сажени и затѣмъ обслѣдовался каждый квадратъ. На этотъ разъ мы помѣщаемъ краткія свѣдѣнія о раскопкѣ 4-хъ площадокъ.

№ 1. Площадка расположена въ 1-мъ ряду, у дороги, ведущей изъ с. Колодистаго въ с. Гуляйполе. Правильности въ очертаніи формъ не установлено, площадь, занятая остатками жилища, занимаетъ около 15-ти кв. саж. Поверхность площадки не равномѣрна: въ одномъ мѣстѣ находился мусоръ, происходящій повидимому отъ обмазки стѣнъ или потолка, обвалившейся на полъ, состоитъ онъ изъ необожженной глины съ отпечатками дерева; въ другихъ мѣстахъ была обнажена лишь нижняя обмазка пола, также съ отпечатками жердей, а то и широкихъ плахъ; отпечатки шли въ направленіи, поперечномъ къ длинѣ площадки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полъ сохранился лучше, имѣлась на лицо верхняя обмазка пола, въ формѣ хорошо обожженныхъ плитокъ, расположенныхъ въ 2 ряда. Въ одномъ случаѣ было обнаружено также и два слоя нижней обмазки, и здѣсь толщина пола доходила до 12-ти стм. Обжигъ пола иногда значительной интенсивности, такъ что глина превратилась въ кирпичный шлакъ. Среди деталей устройства пола нужно отмѣтить остатки двухъ глиняныхъ выступовъ (карнизовъ), шедшихъ поперекъ площадки на разстояніи $4^1/_2$ арш. другъ отъ друга (площадка имѣла приблизительно 3 саж. ширины и 6 длины); затѣмъ, воронкообразную яму, обложенную по краю кусками глины и открытую подъ верхнимъ поломъ (по мнѣнію г. Доманицкаго яма эта представляетъ изъ себя печь), и наконецъ, кругъ, діам. 1 метръ, состоявшій изъ пяти слоевъ пережженной глины и земли. Среди находокъ отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ какъ на поверхности пола, такъ и подъ обмазкой, было много черепковъ посуды, нѣсколькихъ типовъ: 1) архаическаго, украшеннаго вдавленнымъ орнаментомъ, 2) изъ сѣрой, хорошо обожженной глины и 3) расписной; найдены также части двойного сосуда. На площадкѣ и за краями ея найдено затѣмъ нѣсколько крупныхъ камней (гранитъ и песчаникъ) съ одной или двумя сглаженными сторонами. Изъ болѣе мелкихъ предметовъ можно отмѣтить нѣсколько отбивныхъ кремневыхъ ножиковъ и каменное шлифованное орудіе въ формѣ клина, 15

стм. длиной. Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались кости животныхъ, крупныхъ (лошади) и мелкихъ, и раковины Unio pictorum, въ одной изъ послѣднихъ замѣтны слѣды краски—охры.

№ 2. Раскопки площадки дали довольно интересные результаты. Расположена площадка въ 5-мъ ряду, занимаетъ приблизительно 6 кв. саж. Кострукція пола обычная—плитки и обмазка. Въ южной части (площадка направленіемъ съ сѣвера на югъ) обнаружена довольно глубокая воронкообразная яма, діам. отверстія въ 4 арш., и діаметромъ дна 1 ар. 6 вершк. Бока и дно состоятъ изъ нѣсколькихъ слоевъ пережженной глины и земли, толщиной до 40 стм. По краю дна шла обмазка въ видѣ карниза и желобка. Въ днѣ ямы, подъ слоями глины, находился слой золы, толщ. въ 45 стм., въ которомъ найденъ большихъ размѣровъ сосудъ, наполненный пережженными костями, въ томъ числѣ и человѣческими, отчасти окрашенными желтой охрой—окраска получилась быть можетъ оттого, что на днѣ сосуда находилась эта краска. Возлѣ большого сосуда найденъ еще небольшой расписной сосудикъ, также со слѣдами краски. Кромѣ этого, въ ямѣ найдено нѣсколько фраментовъ глиняныхъ статуэтокъ. Статуэтки (почти всегда лишь части ихъ) встрѣчались и на поверхности площадки. И здѣсь найдены,—повидимому обычныя принадлежности площадокъ,—камни со сглаженными поверхностями, затѣмъ, сосуды и черепки, кости животныхъ (вола) и человѣка и части кремневыхъ отбивныхъ орудій.

№ 3. Площадка расположена въ 20—30 саж. отъ ручья Колодистаго. Сверху слой наносной земли достигалъ 1 $^1/_2$ арш., на $^1/_2$ арш. подъ сооруженіемъ показалась вода. Изслѣдована только часть площадки, т. к. остальная занята садомъ. Сверху лежалъ мусоръ изъ скипѣвшагося шлака, подъ нимъ полъ и обмазка; характерную особенность послѣдней въ данномъ случаѣ представляетъ то обстоятельство, что съ внутренней стороны обмазка имѣла отпечатки тростника. Отмѣтимъ особенность устройства этой площадки: въ одномъ мѣстѣ, на полу, кромѣ части карниза, обнаруженъ кругъ въ 1$^1/_2$ арш. діаметромъ, такого же состава, какъ и полъ, но съ правильно закругленными боками. Находки отдѣльныхъ предметовъ были тѣ же, что и на двухъ предыдущихъ площадкахъ: черепки и сосуды, части статуэтокъ, камни, кости; найденъ также небольшой камень съ отшлифован-

нымъ концомъ, служившій, быть можетъ, для растиранія зеренъ, и куча грузилъ въ формѣ плоскихъ кружковъ съ отверстіями посрединѣ.

№ 4. Поверхность площадки имѣла разнообразный характеръ: въ одномъ мѣстѣ на лицо была лишь нижняя обмазка пола, въ другихъ—плиточный полъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружены части карнизовъ, иногда закругленныхъ, затѣмъ два глиняныхъ круга и наконецъ яма, съ обмазкой на бокахъ и на днѣ, окружностью 4 саж. и окружностью дна въ 2 сажня. Глубина ямы въ среднемъ 1 арш. Въ ямѣ находился сосудецъ, грузила и части статуэтокъ. Сосуды, черепки, камни и статуэтки встрѣчались и въ другихъ частяхъ площадки.

Какъ на новые факты, добытые раскопками этихъ площадокъ и касающіеся конструкціи послѣднихъ, можно указать на круги, устроенные на полахъ, и на ямы, признаваемыя В. Н. Доманицкимъ за печи. Однако, окончательное установленіе этихъ фактовъ требуетъ еще новыхъ раскопокъ.

Директоромъ Артиллерійскаго Музея *Н. Е. Брандербуромъ* въ настоящее время производятся раскопки кургановъ на мѣстѣ обширнаго скифскаго могильника въ Роменскомъ у. Полтавской губ. въ имѣніи кн. Щербатова.

Музеи и собранія древностей.

Работы Полтавскаго земства по переоцѣнкѣ имуществъ представили случай земскому статистику Н. К. Галимскому доставить въ мѣстный *естественно-историческій музей* очень цѣнные предметы чумацкаго и козачьяго обиходовъ. Къ предметамъ чумацкаго обихода относятся: обширнѣйшій чумацкій возъ, который поражаетъ своей массивностью и указываетъ, что для передвиженія его нуженъ былъ болѣе рослый и здоровый скотъ, чѣмъ въ настоящее время; рубаха съ оригинальными узорами; бабка для отбиванія косъ; деревянная ножка съ кольцомъ, которая прикрѣплялась, вѣроятно, къ очкуру посредствомъ ремешка и пряталась за голенищу; люлька съ жигаломъ; деревянная чашка

съ салотовкой, выдѣланная въ тѣхъ видахъ, чтобы, не двигаясь съ мѣста, можно было, „мнять кашу“ и, одновременно, „товкты“ сало; нагайка для „жартивъ“, которая вручается жениху при свадебныхъ обрядностяхъ; сиракъ съ „видлогою“; женская узорчатая рубаха; коллекція плахтъ, совершенно не такихъ яркихъ цвѣтовъ, какъ объ этомъ привыкли думать; передникъ для плахты; серги (гадючки) оригинальной формы, дукачи; коллекція очипковъ,—болѣе старая форма, остроконечная, замѣнена овальной подъ вліяніемъ городской моды; пара запасокъ, намитка, головная стричка; красные сафьяновые черевычки.

Изъ предметовъ козачьяго обихода: козацкій жупанъ съ галлыками; козачье сѣдло; козачья сабля съ обыкновенной, не защищающей кисть рукоятью; кожаный козачій поясъ съ серебряными украшеніями и патронташемъ; гигантскій козачій поясъ въ нѣсколько саженъ длины, многократно обворачивавшійся вокругъ таліи.

Вещи интересны также и какъ показатель, насколько развитъ художественный вкусъ населенія. Между прочимъ имѣется кофта съ пелериной, какія прежде носили старухи-козачки, ничѣмъ не отличающаяся отъ модной современной кофты губернской барыни. Вещи еще не систематизированы, но и въ такомъ видѣ застявляютъ зрителя перенестись мысленно во времена сравнительно давнія.

Экспедиціи земскихъ статистиковъ въ уѣзды дали возможность возбудить интересъ у деревенскихъ обывателей къ цѣлямъ и задачамъ естественно-историческаго музея, и, нужно надѣяться, дѣло собиранія археологическаго и этнографическаго матеріала можетъ стать на болѣе прочную почву. „Полт. Губ. Вѣд.“

—

Въ г. Николаевѣ, у А. Ф. Фогеля, имѣется прекрасная коллекція предметовъ, происходящихъ изъ древне-греческихъ черноморскихъ колоній (главн. обр. изъ Ольвіи) и собираемыхъ владѣльцемъ уже около 10-ти лѣтъ. Особенно замѣчателенъ отдѣлъ вазъ: здѣсь имѣется великолѣпная панафинейская чернофигурная амфора, чернофигурные и краснофигурные аттическіе сосуды, „мегарскіе кубки“, сосуды римскаго періода, сосуды въ формѣ людей и звѣрей, терракотовыя фигурки и т. п. Богатъ также

отдѣлъ стекла—есть стеклянные сосуды, замѣчательные по красотѣ и изяществу. Кромѣ этого, коллекція заключаетъ въ себѣ также издѣлія изъ бронзы и слоновой кости.

—

Въ г. Очаковѣ, протоіереемъ Н. Левицкимъ собрана небольшая коллекція классическихъ древностей изъ покупокъ въ с. Парутинѣ (Ольвія) и изъ раскопокъ на о. Березани. Интересны въ коллекціи сосуды, между которыми есть и милетскіе.

—

По ходатайству Херсонской Ученой Архивной Коммиссіи, Имп. Археологическая Коммиссія разрѣшила передавать въ *Херсонскій Археологическій Музей* дублеты предметовъ изъ Керченскаго Музея и изъ раскопокъ въ Херсонесѣ.

Можетъ быть, что было два полковника Гловацкихъ, Петръ и Степанъ, при чемъ послѣдній долженъ былъ быть полковникомъ уже не *королевскаго*, а того Иченскаго полка, который по извѣстію Самовидца, (изд. 1847 г., 14), въ числѣ прочихъ полковъ, въ 1649 г. „притягнулъ до Хмелницкого".

Засимъ, объ Ичнѣ имѣемъ лишь свѣдѣніе, что въ 1656 г. здѣсь уже былъ „мѣскій урядъ", состоявшій изъ представителей какъ „товариства", такъ и „поспольства". Составъ его виденъ изъ одной купчей, которая начинается такъ: „Р. 1656, мѣс. августа 7 дня. Передъ нами, Іваномъ Третякомъ, атаманомъ городовимъ, и Василемъ Герасимовичемъ, войтомъ, Остапомъ Карасѣемъ, Якимомъ Шептухою, бурмистрами Ичанскими. На врядѣ ставши, передъ нами, Климъ Грищенко, созналъ намъ, ижъ продалъ п. Семену Ярмаченку, крамару, сѣножать" и т. д.

Кр. П. 244 д. **А.** 255 д. (12 „зимовчик.") **В.** 215 д. **В.** 391 д. Пс. 51 д. **Г.** 168 д. 182 х. Пс. 11 д. 12 х. и 24 бд. х. **Д.** 332 д. 445 х. Пс. 132 д. 239 х. **Кз. В.** 111 д. **Г.** 218 д. 231 х. Пс. 128 д. 138 х. **Д.** 275 д. 412 х. Пс. 11 д. 15 х.

Между прочимъ, изъ ревизіи 1740 г. видно, что за 4 года (1736—740) изъ Ични ушло крестьянъ—97 хоз. Затѣмъ, въ судьбѣ Иченскихъ крестьянъ произошли такія событія: часть ихъ (20 дворовъ) въ 1748 г. отдана была кн. Николаю Саакадзеву и двумъ *малолѣтнимъ* его сыновьямъ, Егору и Ивану [1]). Но еще болѣе важнымъ событіемъ была отдача Разумовскимъ, въ 1752 г., всего Иченскаго посполитаго населенія, въ „вѣчное владѣніе", Прилуцкому полковнику Григ. Галагану, взамѣнъ Веремѣевки (с. 51).

При отдачѣ крестьянъ Галагану, имъ произведена была опись, при чемъ крестьянъ „безцеховыхъ"—оказалось 132 дв.,

---

[1]) Кн. Николай Саакадзевъ былъ отцомъ Алексѣя, получившаго крестьянъ въ Монастырищѣ. Отецъ, съ малолѣтними братьями Алексѣя, прибылъ изъ Грузіи позже старшаго сына. Впослѣдствіи, крестьяне отца и братьевъ перешли къ Алексѣю, какъ видно изъ вѣдом. 1780 г.

155 х. и 27 бд. хатъ, а цеховыхъ, особо, 73 дв. 74 х. и 3 бд. х., всего, значитъ, 205 дв. 229 х. и 30 бд. х. Изъ свѣдѣній объ имущественномъ состояніи крестьянъ первой категоріи, видно, что у 61-го изъ нихъ не было ни скота, ни земли, а у остальныхъ было: скота—по одному и по два вола, а земли большею частью, по 3 „дня“, при чемъ у очень многихъ были и „лѣски“, указывающіе, что еще и въ пол. XVIII в. Ичня окружена была лѣсами. Домохозяевъ, у которыхъ были винокурни и торговыя лавки („на ринку“), было не болѣе трехъ [1]).

Изъ числа „цеховыхъ“, т. е. ремесленниковъ, нѣкоторые имѣли по нѣсколько „дней“, земли, но у большинства—ни земли, ни скота не было; и такихъ, которые ничего не имѣли, а „бавились зъ ремества“ только, было—болѣе половины (43 изъ 76). Ремесла были: шевское, кравецкое, плотницкое (тесли), гончарское, ткацкое, ковальское. Больше всего было сапожниковъ. Въ той же вѣдомости описаны и „пустые плецы“ (усадьбы), которыхъ оказалось 137, при чемъ землею, принадлежавшею къ этимъ запустѣвшимъ „плецамъ“, иногда продолжали пользоваться прежніе хозяева [2]); впрочемъ, ихъ было немного, такъ какъ такихъ пустыхъ плецовъ, хозяева которыхъ ихъ бросили совсѣмъ, было—110.

Приведенныя свѣдѣнія указываютъ, что и такіе выгодные въ промышленномъ отношеніи центры, какимъ несомнѣнно была Ичня, не давали возможности населенію богатѣть...

---

[1]) Но были и такіе дворы, какъ, напр., Ступы—«имѣетъ пашенной земли дній 4, да на томъ же дворѣ винница козака Скибы, въ которой и робится (вино), якобы по куплѣ того двора (Скибою у Ступы, значитъ...)

[2]) „Пустой плецъ Уласа Дорошенка. Плецемъ, подъ огородомъ, и пашеною землею, двома днями, сынъ его Василь, жіючи въ подсосѣдкахъ у зн. тов. Рудавского, владѣетъ“.—„Пуст. плецъ Гаврила Божка. Плецемъ пустымъ и къ оному принадлежащимъ полемъ, 4-мя днями, живучи онъ, Божко, въ подсосѣдкахъ, у б. тов. Григ. Стороженка, владѣетъ“.—„Андрей Мисикъ. Плецемъ своимъ дворовимъ, подъ огородомъ, лѣсомъ частью, живучи въ козака Писаренка въ подсосѣдкахъ, владѣетъ“. Видно, что хозяева иногда бросали свои дворы изъ за того, чтобы „уклониться отъ общенародныхъ повинностей“.

По описанію Пащенка, Ичня въ 1780 г. представляется въ слѣд. видѣ. „Положеніе имѣетъ на ровномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ рч. Ични, на которой плотинъ 5, мельничныхъ амбаровъ 6, о 6-ти колахъ, при столбовыхъ дорогахъ: изъ Стародуба въ Прилуку и изъ Ромна въ Кіевъ.—Церквей деревянныхъ—6, сотенное правленіе, лавокъ торговыхъ—73, въ которомъ числѣ рыбныя, соляныя, мясныя, гончарскія и съ краснымъ товаромъ. Затѣмъ, перечислены дома старшины и чиновниковъ, въ числѣ которыхъ названы: кол. ас. Галаганъ, подполк. Ив. Новицкій, сек.-майоръ Дан. Ключаревскій, сек. майоръ Вас. Рудавскій, в. тов. Ефимъ Ярошевскій, возный Кир. Довбня, отст. вахмистръ Данило Буличъ, сотникъ Демянъ Лисянскій и т. д. Козаковъ: выборныхъ—55 д. 123 х. и подпом.—220 д. 289 х. Посполитыхъ: к. ас. Ив. Галагана—332 д. 445 х., полковн. Андр. Закревскаго—4 д. 8 х., сек.-м. кн. Алексѣя Саакадзева—7 д. 13 х., разн. чиновъ, церковн. и священ. подсосѣдк.—121 д, 218 х., козач. подсос.—11 д. 15 х. Въ тамошнихъ чиновниковъ, разночинц., священниковъ, козаковъ и посполитыхъ—винокур. котловъ 123.—Въ числѣ козак. и поспол., ремеслен. людей до 78, которые раздѣлены по цехамъ; съ нихъ—портные, кузнецы, ткачи, бондари и гончары работы свои производятъ на обывателей толко тамошнихъ, а сапожники вырабатываемый товаръ отвозятъ на ярмонки въ Кременчугъ, Прилуку, Пирятинъ и м—рь Густынскій. Викуриваемое здѣшними жителями вино, кромѣ продажи въ семъ м—кѣ, отвозятъ въ Прилуку, м—ръ Густинскій и с. Деймановку. Большая часть обывателей упражняются въ хлѣбопашествѣ; нѣкоторые ходятъ въ Крымъ по соль и въ Черкаскъ по рыбу. Торги бываютъ по два раза въ недѣлю, а ярмонки въ годъ по 3 раза; пріѣзжаютъ купцы зъ Нѣжина, Прилуки, Борзны и Конотопа, зъ шолковыми и суконными товарами и друг. разн. вещми. Въ здѣшнихъ лавкахъ продается: сахаръ, платки шолковые и бумажные, холстъ, крашанина, штаметъ, полуритинъ, кримская выбойка и др.“

Х. Романовщина—тѣмъ же Пащ—мъ—описанъ такъ: „сотника Ичанскаго Ивана и войск. тов. Петра Романовичовъ, отъ м. Ични въ 2-хъ верст., при рч. Ичнѣ, на котор. мелница о

2-хъ кол. Въ немъ сотника Романовича домъ жил., дерев., о 4—хъ пок., а другой Петра Р—ча, о 3-хъ пок. Подсосѣдк. Ив. Р—ча—10 дв. 10 х. и П. Р—ча—5 д. 9 х.

Въ числѣ многихъ хуторовъ, окружавшихъ Ичню, показанъ и „х—ръ въ лѣсѣ Нежеровѣ, козаковъ Ичанскихъ Дзюбъ, отъ Ичнѣ въ 7-ми верст., при рч. Нежеровкѣ, на котор. мельница вешняя. Въ х—рѣ 1 дв. 5 х." (См. с. 164, прим. 4).

С. Буромка, рч. Буромка.[1]) Въ 1659 г., Прилуцк. полковн. Терещенко просилъ царя Алексѣя Михайловича отдать Буромку съ Шиловичами—извѣстному Иченскому протопопу Адамовичу, при чемъ добавлялъ, что села эти „нынечи разорены и огнемъ сожжены отъ безбожныхъ агарянъ."[2]) Просьба эта не была уважена. Б., вмѣстѣ съ Ш—ми, отданы были генер. судьѣ Мих. Вуяхевичу, Мазепою, вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы, такъ какъ подтвердительная царская грамота на эти села выдана была В—чу, въ 1689 г., въ Москвѣ, во время первой поѣздки туда Мазепы.[3]) Вуяхевичъ, какъ извѣстно, избранъ былъ затѣмъ (1690 г.) архимандритомъ Печерской лавры, съ именемъ Милетія, при чемъ Б—ка и Ш—чи у него отобраны не были, а В—чъ ихъ, тогда же, отдалъ лаврѣ.[4])

---

[1]) Такъ, этотъ незначительный притокъ верхняго Удая, названъ у Пащенка.

[2]) Памятники, изд. Кіевск. Ком., изд. 2-е, Ш, 393.

[3]) См. у Костомарова, «Мазепа», стр. 41. Собственныя имена здѣсь переиначены и искажены (какъ это часто видимъ у Костомарова) до неузнаваемости; такъ и относительно В—ча сказано, что за нимъ утверждены два села въ «Полтавскомъ повѣтѣ», но слѣдуетъ читать—въ Прилуцкомъ, какъ и въ слѣд. строкѣ вм. Любецкомъ, слѣдуетъ читать—Лохвицкомъ...

[4]) Опис. К. Лавры, м. Евгенія, изд. 1831 г., стр. 148. У Костомарова („Мазепа") мотивъ Вуяхевичеваго постриженія указалъ тотъ, что „*безсемейный* и *безродный* онъ, В—чъ, чувствуя уже подходящую старость, счелъ за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ св. обители..." Едва ли это было такъ. Вѣрнѣе, что В—ча манила не сама обитель, а заранѣе условленное въ ней первенствующее положеніе; для лавры же Б.—былъ желателенъ, повидимому, какъ владѣлецъ *четырехъ селъ*, которыя онъ отдавалъ ей при этомъ. Митр. Евгеній говоритъ, впрочемъ, что В—чъ въ это время былъ очень старъ, но лаврою

Кр. А. 100 д. **В.** 70 д. **В.** 84 д. **Г.** 34 д. 40 х. Пс. 1 х. **Д.** 52 д. 79 х. Пс. 4 д. 10 х. **Кз. В.** 25. д. **Г.** 22 д. 24 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д.** 31 д. 81 х. Церк. св. Параскевіи. Свящ. Семенъ Зборовскій. Какъ видно, крест. населеніе уменьшилось за 77 л. на половину. Изъ ревизіи 1740 г. видно, что за четыре года (736—740) изъ Б. ушло 21 хоз. Не дали возможности монахи появиться здѣсь и подсосѣдкамъ, кромѣ 2-хъ дв. „вдовы Милорадовичевой", какъ означено въ опис. Пащенка.

С. Шиловичи, таже рч., что и въ Буромкѣ и та же исторія села, что у Буромки. **Кр. А.** 26 д. **В** 14 д. **В.** 14 д. **Г.** 6. д. 6 х. **Д.** 9 д. 11 х. Пс. 4 д. 5 х. **Кз.** 24 д. **Г.** 14 д. 20 х. Пс.

онъ правилъ болѣе шести лѣтъ († 1697). В—чъ былъ, повидимому, правобережный шляхтичъ, судя по его женѣ, о которой имѣется свѣдѣніе въ актѣ 1686 г.—„Я, Жданъ Талрина... вѣдомо чиню, иж̀ъ што в небытности его мл. п. Мих. Вуяхевича, судиѣ Войска ихъ ц. пр. велич. Зап. енер., за пріѣздомъ въ Кіевъ, зъ лядской стороны, нѣякогось Страшкевича, съ женою его Маріею Скововщанкою, первого малженства Жукинского, набылъ былъ, къ своему двору, на килка сажней, чрезъ увесь садъ, плецъ Жукинскій; теды, за прибытемъ его пна Вуяхевича з малженкою его, Екатериною *Жукинщанкою*, дѣдичкою того пляцу.... На замѣну того Жукинского его пляцу, купилемъ церковный пляцъ Тетерковскій на церковь святого прка Іліи, за отпущеніе грѣховъ....» 1686 г., іюля 27. (*Съ подлинника, въ наш. б—кѣ*). Отсюда видно, что женою В—ча была Жукинщанка, а у жены Страшкевича первымъ мужемъ былъ *Жукинскій*; обѣ онѣ простирали свои права на этотъ пляцъ, причемъ «дѣдичкою» его называла себя жена В—ча, будучи, значитъ, дочерью одного изъ Жукинскихъ. А Остерское село *Жукинь* принадлежало В—чу, такъ какъ онъ его отдалъ лаврѣ вмѣстѣ съ Буромкою (Оп. К. Л., 148). Слѣдуетъ заключить, поэтому, что В—чъ былъ женатъ на дочери одного изъ *Жукинскихъ*, которымъ принадлежало село Жукинь. (Źr. Dziejowe, XX, II, 192, 354, и «Остерск. уѣздъ», 93). Затѣмъ, относительно *безсемейности* В—ча можно замѣтить, что изъ дѣла о дворянствѣ священниковъ с. Кривоносовки (Н.-Сѣверск. у.) Вуяхевичей (арх. Черниг. двор. собр.), видно, что они свой родъ ведутъ по прямой линіи отъ Мих. В—ча. О послѣднемъ можно еще сказать, что въ молодости онъ былъ писаремъ у Самка, когда послѣдній въ 1662 г. назывался наказн. гетманомъ. (Акты Ю.-З.-Россіи, VII, 354 и друг.).

3 д. 3 х. Д. 22 д. 48 х. И здѣсь видимъ тоже уменьшеніе крест. населенія. Подсосѣдки принадлежатъ „подкоморію“ Григорію Закревскому, значитъ, тоже человѣку важному. Церк. св. Параскевіи. Свщ. Захарій Лѣсницкій.

С. **Томашевка**, лѣв. б. Удая,—противъ Дорогинки,—вѣроятно, выселокъ изъ послѣдней. По универсалу Скоропадскаго 1709 г., Т. отдана Андрею Стороженку, въ то время Иченскому сотнику; затѣмъ перешла къ сыновьямъ его, Григорію и Ивану, а въ 1780 г. принадлежала сыновьямъ послѣдняго, майору Михайлу и б. тов. Данилу Стороженкамъ **Кр.** А. 18 д. В. 12 д. В. 30 д. Г. 9 д. 10 х. Пс. (Миниха) 7 д. 7 х. Д. 27 д. 29 х., „разныхъ владѣній“. **Кз.** нѣтъ. Црк. Вознесенія Христова.

С. **Лучковка**, Иченка, поселена Андреемъ Стороженкомъ, который купивъ здѣсь, въ 1706 г., у козака Лучка, участокъ земли, за 200 золот., сталъ селить на немъ слободу.[1]) **Кр.** В. 18 д. Г. 10 д. 10 х. Д. Пс. 10 д. 10 х. **Кз.** Д. 3 д. 5 х. Црк. св. Михаила. Свщ. Петръ Лемницкій.

С. **Гмирянка**, рч. Городянка, по универсалу Скоропадскаго, въ 1712 г., отдана гр. Борису Шереметеву, который получивъ отъ гетмана два села, просилъ дать ему еще и богатое мѣстечко Баклань... Скоропадскій рѣзко отвергнулъ эту просьбу, вѣроятно, объяснивъ, что Баклань составляетъ цѣлый ключъ, съ нѣсколькими селами и деревнями. Но, тѣмъ не менѣе, не желая раздражать сильнаго „птенца“, прибавилъ ему, къ двумъ селамъ, еще и третье—Гмирянку. Послѣ этого Шереметевъ писалъ Скоропадскому: „вашей ясн—ти писаніе, отпущенное изъ Глухова отъ 14 с. мѣс. (ноября 1712 г.), съ должнымъ респектомъ воспріялъ, изъ котораго выразумѣвъ, что в. ясн—ть моею докукою не токмо скучилъ, но и *до гнѣву* привелъ, и въ томъ вышнимъ Богомъ себя свидѣтельствую, что я великую отъ того в. письма скорбь получилъ и не токмо-бъ Баклани, но изъ трехъ такихъ мѣстечекъ в. ясн. не хотѣлъ на гнѣвъ подвигнуть... Что жъ по своей милости, изъ любви, жалуешъ село

[1]) Изъ Румянц. описи.

Гмирянку... еще-жъ буде возможно (и не въ малую противность) который къ тому былъ хуторъ, дабы не раздѣлять. А ежели, хотя мало противно будетъ, и о томъ не скучаю, довольствуяся тѣмъ третьимъ селомъ Гмирянскимъ, на которое изволите в. ясн. приказать дать свой полномочный универсалъ“ [1])... О какомъ хуторѣ говоритъ здѣсь Шереметевъ—не извѣстно. **Кр. А.** 141 д. **В.** ? **В.** 169 д. Пс. 5 д. **Г.** 110 д. 122 х. Пс. 1 д. 1 х. **Д.** 152 д. 185 х. Пс. 3 д. 8 х. **Кз. В.** 46 д. **Г.** 48 д. 58 х. Пс. 2 д. 2 х. **Д.** 116 д. 20 х. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Андрей Куросскій. Въ 40-хъ годахъ, Г—ка, отъ Шереметевыхъ, перешла къ Стрѣшенцамъ, Кириллу и Макару.

С. **Гужовка**, рч. Гужовка [2]), въ полов. XVII в. была на столько многолюдна, что, въ 1649 г., значилась центромъ особой сотни [3]). Значится Г—ка и въ переписныхъ книгахъ 1666 г., такъ какъ указываемое здѣсь (стр. 33), вслѣдъ за с. Ржавцемъ, с. **Жюковка**—никакимъ другимъ селомъ, какъ только Гужовкою, быть не можетъ, и названа Жуковкою, великорусскими писцами ошибочно, по сходству звуковъ [4])... Г—ка принадлежала къ числу ратушныхъ селъ и оставалась свободною до 1732 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Приэтомъ, въ вѣд. 1740 г., замѣчено: „въ Г—кѣ посполитыхъ и ихъ подсусѣдк. живущихъ двор. было, когда во владѣніе надано—57, а нынѣ, на лице состоитъ, живущ. двор. 24. Съ оного, съ самихъ посполит., окладу собирается въ годъ денегъ 12 рубл.“. Затѣмъ Г. находилась въ такомъ же ранговомъ владѣніи г. ес. Жоравки. **Кр. А.** 73 д. **В.** 23 д. **В.** 40 д. Пс. 21 д. **Г.** 29 д. 29 х. **Д.** 34 д. 47 х. Пс. 18 д. 31 х. **Кз. В.** 40 д. **Г.** 46 д. 47 х. Пс. 14 д. 17 х. **Д.** 93 д. 167 х. Црк. Преображенія Г—ня. Свщ.

---

[1]) Матер. для Отеч. Истор., II, 365.

[2]) Такъ названа эта рѣчка у Пащенка; повидимому, это былъ незначительный притокъ Удая.

[3]) Въ «Реестрахъ» 1649 г., на стр. 319, она по ошибкѣ названа Гуровскою вм. Гужовскою.

[4]) Сличая прозвища жителей «Жюковки» 1666 г. съ прозвищами жителей Гужовки 1713—729 гг., мы встрѣчаемъ въ первой—*Новаковъ*, а въ послѣдней *Новаченка*, въ «Жюковкѣ» — «Шутоі», а въ Гужовкѣ Шута...

Иванъ Стефановъ. Показанные по ревизіи 1740 г. (Г.) подсосѣдки всѣ состояли изъ „стельмаховъ“ (плотниковъ), изъ которыхъ 7 д. было полковничьихъ (Галагана), 2 д.—сотника Иченскаго и 12 д.—козацкихъ.

С. Ржавецъ, рч. Ржавецъ, отданъ Мазепою, въ 1690 г., Ив. Стороженку, который уже прежде скупалъ тутъ „грунта“, будучи еще сотникомъ (с. 17). Въ 1693 г., по смерти Ив. С—ка, Р. Мазепою былъ утвержденъ за его вдовою Марьей и сыномъ Андреемъ; а по универсалу 1712 г., Р. былъ подтвержденъ Андрею С—ку и сыну его Григорію. Кр. П. 18 д. А. 105 д. В. 73 д. В. 124 д. Г. 87 д. 95 х. Пс. 2 д. 2 х. Д. 137 д. 163 х. Пс. 16 д. 33 х. Кз. В. 18 д. Г. 21 д. 21 х. Д. 31 д. 60 х. Црк. св. Троицы. [1]) Свщщ. Левъ Полянскій и Иванъ Кушакевичъ. Населеніе Ржавца, по описанію Пащенка: козак.—31 д. 60 х. Крест.: б. тов. Мих. Стороженка—58 д. 70 х., сотника Григорія С—ка—40 д. 45 х. вдовы б. т. Данила С—ка, Катерины—39 д. 48 х., всего крест. 137 д. 163 х. Разночинческихъ подсос.—16 д. 33 х.

С. Парафіевка, верховье рч. Смоши, значится въ переписи 1666 г., съ 24-мя двор. „мѣщанъ“, т. е. крестьянъ; до 1700 г. принадлежала къ числу ратушныхъ селъ, а 1 іюля этого года, отдана, Мазепою, генер. есаулу Ломиковскому, у котораго оставалась до его измѣны. Въ числѣ „измѣнническихъ“ селъ, П. отдана Петромъ В., 27 февраля 1710 г., извѣстному Саввѣ Рагузинскому, при чемъ она тогда же была описана такъ: „*Подданныхъ* пашенныхъ—75 двор., лѣзныхъ—29 дв., а всего 104 дв.; а въ тѣхъ дворахъ поддан. муж. п.—293 чел., а женска и дѣвичья полу—269, а всего 562 душъ. У нихъ коней—76, воловъ 70, коровъ—96, овецъ—305, свиней—129. Съ нихъ платы, съ 131 рабоч. съ коня и вола, по 3 алт. и по 2 денги, въ годъ, итого 13 р. 3 а. 2 д. *Козаковъ* пашенныхъ—42 дв., бобылей козач. и ихъ сосѣд.—20 дв., а всего 62 дв.; изъ нихъ въ войско ходитъ толко 8 челов., у нихъ статку: коней 93, во-

[1]) Объ иконѣ Ржавской Божьей Матери, очень чтимой въ южной Малороссіи, см. Кіевск. Стар. 1900 г., іюль—авг., отд. 2, стр. 11.

ловъ 67, мѣлкаго скота 450“ [1]). Эти любопытныя свѣдѣнія относительно экономическаго быта селянъ нач. XVIII в.—указываютъ на нѣкоторое ихъ благосостояніе, которое затѣмъ подверглось такому упадку, какъ мы видѣли, напр., относительно Иченскихъ крестьянъ пол. XVIII в. (с. 225). Послѣ смерти Саввы Рагуз—го, имѣнія его, по завѣщанію, достались его племяннику, гр. Гаврилу Владиславичу, а послѣдній, умирая въ 1739 г., завѣщалъ ихъ брату своему Мойсею Владиславичу. По спору—съ послѣднимъ—старшаго брата Ефима Владиславича, половина имѣній Рагузинскаго отсуждена была, въ 1742 г., ему [2]); такимъ образомъ и Парафіевкою, въ пол. XVIII в., владѣли, пополамъ, Ефимъ и Моисей Владиславичи. Отъ нихъ П—ка перешла въ 1778 г. къ гр. П. А. Румянцову, вмѣстѣ съ другими имѣніями Рагузинскихъ [3]). **Кз.** П. 24 д. **А.** ? **В.** ? **В.** 151 д. **Г.** 55 д. 69 х. [4]) **Д** 148 д. 193 х. **Кз.** **В.** 17 д. **Г.** 22 д. 33 к. **Д.** 44 д. 102 х. пс. 5 к. Церк. св. Николая. Свщц. Осипъ Григорьевъ и Александръ Иванишъ. Значительное умаленіе крест. за 11 л. (1729—740), произошло между прочимъ, и отъ ухода ихъ, за четыре года (1736—740), въ количествѣ 40 домов., изъ которыхъ ушло 4—„за Днѣпръ,“ 2—въ „Черкаске“ (на Донъ), 2—въ с. Гмирянку, а остальные 32—„безвѣстно“.

Къ Парафіевкѣ, въ полов. XVIII в., принадлежали слѣдующіе хутора.

1. **Западня**, названный лишь по одному имени въ ревизіи 1740 г., принадлежалъ Владиславичамъ, въ 1780 г.—3 х.

2. **Жабокриковка**, Владиславичей, по вѣд. 1753 г., 4 д. 5 х. 7 бд. х., а въ 1780 г.—24 д. 35 х.

---

[1]) Изъ переписныхъ книгъ—пожалованныхъ Рагузинскому имѣній, нынѣ хранящихся въ м. Топалѣ, Новозыбк. у., у кн. М. П. Долгоруковой.

[2]) Записки Черниг. стат. ком., II, 84 и слѣд.

[3]) Опис. Стар. Малороссіи, I, 404.

[4]) По ревизіи 1740 г., указаны въ Парафіевкѣ два «владѣльческіе шинка», въ которыхъ тогда сидѣли: въ одномъ—«жидъ Аврамъ», въ другомъ—«жидъ Лейба».

3. **Туркеновка**, Смошъ, Владиславичей, по вѣд. 1753 г.—17 д. 12 х. 2 бд. х., а въ 1780 г.—35 д. 35 х.

4. **Петрушовка**, Смошъ, Степана Стороженка, Яблун. сотника, по вѣд. 1753 г.—11 бд. х., а въ 1780 г.,—10 д. 10 х.

5. **Качеповщина**, Смошъ, майора Михайла Коченовскаго, по вѣд. 1753 г.,—1 д. 1 х. 4 бд. х. О поселеніи этого хутора въ Румянц. описи находились слѣд. свѣдѣнія. „Въ 7-ми верст. отъ Парафіевки, при рч. Смошѣ, находился водяной „млинъ, принадлежавшій одному изъ приказчиковъ Владиславичей Родіонову и Иваницкому козаку Прочаю, которые, затѣмъ, его продали, жившему въ м. Иваницѣ, Нѣжинскому греку Федору Болгарину. Послѣдній сталъ тутъ скупать поля и лѣса и основалъ хуторъ, который въ 1742 г. продалъ „двору ея и. величества пѣвчому Федору Ивановичу“, за 890 рубл. Недалеко отъ мельницы Болгарина, на той же рч. Смошѣ, находился другой хуторъ, принадлежавшій также Нѣжинскому греку Фомѣ Мачемачу; по смерти М—ча, хуторъ перешелъ къ пяти его дочерямъ, которыя въ 1744 г. этотъ хуторъ продали тоже „Федору Ивановичу Коченовскому, дворянину и шляхтичу“, за 1690 р. Этотъ Коченовскій и былъ устроителемъ хутора, получившаго названіе поэтому Качановки. Когда же Коченевскій былъ пожалованъ болѣе богатыми маетностями (см. с. 138), то Качановку онъ продалъ, въ 1749 г., брату своему секундъ-майору Михайлу Коченевскому, обязавъ его при этомъ—десятую часть помола съ водяныхъ мельницъ отдавать: половину на Парафіевскую церковь св. Николая, а другую—на „шпиталь нищимъ“. Отъ Коченевскаго Качановка перешла къ Румянцову [1]).

6. **Власовщина**, „при впаденіи рч. Парафѣевка въ рч. Смошъ, на оной рѣчкѣ плотина объ 1-мъ амбарѣ, 16 дв. 17 х.“ (Пащенко).

---

[1]) При Румянцовѣ, въ Качановкѣ построенъ былъ большой каменный домъ и заведенъ садъ, положившій начало тому великолѣпному парку, которымъ славилась Качановка при Тарновскихъ, во владѣніи которыхъ она, послѣ Румянцова, находилась до 1897 г.

Красноколядинская сотня, въ к. XVII и нач. XVIII в., занимала оба берега верхняго Ромна и его притоковъ. На этомъ пространствѣ, въ 1649 г., мѣстилось четыре сотни: Краснянская, Крапивянская, Голенская и Корибутовская. („Реестра", 316—320). Въ 1654 г. Крапивянской сотни уже не существовало; но три остальныя значились, какъ это видно изъ списка мѣстечекъ Прилуцкаго полка, населеніе которыхъ было приведено къ присягѣ, при подданствѣ Малороссіи. (Акты Ю. З. Р., X, 295). Къ 1672 г. перестала существовать сотня Голенская, а къ к. XVII в.—поселенія всѣхъ названныхъ четырехъ сотенъ—соединены были въ одну, Красноколядинскую. Въ такомъ составѣ послѣдняя существовала до 1738 г., когда изъ нея была выдѣлена восточная половина территоріи въ особую сотню, *Корибутовскую* или, вѣрнѣе, *Голенскую*. Объ сотни—Красноколядинская и Корибутовская—описываются раздѣльно, такъ какъ, по характеру административной дѣятельности ихъ сотниковъ, населеніе этихъ сотенъ жило при условіяхъ неодинаковыхъ.

Красноколядинскіе сотники. Тишко Гавриленко, 1654. (Акты Ю. З. Р., X, 97). **Иванъ Самойловичъ, 1665. Данило Печеный, 1672. Павелъ Загурскій, 1672. Тимофей Андреенко, 1681** [1]). **Тимофей Юрьевичъ, 1687. Корнѣй Салогубъ, 1701—708. Леонтій Лащинскій, 1710—717. Маркъ Ангеліовскій, 1717—733. Петръ Семеновичъ Максимовичъ, 1738—761. Иванъ Павловичъ Миницкій, 1764—780.**

Самойловичъ, будущій гетманъ, былъ уроженецъ Сквирскаго м. Ходоркова, сынъ тамошняго священника, переселившагося въ Колядинъ. Тутъ будущій гетманъ получилъ мѣсто сотеннаго писаря: „а ижъ былъ (С—чъ) въ писмѣ козакорусскомъ доволенъ, разуменъ, уроди краснои, добръ и ко всѣмъ людемъ склоненъ и прихиленъ, того ради вскорѣ, въ томъ же Кр. Колядинѣ, поставленъ писаромъ сотеннымъ, за Бруховецкого гетманства, занеже и писивалъ красно". Такъ разсказываетъ Величко (II, 305) о первоначальной карьерѣ будущаго гетмана.

[1]) Сынъ его, *Иванъ Тимошевскій* «постригся въ попы въ 1712 г.» и въ 1734 г. былъ протопопомъ Иченскимъ.

По его же свѣдѣніямъ, живя въ Колядинѣ, С—чъ чѣмъ то заслужилъ покровительство генер. писаря (при Брюховецкомъ) Степана Гречанаго, „за причиною“ котораго, сначала, поставленъ былъ сотникомъ въ Веприкѣ (Гадяцк. п.), а потомъ—переведенъ на тотъ же сотничій урядъ, въ Колядинъ. Отсюда, по свидѣтельству Величка же, С—чъ, „за причиною тогоже Гречаного, поставленъ отъ Бруховецкого наказнымъ полковникомъ Чернѣговскимъ“. Но прежде, чѣмъ С—чъ получилъ Черниговское полковничество, онъ былъ сначала полковникомъ охочекомоннымъ. Случилось это такъ. Во время еще его сотничества, С—чъ, „по указу государеву“, былъ наряженъ, съ отрядомъ козаковъ, въ какой то походъ къ Смоленску. Объ этомъ писалъ Бруховецкій царю, въ нач. 1665 г.—„а что, в. царское величество, указали было къ Смоленску, еще лѣтомъ, часть войска Запорожского послати и я *сотника Краснянского Ивана Самойленка* послалъ есмь, которой стоитъ въ Стародубщинѣ, указу ожидаючи, о которомъ и я покорно бью челомъ: куды имѣю того сотника, съ тою частью, войска обратити, къ себѣ ль или куды“? [1]) А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Брюховецкій доноситъ царю, что „снесеніе надъ непріятелемъ подъ Кричевомъ и Гомелемъ, стало“ отъ полковниковъ Стародубского—Остренина и „*Запорожского конного—Ивана Самойловича*“. Отсюда слѣдуетъ заключить, что за эту самую побѣду, надъ поляками, С—чъ и поставленъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ. Во всякомъ случаѣ, карьера С—ча была очень быстрая, благодаря, конечно, тому же Гречаному. Къ этимъ свѣдѣніямъ о С—чѣ, какъ сотникѣ, можно добавить, что живя въ Колядинѣ, онъ тамъ и женился, на дочери „Краснянскаго арендара“ Ивана Богатаго, Марьѣ, братья которой, Захаръ и Константинъ, впослѣдствіи звались Голубами [2]).

---

[1]) Акты Ю. З. Россіи, V, 239, 244, 248.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1885 г., май. Прозвище отца Голубовъ—Богатымъ видно изъ слѣд. акта.—«Яско Воронченко, полковникъ Войска его царского величества Запорозкого Прилуцкій. Пане сотнику Краснянскій ис товариствомъ сотнѣ твоей и войте з месчанама. Пишу к вамъ о тое, же мнѣ жаловался славетний п. Иванъ Богатий, арендаръ

Загурскій, послѣ сотничества, въ 1687 г. былъ Колядинскимъ сотеннымъ атаманомъ.

Андреенко, послѣ сотничества, въ 1687 г. значился „сотеннымъ товарищемъ".

Салогубъ лишился сотничества, повидимому, въ 1708 г., вслѣдствіе обвиненія въ томъ, что, когда козаки его сотни представили ему, въ декабрѣ 1708 г., двухъ пойманныхъ Кіевскихъ рейтаръ, то сотникъ ихъ „билъ и отослалъ къ измѣннику Мазепѣ" [1])...

Лащинскій получилъ сотничій урядъ не позже 1710 г., отъ новопоставленнаго тогда полковника Носа, котораго онъ внуку „держалъ", какъ говорили мѣстные старожилы [2]). Лащинскій по происхожденію былъ, повидимому, Подлипенскій козакъ (первоначальное прозвище—Лащъ), который, обучившись грамотѣ и пользуясь извѣстною ловкостью, женился на одной изъ пяти дочерей Гирявскаго державцы Радича (см. с. Гирявка), б. м.,

---

на тотъ часъ Краснянскій, же своевулне его лѣсъ пустошатъ такъ Дептовъчане, яко и инъшие, который то лѣсъ его власний, куплений давно. Прето росказую вамъ, жебы ему жадноѣ кривди не було у томъ его лѣсѣ, а кого застане в дачы (sic), заплатитъ купъ пять на насъ, полковника, и Войско Запорозкое, и каранья не уйдетъ, такъ козакъ, яко и мешчанинъ. Чого ти, сотнику, да й отамане и войте, перестерегать маете, жебы насъ скарга не доходила в томъ, для чого ему даю сее мое писане, жебы и потомкумъ его служило. Писанъ в Прѣлупѣ, дня 28 июня, 1656 року. Яско Воронченко, полковникъ Войска Запор. Прилуцкий рукою.» (Съ подлинника). Въ другомъ актѣ 1654 г., (см. ниже, *м. Кр—К-нь*, примѣч.), Иванъ Богатый называется просто Иваномъ Григорьевичемъ.

[1]) Матер. военно-учен. арх. главн. штаба, I, 637 и 651.

[2]) «Историческіе очерки селъ Конотопск. уѣзда», напечатанные въ Черниг. губ. вѣд. за 1886 и 1887 г.г. Эти *Очерки* представляютъ рядъ, большею частію, сырыхъ матеріаловъ для исторіи южно-конотопскихъ селъ. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти матеріалы, мы будемъ указывать ихъ сокращенно—«Очерки», съ добавленіемъ названія села, подъ титуломъ котораго напечатано то или другое свѣдѣніе. Мы не имѣемъ у себя тѣхъ №№ Черниг. губ. вѣд., гдѣ были напечатаны „Очерки", и пользуемся отдѣльнымъ оттискомъ. Въ настоящей ссылкѣ указывается—м. Кр.-Колядинъ.

потому, что мать этихъ дочерей была дочерью полковника Носа. Вѣроятно, по предстательству того же Носа, Л—ій получилъ въ 1714 г. с. Поноры, „на урядъ“. Л—ій правилъ сотнею пока живъ былъ Носъ, а по смерти Носа, сотняне стали жаловаться на Л—аго, и гетманъ его смѣстилъ, какъ видно изъ слѣд. универсала 1717 г.: „вычитавши мы выведенную, (по занесенной отъ сотнянъ Кр.-колядинскихъ на сотника жалобѣ) инквизицію чрезъ п. Якова Лизогуба, бунч. наш. войск. генер., и хотячи, жеби далшій межи ими не чинился заводъ (споръ) и не уростала ненависть, повелѣваемъ ему, нынѣшнему Кр.-к-му сотниковѣ, урядъ тотъ зложити, а на мѣстце его ординуемъ, отъ боку нашого, сотникомъ п. Марка Ангеліовского, которій у *двору монаршого, при блаж. памяти царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, знайдовался, и разныхъ высокихъ особъ до насъ были инстанціи* (ходатайства), *жебисмо показали ему мѣстце и кондицію.* Затимъ пишемъ, до его жъ п. бунч. енер., жеби одобравши короговъ отъ помянутого нынѣшн. сотника Кр.-коляд-го Леонтія Л—ого, вручилъ оную п. Ангеліовскому“. Изъ этого универсала ясно видно, что для Ангеліовскаго, (вѣроятно, бывшаго придворнаго пѣвчаго), нужно было очистить Кр.-к-ій сотничій урядъ, а потому Л—ій и былъ отставленъ. Отсутствіе какой либо особой вины у Л—го видно изъ того, что, въ томъ же 1717 г., гетманъ утвердилъ за нимъ (и при томъ—несправедливо) „тестевское“ с. Гирявку. (См. это село).

Ангеліовскій правилъ сотнею болѣе 15-ти лѣтъ и нажилъ за это время значительное земельное богатство. Изъ оставленнаго имъ списка нажитыхъ разнаго рода грунтовъ, видно, что немало при этомъ сотникъ получилъ земель и въ видѣ подарковъ. Напр., Иванъ Зубъ, житель Кр.-к—ій, „ниву якъ бы на тыждень (т. е. 7 дней или $1^3/_4$ десят.), подъ Дмитровкою лежачую, зъ доброй своей волѣ (сотнику) подаровалъ“. Подарки эти сотникъ получалъ большею частью „по любвѣ“ дарителей [1])... Даралъ Ангеліовскго даже игуменъ Крупицкаго (Батуринскаго) м—ря, владѣнія котораго находились, между прочимъ,

[1]) „Очерки“, м. Кр.-Колядинъ.

и въ предѣлахъ Колядинской сотни [1]). Всѣ пріобрѣтенныя Анг—мъ земли были утверждены за нимъ по универсалу Апостола, въ январѣ 1733 г. [2]). Послѣ Ангеліовскаго остались двѣ дочери, Наталья, жена в. тов. Вас. Купчинскаго, и Катерина, жена „штабъ-лѣкаря“ Савваст. Семенова; къ этимъ дочерямъ и перешли имѣнія Ангеліовскаго.

Максимовичъ былъ назначенъ сотникомъ въ 1738 г., а кто былъ до него, послѣ Ангеліовскаго,—неизвѣстно. М—чъ былъ сынъ Лубенскаго полк. судьи Семена М—ча, началъ службу въ генер. к—ріи, при чемъ „канцелярійскія дѣла“ от-

---

[1]) «Іеромон. Феодосій Хомѣнскій, игум. Батур. м-ря Крупицк., зъ любвѣ своей, подаровалъ мнѣ всю осѣдлость дворовую изъ ліохомъ (погребомъ) и пѣчъ зеленую въ хатѣ стоячую, а всю околичную огорожу того двора, кромѣ самихъ толко хатъ и комори, въ двору томъ стоячой, въ мѣстѣ на ринку“... „Очерки“, м. Кр.-Колядинъ.

[2]) По универсалу Апостола 27 янв. 1733 г., были подтверждены Поноры, „до ласк. войсковой“, и затѣмъ: „разграничене б. бунч. енер. Як. Лизогубомъ съ присутствующ., 1719 г. юля 20 дня, между Рябускими и Грицювскими селянами чиненное, на долину сѣнокосную, за дорожкою з села Рябухъ до Талалаевки идучою, недалеко противъ Близницъ могилъ, въ вершину Лисогора, а Лисогоромъ до Княжого колодязя, найдуючуюся, которую долину для вспоможенія тамошней ратуши и его п. Ангеловскаго нового господарства, оніе розницки опредѣлили во владѣніе, да на яръ сѣнокосній, якій *во время роздѣлу степу*, *опредѣленъ людми*(?) умершему Кр.—К. сот. писару Корсуну, якимъ яромъ, по умертвіи оного писара, владѣлъ б. Кр.—К. сотникъ Лащинскій, а по немъ уже и онъ, п. Анг., болше 10 л. владѣетъ. Особенно же купчие объявлялъ на грунта: первую, на греблю въ яру Коренецкомъ, отъ С. Яценка уступленную, гдѣ теперъ онъ, п. Анг., котомъ своимъ устроилъ два млина вешняки, з гаями и полемъ, з которихъ при низшомъ млину, одъ села Коренецкого, и хатокъ нѣсколко для досмотру гребеліокъ, на оной же своей землѣ, поселилъ“... Засимъ слѣдуетъ перечень разныхъ грунтовъ, большею частью, *уступленныхъ* Анг—му, которые были утверждены за нимъ по этому универсалу. Объ упомянутомъ здѣсь раздѣлѣ степи, находившейся къ югу отъ Рябухъ, слѣдуетъ замѣтить, что раздѣлъ этотъ долженъ былъ происходить не позже 70-хъ годовъ XVII в., такъ какъ „Иванъ Кравченко, Корсунецъ“, значится Краснянскимъ писаремъ на актѣ 1687 г.

правлялъ при А. И. Румянцовѣ, по „усмотрѣнію“ котораго и былъ назначенъ въ К—динъ сотникомъ, имѣя отъ роду всего 21 годъ. [1]) Будучи человѣкомъ пришлымъ, М—чу нужно было въ Колядинѣ наживаться, какъ наживался и Ангеліовскій. А ка́къ наживался М—чъ, видно хотя бы изъ слѣд. жалобы Кол—го козака Приходька, поданной Румянцому въ 1767 г.—„б. сотникъ Петро М—чъ построилъ около двора отца моего—свой домъ и потомъ, по сосѣдству, сталъ тѣснить насъ, по власти своей, будучи сотникомъ; первое, чинилъ намъ разныя вытиски и немилостивые бои и увѣчья, а потомъ, какъ той жилой нашъ дворъ, такъ и чрезъ улицу огородъ съ садомъ, лѣсъ и по́ля пахатного дней на сорокъ (10 дес.)—самоправно завладѣлъ и нынѣ владѣетъ. И хотя умершій отецъ мой, а послѣ его, я съ братьями, имѣли съ М—чемъ искъ въ полк. судѣ, но судъ, чиня ему, М—чу, поноровку, не закончилъ того дѣла и по нынѣшнее время“... [2]) А зять Ангеліовскаго, Семеновъ, жаловался въ 1740 г., что М—чъ, зазвавъ его жену къ себѣ въ гости, хотѣлъ тутъ же, передъ своими окнами, наказывать арестованныхъ передъ тѣмъ ея „подданныхъ“,—въ поруганіе жены,—чтобы она на то смотрѣла; и жена моя видя то, съ великимъ ругательствомъ отъ него едва ушла“... За 20-тилѣтнее управленіе сотнею, М—чъ нажилъ болѣе 30-ти дворовъ, въ томъ числѣ въ одномъ Колядинѣ—26 дв.

Миницкій былъ сынъ Иваницкаго сотника Павла М—го, началъ службу въ ген. к—ріи, откуда и назначенъ сотникомъ въ 1764 г., имѣя отъ роду 29 лѣтъ. По вѣд. 1776 г., у него было семь сыновей, изъ которыхъ три, находились по малолѣтству, до́ма, а четыре—въ регулярной службѣ, два—въ компанейскомъ полку—корнетами, а два—въ молдавскомъ гусарскомъ—вахмистрами. Передъ реформой 1781 г., М-ій былъ переименованъ въ чинъ бунч. товарища, но оставался „при мѣстѣ“ сотника до упраздненія сотни. Изъ описанія Пащенка видно, что у Миницкаго было въ Рябухахъ—17 х. и въ Дмитровкѣ—5 х.

---

[1]) „Очерки“, м. Кр. Колядинъ.

[2]) Тамъ же.